

Ерофей Трофимов

ЕЩЕ ОДИН ШАНС

Еще один шанс

Дикая война

И один в тайге воин

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Ерофей Трофимов

**Еще один шанс: Еще один шанс.
Дикая война. И один в тайге воин**

«Издательство АСТ»

2020, 2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Трофимов Е.

Еще один шанс: Еще один шанс. Дикая война. И один в тайге воин / Е. Трофимов — «Издательство АСТ», 2020, 2021 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-151998-8

В свои шестнадцать он прославился на всю округу как лучший следопыт. А ещё как механик-самородок, умеющий придумывать новые машины. А на самом деле в теле юного охотника оказался сорокалетний мужик из другого времени и другого мира. И вот теперь он вынужден скрывать свои знания и умения, пытаясь прижиться в новом для себя теле. Ведь всё, что его теперь окружает, он знает только по книгам и фильмам. А тут и настоящие хунхузы, готовые ограбить и убить зазевавшегося путника, и ханты, живущие своим миром и охраняющие границу империи, и дворяне, которым положено кланяться, снимая шапку.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-151998-8

© Трофимов Е., 2020, 2021
© Издательство АСТ, 2020, 2021

Содержание

Еще один шанс	6
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Ерофей Трофимов
Еще один шанс: Еще один шанс. Дикая
война. И один в тайге воин (сборник)

Серия «Коллекция. Военная фантастика» *Выпуск 49*

© Ерофей Трофимов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Еще один шанс

Ночная трасса ложилась под колеса мотоцикла бесконечной черной лентой, навевая странные воспоминания. Пролетев очередной поворот, мотоцикл выровнялся, и ездок прибавил газу. До нужного места оставалось всего полсотни верст, а там друзья, баня и выход на долгожданную охоту. Восстановленный из руин тяжелый «Урал», урча движком, словно огромный кот, вписался в очередной поворот, и Мишка ударил по тормозам, укладывая машину на бок, чтобы избежать столкновения с непонятным светящимся овалом, повисшим посреди ночной дороги.

Мишка, будучи опытным мотоциклистом, пытался хоть как-то перенаправить свое кувыркание в сторону от непонятного препятствия, но недавний дождь превратил асфальт в подобие катка. Так что, зацепив каблуками ботинок бровку трассы, он влетел в овал головой вперед. Высекая искры, мотоцикл проскользнул по асфальту до светящегося овала, а дальше – беззвучная вспышка и темнота...

В чувство его привели осторожные, ласковые касания чьих-то рук. Кое-как выжав из себя еле слышный стон, Мишка попытался открыть глаза, но мышцы отказывались подчиняться. Сделав еще пару попыток хоть как-то показать, что живой, он вдруг понял, что собственное тело отказывается ему подчиняться. Первой мыслью, после этого осознания была паника.

«Твою мать! Неужели, падая, умудрился шею себе свернуть и теперь не могу шевелиться?!» – думал он, все настойчивее пытаясь пошевелить хоть чем-то.

Спустя пару минут, судя по внутреннему таймеру, пальцы на руках вдруг обрели чувствительность и слегка отозвались на попытки сжать кулаки.

– О! Руки начали шевелиться, – услышал он негромкий мужской голос. – Это очень хорошо. Разотрите его, голубушка. И губы смочите. Наверняка пить хочет. Да не руками. Тряпочкой мягонькой, чтобы кожу не царапать. Вот так, да. И водички, водички ему. Ничего, не переживайте, любезная. Раз шевелится, значит не все так плохо.

Слушая вкрадчивый незнакомый голос, Мишка пытался понять, что происходит и почему все делается так непрофессионально. Любой байкер знает, что, катаясь на мотоцикле, рано или поздно разложишься так, что окажешься на больничной койке, и главная твоя задача – выйти из этого приключения с минимальными потерями. Так что опыт падений и оказания медицинской помощи в подобных случаях у него был.

Но когда все те же руки осторожно приподняли ему голову и приложили к пересохшим губам кружку с водой, все мысли моментально улетучились. Буквально впитав губами несколько грамм ледяной, удивительно вкусной воды, он почувствовал, что оживает. Захлебываясь и давясь, он присосался к кружке, мечтая только об одном: лишь бы не отобрали. Словно услышав его мысли, кружку отнимать не стали, давая ему утолить жажду. То, что поили его из глиняной кружки, он понял, ощутив губами шершавую поверхность.

Откуда пришло это знание, он и сам не понял, да и неважно это было на тот момент. Напившись, точнее, выхлебав все, что дали, Мишка глубоко вздохнул и снова попытался открыть глаза. На этот раз что-то начало получаться. Веки приподнялись, позволив ему рассмотреть странный деревянный потолок, беленный известью, и смутные овалы человеческих лиц, склонившихся над кроватью.

- Вы меня слышите, юноша? Говорить можете? – послышался вопрос.
- Вроде да, – еле слышно прохрипел Мишка.
- Что? Что вы сказали? – быстро переспросил мужчина, склоняясь к его губам.
- Где я? – нашел в себе силы повысить громкость Михаил.
- Дома ты, сынок, – послышался в ответ женский голос.

– К черту подробности, город какой? – буркнул Мишка, пытаясь усмехнуться резиновыми губами.

Манера шутить даже в самых тяжелых ситуациях не раз спасала его по жизни.

– Вы не узнаете свой дом? – удивился мужчина, медленно выпрямляясь.

– Это анекдот такой, – попытался прояснить ситуацию Миша.

– Анекдот?! Расскажите? – тут же вцепился в него мужик.

– Поехал мужик в Москву, вечером напился в кабаке, утром просыпается на какой-то лавке, а рядом полиция. Он и спрашивает: «Где я?» Ему в ответ: «На Красной площади». А он им: «К черту подробности, город какой?»

– Хе-хе, интересно, не слыхал, – рассмеялся мужик мелким смехом. – А что вы еще помните?

– А-э, ничего, – растерянно протянул Мишка, вдруг сообразив, что действительно ничего не помнит. Точнее, помнит то, о чем пока говорить совсем не стоит. С чего он так решил? Да потому, что вокруг все было не так, ведь пока он заговаривал мужику зубы, зрение немного прояснилось и Мишка сумел рассмотреть помещение, в котором оказался. Это был не дом. Точнее, это был совсем не его дом.

– Что, и Глафиру Тихоновну не припоминаете? – не унимался мужик, указывая на стоящую рядом с ним женщину.

Переведя на нее взгляд, Мишка с тоской ощутил, что впервые видит эту женщину с добрым, но усталым лицом, на котором яркими пятнами выделялись пронзительные синие глаза, сейчас смотревшие на него с жалостью и болью.

– В лицо помню, а так не помню, – решил выкрутиться Мишка.

– Дожили! – послышалось откуда-то из угла. – Родную тетку не признает, оглоед. Корми его теперь запросто так.

Голос Мише категорически не понравился. Хриплый, дребезжащий, с явной ноткой истерики. Такой бывает у индивидов, склонных к алкоголизму и при этом невероятно склочных.

– Бога побойся, Трифон, – робко осадила его женщина.

– М-да, юноша. Крепко же вас приложило, – задумчиво протянул мужик, рассматривая Мишку, словно музейный экспонат.

– А что вообще случилось? – осторожно поинтересовался Мишка, решив хоть как-то прояснить для себя ситуацию.

– Это вам ваша тетушка расскажет. А мне уже пора, – ответил мужик, достав из жилетного кармана часы-луковицу и щелкая крышкой. – Значит так, любезная, – продолжил он, поворачиваясь к женщине. – Ему нужны полный покой и легкая пища. Супы, щи, каши немножко. Завтра я еще зайду.

– Так ведь, доктор, платить-то чем прикажете? – робко поинтересовалась женщина, доставая из тряпицы монеты и протягивая их мужику.

– Сделаем так. Если ран или переломов у него не обнаружится, денег я не возьму, но буду наблюдать за течением болезни. Случай уж очень необычный. Интересный. Приходилось слышать, что такая потеря памяти при контузиях сильных бывает. Но это на войне. А тут случайность. Интересно. Очень интересно, – проворчал мужик и, поправив пенсне, вышел из поля зрения.

Только теперь Мишка сообразил, что доктор этот был одет почти так же, как известный писатель Чехов на своих портретах. Даже борода и пенсне такие же. Зажмурившись, Мишка осторожно покачал головой, пытаясь отогнать панические мысли. Шея отозвалась скрипом заржавевшего шарнира, а голова на это движение откликнулась вспышкой тупой боли где-то в затылке, ближе к левому уху. Не удержавшись, Мишка еле слышно застонал.

– Что, сынок, больно? – всполошилась женщина.

– Вам плохо, молодой человек? – быстро спросил вернувшийся от дверей доктор.

– Повернулся неловко, голова, – осторожно пожаловался Мишка.

– Да, на голове у вас гуля знатная, – кивнул мужик, заметно успокоившись. – Пока не сойдет, постарайтесь резких движений не делать.

– Доктор, вы, когда к нам пойдете, захватите газет старых, если не трудно, – решившись, попросил Мишка. Ему срочно нужна была информация. Что-то тут было не так. Но что именно, он пока никак не мог понять.

– Надеетесь по газетам восстановить память? Интересная мысль. Обязательно прихватчу, – закивал врач и, еще раз попрощавшись, ушел.

– Ну, и как теперь жить станем? – раздалось из угла. – Раньше он хоть что-то охотой добывал, а теперь? С голоду подышать?

– Уймись, Трифон. Не гневи Бога! В огороде все народилось, рыба соленая есть, корова доится, перебедем, – отмахнулась женщина, осторожно присаживаясь на край Мишиной постели. – Хочешь чего, Мишаня? – спросила она, еле заметным движением поправив ему подушку.

– Водички если только, да посплю потом, – нашел в себе силы улыбнуться Мишка.

Вся его чуйка буквально вопила, что вокруг творится что-то совсем неправильное, но что именно – непонятно. А значит, вести себя надо так, словно собрался пройтись по минному полю. Напившись, он поблагодарил женщину и, прикрыв глаза, попытался проанализировать все увиденное, но, сам того не ожидая, провалился в долгий глубокий сон.

* * *

Проснулся Мишка от острого и вполне естественного желания. Чувствуя, что еще немного, и он невольно изобразит известный бельгийский памятник, Миша привычным движением откинул одеяло и встал. Точнее, попытался встать. Все-таки с его телом было что-то не так. И точность движений, и координация, и даже габариты не совпадали с теми, с которыми он жил всю жизнь. К тому же от резкого движения снова начала ныть шишка на затылке и закружилась голова.

Пытаясь не обращать внимания на все эти сложности, он сжал зубы и усилием воли заставил себя выпрямиться. В итоге моментально накатила слабость, и очнулся Мишка уже на полу. Заботливые руки подхватили его, помогая приподняться, и испуганный женский голос тихо зашептал:

– Мишенька, что же ты так, сынок! Позвал бы, я бы и прибежала.

– Да мне бы это... На двор, – кое-как справившись с голосом, смущенно ответил Мишка.

– Ох ты, господи! Вот ведь дура бестолковая! – снова запричитала женщина. – Пойдем, сынок. Провожу.

Понимая, что без посторонней помощи ему не справиться, Миша оперся рукой на плечо Глафиры Тихоновны и, еле слышно постанывая сквозь плотно сжатые зубы, зашлепал к дверям. Желудок то и дело подкатывал к горлу. Попутно, сквозь туман перед глазами, Михаил старательно оглядывал помещение, в котором оказался. По первым прикидкам, это была обычная деревенская изба-пятистенок, с большой русской печкой, беленной все той же известью. Неубиваемое заведение типа скворечник оказалось за домом, в огороде.

Справив нужду и чувствуя себя почти счастливым, Мишка выбрался на двор и, держась рукой за стену избы, с удовольствием вдохнул свежий прохладный воздух. Стоявшая рядом женщина, смотревшая на него с грустью и жалостью, куталась в большой платок и терпеливо дожидалась, когда Мишка найдет в себе силы вернуться обратно. Сообразив, что разбудил ее, Мишка смутился и, попытавшись улыбнуться, негромко сказал:

– Простите, что поднял ни свет ни заря. Думал, сам управлюсь.

– Да бог с тобой, сынок. Жив, и ладно. А с остальным справимся, – улыбнулась в ответ женщина.

– Глафира Тихоновна, а что все-таки случилось? Чем это меня так приложило?

– Пойдем в дом, расскажу. А то холодно, простынешь еще, – всполошилась женщина, снова подхватывая его за пояс.

Только теперь Мишка понял, что стоит перед ней в одном нижнем белье, вроде солдатского, и какой-то кожаной обувке навроде исторических поршней. Смутившись еще больше, он поспешил убраться в избу, пока посторонние не увидели его в таком виде. Добравшись до своей лежанки, Мишка поспешно накрылся одеялом и вопросительно посмотрел на женщину. Понимая, чего он от нее ждет, та поправила платок, брошенный на плечи, и, присев на край лежанки, принялась тихо рассказывать:

– Ты с охоты шел. С тобой еще два паренька было. Друзья твои. Митька и Колька... – Тут она замолчала, настороженно глядя на него. В ответ Мишка только удрученно покачал головой. Вдохнув, она продолжила: – Три дня в тайге были. Рябчиков хорошо взяли, да еще и глухарей добыли. А как мимо дома инженера шли, что-то там у него и взорвалось. Друзей твоих насмерть побил, а тебя по голове чем-то стукнуло. Два дня лежал, думали, уже и не встанешь.

– Это выходит, я охотился регулярно? – на всякий случай осторожно уточнил Мишка.

– И еще как. Почитай, всех нас кормил. И по пушному зверю ходил, и по дичи, и рыбу ловил. То-то Трифон взъерепенился. Раньше половину добычи твоей купцам на кухню продавал и с деньгами был, а теперь... – Она замолчала, удрученно вздохнув.

– Ничего. Были бы кости, а мясо нарастет, – попытался успокоить ее Мишка. – Раз уж вставать пытаюсь, значит, не все так плохо. Сейчас главное тело в порядок привести, и чтоб голова не болела. А память... – Он замолчал, подбирая слова. – Главное ухватки охотничьи вспомнить, остальное само потихоньку придет.

– Даст бог, вспомнишь, – слабо улыбнулась Глафира Тихоновна.

– Вы мне напомните, я вам кто? Вроде как племянник, – осторожно предположил Мишка, выводя ее на нужную тему.

– Слава те господи, вспомнил, – оживилась женщина.

– А родители мои где? Померли?

– Так бандиты басурманские налетели и всю деревню вашу пожгли. Батя твой отстреливался, да застрелили его. Мать, сестра моя единокровная, с младшей дочкой через огород бежала, так их обеих одной пулей и убило. Вот ты один и остался. А я забрала. Своих-то деток мне Господь не дал, – всхлинула женщина.

– Бандиты – это хунхузы китайские? – быстро спросил Миша, сам не поняв, почему указал именно на них.

– Они, проклятые, – кивнула Глафира.

– Ладно, Глафира Тихоновна, спать идите. Да и я еще подремлю, – закруглил Миша разговор, пытаясь проанализировать ситуацию.

– Да куда теперь спать-то? – удивилась женщина. – Корову доить пора. А ты спи. Спи. Поправляйся, – добавила она, погладив его по щеке шершавой от мозолей ладонью.

Поднявшись, женщина отправилась по своим делам, а Мишка, устроившись поудобнее, принялся лихорадочно ощупывать собственное тело. Только теперь до него дошло, что с ним не так. Это было *не его* тело! Это было тело подростка лет четырнадцати-пятнадцати. Жилистое, крепкое, но явно не знающее, что такое настоящий спорт и серьезная драка. Поднеся к лицу ладони, Мишка внимательно изучал крепкие пальцы с кое-как обрезанными ногтями и мозолями от домашней работы.

«Ну и как это все понимать? Меня самого-то куда дели?! – взвыл он про себя, чувствуя, как от ужаса волосы на голове шевелятся. – Это что? Выходит, наши фантасты про всяких

попаданцев правду писали? Получается, что теперь я и сам попал? Вот только куда? Так, стоп. Мишка, возьми себя в руки и начни мыслить конструктивно... Да ну нахрен! Какой тут, к бениной маме, конструктив? Как это вообще может быть?! Куда меня нахрен занесло?!»

Последнюю фразу он едва не выкрикнул в полный голос, в последний момент сообразив, что привлечет к себе внимание и получит кучу ненужных вопросов. С грехом пополам справившись с эмоциями, он принялся глубоко дышать, пытаясь успокоиться. Сейчас, главное, было понять, куда он попал и что с этим делать. Как оно случилось, можно будет обдумать позже. Успокаивая себя подобными мыслями, Миша немного взял себя в руки и принялся вспоминать, что успел увидеть во время своей недолгой прогулки.

– Так. Изба-пятистенки. Такие по всей России ставили. Тетка про хунхузов сказала. Выходит, я где-то за Уралом. Я вроде паровозный гудок слышал, выходит, рядом железка. Мама! Неужели я где-то на КВЖД? Если так, то я действительно попал. Места тут веселые. Стоп. А с чего я решил, что гудок был паровозный? А с того, что у тепловозов гудок другой. Не такой писклявый. Уверен? Да, блин. Уверен.

Вздвогнув от собственных мыслей, Миша зажмурился и сжал кулаки, снова пытаясь успокоиться. Новое тело то и дело выходило из-под контроля. Похоже, гормональный всплеск подростка заливал его сознание эмоциями. Отдышавшись, Миша расслабился и вернулся к размышлениям.

«Итак, что мы имеем? Тело мальчишки. И чем им мое старое не понравилось? Крепкое, здоровое тело сорокалетнего мужика, отслужившего в армии, регулярно занимавшегося рукопашкой и имевшего нормальные мужские увлечения: охота, рыбалка, техника... Ладно. Уже отобрали, и претензии непонятно кому предъявлять. А вообще, если вспомнить, как оно все случилось, то поневоле начнешь верить в инопланетян и чертей.

Мотоцикл жалко. Из руин старичка поднял. До сих пор как вспомню, так вздрогну. Одна только покупка его мне столько усилий стоила, что смех берет. С завода они только с коляской идут, а я всегда чистый байк хотел. Пришлось на гайцев выходить и с их гаража списанный мотоцикл брать. Да уж. Но ведь добился своего. Купил, восстановил. Как новенький был. Черт!»

Не удержавшись, Миша зло зашипел сквозь зубы. Именно потеря мотоцикла, в который он вложил столько сил и времени, заставила его понять, что потерял он не только мотоцикл, но и всю свою прошлую жизнь. Да, пусть странную, где-то бестолковую, в чем-то даже глупую, но свою. Налаженную, привычную. Что больше не будет ничего из того, к чему он так привык. Ни посиделок в бане с друзьями, ни флирта с женщинами, ни долгих выездов на природу. Придется все начинать заново.

«Да твою ж мать! За что мне это? – взвыл он про себя, снова сжимая кулаки. – Так, Миша. Остановись, или сам себя загонишь. Вспоминай, как тебе на Кавказе хреново было. Пережил. Выжил. Вот и здесь справишься. Выживешь, если сильно захочешь. Думай, Мишка. Думай. Что у нас в активе? Возраст и потерянная память. Под эту марку можно будет некоторое незнание местных реалий списать. А главное, у тебя есть знания твоего времени. Теперь нужно узнать, где именно я нахожусь и какой тут год. Судя по манере разговора, это начало прошлого века. Выходит, царские времена. А может, все не так плохо?

Блин, да тут же тогда все мои знания и яйца выеденного не стоят. Вся наука еще только начинает развиваться. Оружие как бы не дульнозарядное. Небось, еще карамульки с дымным порохом. Стоп. Это меня куда-то не туда понесло. Что там тетка сказала? Я охотником был? Точно. Нужно попросить ее ружье принести. Тогда многое ясно станет. Охотничье оружие, это отрасль выпуска боевого. Хотя это может и берданкой какой допотопной оказаться. Откуда пацану хорошее оружие взять?»

Вошедшая в избу Глафира Тихоновна поставила у порога подошник и, вытирая руки фартуком, подошла к лежанке. Убедившись, что Мишка не спит, она улыбнулась и тихо спросила:

– Дать молочка, сынок? Свежее. Только сцедила.

– Благодарствую, – кивнул Мишка, припомнив подходящее словцо. – И это... Мне б амуницию мою охотничью осмотреть. И ружье. Может, там не все пропало? – быстро добавил он, торопясь воплотить свои мысли в дело.

– Так сумки твои порвало все, а ружье в сених. Принесу сейчас. Остальное, вон, в сундуке, – ответила женщина, кивнув куда-то в угол.

Вернувшись к лежанке, она протянула Мишке курковую двустволку с разбитым в клочья цевьем и расщепленным прикладом.

– Это чем же его так?! – охнул Миша, вертя в руках эти руины.

– Так взрыв сильный был. У инженера сарай по досточкам разнесло. Там сейчас полиция ищет чего-то, – вздохнула женщина. – Что, плохо все? – спросила она, кивая на двустволку.

– Пока не знаю. Если стволы не погнуло, то остальное восстановить можно, – пожал Миша плечами, привычно разбирая ружье.

Отсоединив стволы, он попытался выбрать удобное положение, чтобы осмотреть их на свету, но снова резко накатила слабость и задрожали руки. Уронив стволы себе на живот, Мишка зажмурился и еле слышно застонал.

– Что, Мишенька, опять плохо? – всполошилась тетка.

– Слабость накатила. Сейчас пройдет, – прошипел Миша, пытаясь взять себя в руки.

– Ты бы отдохнул, сынок. Рано тебе еще с оружием возиться.

– Ничего, мама Глаша, справлюсь. Без дела совсем худо будет, – механически отозвался Мишка, пытаясь проморгаться, чтобы разогнать туман перед глазами.

– Господи, дождалась! – охнула женщина, быстро перекрестившись.

– Чего? – не понял Мишка.

– Родители твои погибли, когда тебе девятый годок был. С тех пор ты меня кроме как тетушкой и не звал. А тут... за столько лет... мама Глаша, – всхлипнула женщина, утирая слезы.

– Ну так оно вроде, и правильно будет. Ты ж мне вместо мамки стала, – нашелся Мишка, ругая себя за бестолковость и полное отсутствие контроля за собственным языком.

– Да что ж я сижу, глупая! – вдруг подскочила Глафира. – Я же тебе молочка хотела...

Спустя минуту в руках у Миши появилась кружка свежайшего, еще теплого молока и краюха духмяного ржаного хлеба. Забыв про все сложности и трудности, Мишка, едва не урча от удовольствия, впился зубами в душистый хлеб, запивая его парным молоком. Моментально проглотив импровизированный завтрак, он удивленно заглянул в пустую кружку. Заметив это, Глафира обрадованно улыбнулась и без разговоров повторила все снова. В этот раз Мишка ел не спеша, смакуя каждый глоток. Только теперь он понял, что был жутко голодным.

Дождавшись, когда он поест, Глафира забрала у него кружку и, погладив по лбу, вздохнула:

– Ну, слава богу, вроде оживаешь. Есть вон начал.

– Оживаю, мама Глаша, – улыбнулся в ответ Мишка. – Вот голова перестанет болеть, и можно будет делом заняться.

– Это каким же?

– Так придется приклад новый резать. С таким больше не постреляешь, – нашелся Мишка, кивая на разобранное ружье. – Мне б доску еловую, пошире, и на длину пальца толщиной. На печку положить, пусть просохнет как следует. Можно найти?

– Чего ж нельзя, – удивилась Глафира. – Днем схожу на лесопилку, мужики подберут.

– Только без сучков. Чтобы слои ровными были, а то при выстреле треснуть может, – принялся пояснять Мишка.

– Да уймись, заполошный, – рассмеялась Глафира. – У нас на лесопилке все соседи работают. Скажу что тебе для ружья, подберут. Сами охотники.

– Точно. Забыл, – усмехнулся Мишка, сладко зевая.

После сытного завтрака накатила сонливость, и он, переложив разобранный инструмент на пол, уснул.

* * *

Почувствовав, как что-то сжимает его запястье, Мишка привычным движением перехватил это нечто, выворачивая его наружу, и только потом открыл глаза, не сразу сообразив, что происходит. Первым ощущением были паника и желание вырваться. У кровати, на табурете сидел давешний доктор, пытавшийся проверить его пульс. Удивленно посмотрев на пальцы, сжимавшие его вывернутую ладонь, доктор удивленно хмыкнул и, поправив пенсне, спросил:

– Где это вы, юноша, научились так ловко людей хватать? У меня аж рука заныла. Прямо пластунская хватка какая вышла. Не ожидал. Ловко, ловко. Похоже, и вправду на поправку идете.

– Извините, доктор. Случайно получилось, – поспешил повиниться Мишка, в очередной раз ругая себя за расслабленность.

Теперь, когда он оказался непонятно где и как, ему нужно было быть осторожным, как разведчику-нелегалу в стране противника. Иначе в лучшем случае в местном ему будет обеспечено место в дурдоме, а в худшем, если он в дореволюционной России, заграничные партнеры вывезут его в просвещенную Европу и, выпотрошив до доньшка, по-тихому удавят, чтобы любое послезнание никому больше не досталось.

Значит, ему нужно сделать все, чтобы избежать такого развития событий. Мрачно вздохнув, Мишка задумчиво посмотрел на врача и, заставив себя улыбнуться, спросил:

– Доктор, а вы случаям газет с собой не захватили?

– Захватил, юноша, – улыбнулся врач, убирая часы в жилетный карман. – Но сначала расскажите, как себя чувствуете.

– Голова еще болит и с памятью беда. А из-за головы двигаться трудно, – честно признался Мишка.

– А вот двигаться вам пока не стоит, молодой человек. По голове вас ударило крепко. Так что еще неделю полный покой. А там посмотрим. С такими ранениями шутить не стоит.

– Это что ж, он еще целную неделю тут бездельничать будет? – снова раздался сварливый голос, и к лежанке про шаркал странный мужичок.

Пегая борода и клочками, глаза неопределенного цвета под кустистыми бровями, сутулый и весь какой-то нескладный, словно кусками собранный – именно такое впечатление о нем сложилось у Мишки.

– Он, значит, валяться будет, а я его кормить стану? – между тем продолжал дребезжать мужик.

– А когда я тебя кормил, не мешало? – неожиданно для себя самого огрызнулся Мишка.

Поперхнувшись очередной фразой, мужик злобно зыркнул на него глазами и, развернувшись, вышел из избы. Доктор, который во время их беседы рассматривал Мишкин зрачок, оттянув ему веко, только одобрительно усмехнулся в бородку и, достав деревянный фонендоскоп, принялся выслушивать дыхание пациента. Глядя на этот раритет в руках врача, Мишка невольно окунулся в воспоминания собственного детства. Точно такой же деревянный прибор был и у его родной тетки, работавшей терапевтом в районной поликлинике.

– Ну что ж, неплохо, неплохо. Организм у вас, молодой человек, крепкий, общее выздоровление идет неплохо. А что касемо головы, то тут только терпение и покой. Рана на затылке уже почти затянулась, кровотечения нет. Гематома скоро рассосется, а вот с сотрясением мозга шутить не стоит. Так что советую вам полежать спокойно, пока всяческие неприятные ощущения не пройдут.

– Спасибо, доктор. А газеты? – напомнил Мишка о самом для себя главном.

– Вон, на столе лежат. Надеюсь, читать вы хорошо умеете.

– Да вроде в школе не ленился, – нашелся Мишка.

– Прекрасно, прекрасно. Мне нравится ваш настрой, молодой человек, – тихо рассмеялся доктор и, поднявшись, вышел.

«Так. С чего начать? – оглядывая избу, думал Мишка. – Ружьем заняться, чтобы того алкоголика унять, или газетки полистать? Лично мне газеты важнее, а ружье я уже разобрал. Стволы вроде и вправду целы, казенная часть поцарапана, но вроде не разбита. Так что займемся газетами. Все равно без древесины ничего сделать не получится».

Приняв решение, он осторожно, помня свой утренний опыт, уселся на постели, откинул одеяло и, спустив ноги на скобленный пол, приготовился к очередному приступу слабости. Голова и вправду закружилась, но не так сильно. Переждав накатившую тошноту, он подтянул к себе сложенную на соседней лавке одежду и, натянув портки, сунул ноги в кожаные поршни. Осторожно поднявшись, Мишка, держась за стену, добрался до двери и, толкнув низкую дверь, вышел на крыльцо.

Отдышавшись, он заковылял в сторону «скворечника». Справив нужду, Мишка огляделся и, заметив колодец, взял курс на него. Нужно было хоть как-то умыться. Болезнь болезнью, а запускать себя последнее дело. Ему повезло. Кто-то, очевидно тетушка, достал из колодца ведро, полное воды, и оставил его на колодезном срубе. Сам Мишка в своем нынешнем состоянии ведро ни за что не поднял бы, даже при помощи ворота.

Скинув исподнюю рубаху, Мишка зачерпнул горстью воды и осторожно согнувшись, принялся умываться. Вода оказалась настолько холодной, что зубы застучали. За этим занятием его и застала тетка.

– Мишенька, ты что ж это удумал? Опять вскочил, неугомонный! – запричитала она, подсакивая к парню.

– Так физию умыть надо, мама Глаша, – улыбнулся ей Мишка, хватаясь за сруб, чтобы не упасть. – Да я осторожно. Не волнуйся так.

– Давай уж полью, горе мое, – улыбнулась женщина, подхватывая ведро.

Приведя себя в относительный порядок, Мишка натянул рубаху и, вскинув голову, с удовольствием вдыхал прохладный осенний воздух. Вспомнив, как дышалось в загазованном городе его прошлой жизни, Мишка удивленно хмыкнул и осторожно заковылял обратно в избу. Теперь можно было заняться делом. Прихватив со стола газеты, он улегся в постель и, устроившись поудобнее, с замиранием сердца нашел взглядом название газеты с датой выпуска.

«Твою мать! – еле сдержавшись, взвыл про себя парень, едва разглядев дату: 1897 год. – Это же еще девятнадцатый век!»

Ему вдруг очень захотелось заорать во весь голос, грохнуть кулаком в стену или набить кому-нибудь морду. Желательно, чтобы этот кто-то имел отношение ко всей той фигне, которая с ним происходит. Уронив газету, Мишка прикрыл глаза, пытаясь хоть как-то успокоиться. Очередной сеанс дыхательной гимнастики позволил ему взять себя в руки и начать мыслить. Не продуктивно, а просто, спокойно. Ну, почти.

Открыв глаза, парень мрачно посмотрел на лежащую перед ним газету, а потом на свои новые руки. От нахлынувших эмоций пальцы заметно подрагивали. Стараясь не порвать, Мишка развернул газету и попытался вчитаться в текст первой попавшейся на глаза статьи. Но и тут его ожидал очередной облом. Текст изобиловал всякими ятями и ерами, от которых рябило в глазах и терялся смысл текста. К тому же здешние словесные обороты просто отказывались укладываться в мозг.

Убедившись, что ничего путного из этой затеи пока не выйдет, Мишка свернул газету и, отложив ее в сторону, вернулся к размышлениям. Во всех когда-то прочитанных им книгах о попаданцах главные герои всегда имели высшую цель, ради которой их и перекидывали во

всякие иные миры и времена. К тому же это почти всегда были крутые спецназеры, способные ударом кулака убить носорога, одним плевком сбить баллистическую ракету и, разок пернув, разогнать целое войско противников.

А что умел сам Мишка? Благодаря службе в армии, умел хорошо стрелять, разбирался в оружии, автомобильной технике, имел кое-какое представление о строительстве, благо в прошлой жизни сам себе дом строил. Были познания в электротехнике, механике, гидравлике и тому подобных дисциплинах. Но все это не имело почти никакого значения, если вспомнить, что местное общество жестко разделено на сословия. А значит, будучи в теле крестьянского парня, подняться выше какого-нибудь купца ему не светило.

Но и купечество в местных реалиях – это тоже сословие, в которое не так просто попасть. Все давно поделено, и каждый занимает свою нишу. К тому же местная торговля наверняка зиждется на давних семейных связях. А самое главное, имея образование в виде пары классов церковно-приходской школы, будет просто невозможно объяснить происхождение своих познаний в разных точных науках. В общем, чтобы интегрироваться в местное общество, нужно начинать с малого. Нужен тот, на кого можно будет при нужде сослаться как на учителя. И где такого взять в крошечном сонном городишке, построенном на узловой станции в сибирской глубинке девятнадцатого века?

Из грустных размышлений его вывело появление тетки Глаши. Внеся в дом корзину с овощами, она быстро сполоснула руки в рукомойнике, что висел у входа над старым медным тазом и, подойдя к лежанке, спросила:

– Мишенька, ты кушать не хочешь?

– Я бы молока с хлебушком поел, – улыбнулся ей Мишка, сразу вспомнив вкус своего завтрака.

– А может тебе щей нацедить или репы напарить?

– Доктор сказал, пища легкая должна быть. Так что лучше я молочка попью, – нашелся Мишка.

– Тотчас принесу, – засуетилась тетка, но не успела сделать и двух шагов, как в дверь постучали.

Через порог перешагнул дородный мужчина в белом кителе, в сопровождении человека интеллигентного вида со странно смущенным лицом.

«Местная власть. А второй тогда кто? На следака не тянет. Взгляд не тот», – моментально оценил неизвестного Мишка.

– День добрый, Глафира Тихоновна, – забасил полицейский, расправив роскошные усы. – Вот, нужно нам с господином инженером выяснить, как племяш твой поживает и какой ущерб ему нанесен.

– А чего это только ему? – снова раздался визгливый голос и в дом, следом за гостями, ввалился Трифон.

«Так. Похоже, этот уже успел где-то прицел поправить, – буркнул про себя Мишка, рассмотрев покрасневший нос и блестящие глаза дядьки. – Классический алкоголик».

– У нас, чтоб вы знали, тоже ущерб имеется, – между тем продолжал голосить Трифон. – Племяшу моему голову проломило, лежит вон пластом, корми его теперь да доктору за лечение плати. Ружье ему искорежило. Чем теперь добывать станет? А ружье, оно больших денег стоит.

– Уймись, Трифон, – жестко осадил его полицейский. – А ты что скажешь, Михаил? – повернулся он к наблюдавшему за этой сценой Мишке.

– Да вы проходите, люди добрые, присядьте. В ногах правды нет, – нашел в себе силы заговорить Мишка. – Уж простите, после контузии не помню, кого как зовут. Вон, доктор даже газет принес, чтобы я хоть как-то память наладил.

– Серьезно тебя приложило, – удрученно кивнул полицейский, тяжело опускаясь на лавку. – Значит так. За лечение доктору нашему господин инженер сам заплатит. Это уже с доктором оговорено. Что ему уплатили, вам вернут. А что по оружию твоему?

– Так, правда, все, – вздохнул Мишка. – Двудулка моя долго жить приказала. Приклад в ключья. Цевье тоже. За механизм ничего не скажу, может и стволы погнуло. Но это, пока не выстрелишь, не узнаешь. А из меня стрелок пока... сами видите.

– Да уж, – снова крикнул полицейский. – Что скажете, господин инженер? – повернулся он к смущенно топтавшемуся мужчине.

– Ну, про доктора вы, господин урядник уже все как есть сказали. А про ружье... – Инженер задумался на мгновение и вдруг, улыбнувшись, добавил: – Есть у меня к вам, юноша, одно предложение.

– Расскажите, сделайте милость, – вежливо улыбнулся Мишка.

– Мне несколько лет назад, когда я сюда уезжал, ружье охотничье подарили. Немецкое. Фирмы «Зиг-Зауэр».

– Слышал про такую. Хорошая машинка, должно быть, – не сдержался Мишка.

– Мне сказать трудно, я не охотник. Но если вы не против, то я готов отдать вам его взамен утраченного.

– Дорогое оружие. Да и припасы к нему не дешево встанут, – сделал вид, что задумался Мишка.

– Да мне к нему припаса надарили столько, что на год хватит, – поспешил заверить инженер.

– А гильзы какие? Латунные? – не унимался Мишка, хотя уже и принял решение и судорожно вспоминал, когда появились папковые патроны.

– Да. Латунные. А под нарезной ствол наши винтовочные подходят. От винтовок малого калибра. Промысловые которые, – путано пояснил инженер, почему-то краснея.

– Ого! Так оно еще и с тремя стволами?! – Мишка аж подскочил, услышав такое.

– Так говорю же, ружье подарочное. Друзья на заказ покупали и аж из самой Германии везли.

– Согласен, – решительно заявил Мишка, про себя радостно потирая руки.

* * *

– Э-э, господин хороший, а как же прокорм? – раздался пронзительный вопль, и Мишка невольно сморщился от этого противного визга. – Он же теперь, почитай, весь сезон охотиться не сможет. А до зимы уж рукой подать. Как с этим быть?

Трифон явно не собирался сдаваться и пытался выкрутить из ситуации все, что только можно. Урядник вопросительно покосился на Мишку, и тот в ответ только неопределенно пожал плечами. Вздохнув, полицейский перевел взгляд на инженера.

– Сколько ты за сезон на пушнине набивал? – спросил урядник у Мишки, тяжело поднявшись.

– По-разному бывало. Но ежели серединку брать, то рублей пять на ассигнации выходило. Точнее в фактории спрашивать надо. Или у мамы Глаши. Она точно скажет.

– Пусть будет пять, – поспешил согласиться инженер и полез во внутренний карман.

– Вы, господин инженер, маме Глаше два рубля дайте, а за остальное потом.

– Когда потом? – не понял инженер.

– А когда эти деньги кончатся, я за ними сам зайду. Ну или мама Глаша, – решительно пояснил Мишка, решив сделать все, чтобы лишить дядьку финансовой подпитки.

На водку себе пусть сам добывает. А вздумает права качать, так Мишка найдет, как укоротить. Главное сейчас твердо на ноги встать.

– Это правильно, – одобрительно кивнул урядник.

– Да что вы его слушаете, господин урядник?! – выскочив на середину избы, затрясся Трифон. – Он же контуженый. Мне деньги давайте. Мне.

– Уймись, Трифон, – неожиданно рявкнул полицейский. – По-хорошему уймись. Не доводи до греха. А не то махом у меня в холодную сядешь. Племяш твой дело сказал. И учти, за тем, что касается денег, я сам следить буду. Лично. Так что не балуй, – закончил он, погрозив пьянице толстым как сарделька пальцем.

– Это за что ж вы меня так обижаете, господин урядник? – разом сникнув, угрюмо поинтересовался Трифон.

– А то ты не знаешь, – хищно усмехнулся полицейский. – Ты у меня на заметке давно. Так что по краю ходишь. Да и неграмотный ты. А племяш твой за каждый раз будет расписочку писать, что деньги получил.

– Так, значит, договорились? – вдруг спросил инженер с какой-то скрытой надеждой.

Глафира, вернувшаяся с огорода, осторожно протиснувшись в дверь, испуганно охнула и попыталась вжаться в стену. Властей она явно почему-то боялась, но урядник, увидев женщину, величественным жестом подозвал ее к себе и, кивая на Мишку, сказал:

– Значит так, Глафира. Вот, господин инженер пришел, значит, чтобы дело это об ущербе полюбовно решить. С Мишкой твоим они вроде сговорились. Теперь за тобой дело. Ружье он ему даст. Свое. Хорошее. И денег за потерю сезона промыслового. Пять рублей на ассигнации. Вот, сейчас два рубля, а остальные – как эти закончатся. Мишка, когда зайдешь? – повернулся он к лежащему.

– А вот месяц пройдет, и зайду. И у господина инженера жалованье будет, и нам рассчитывать проще, – снова нашелся Мишка.

– Тогда, – подвигая на пузо что-то вроде полевой сумки, пробасил урядник, – вот тебе бумага, вот карандаш, пиши, а я диктовать стану.

– Вы, господин урядник, сами все напишите, а потом зачитайте вслух. Мне пока трудно. Голова еще болит, и руки трясутся. А я потом подпишу. Вы власть, все у вас на глазах, по закону будет, – выкрутился Мишка, вспомнив, что писать он умеет только на языке конца двадцатого века.

– Гм, – заметно смешался полицейский, расправляя пальцем роскошные усы. – Ну, можно и так. Только почерк у меня...

– А лучше вон, пускай господин инженер напишет. Уж у него-то почерк точно красивый. Недаром в университетах учился, – подал Мишка идею, сообразив, что урядник и сам не сильно с грамотой дружит.

– Извольте. Напишу, – тут же согласился инженер и, повинувшись жесту полицейского, присел к столу.

Быстро набросав подсказанный урядником текст, он откашлялся и хорошо поставленным голосом прочел все написанное. Прикрыв глаза, Мишка внимательно его выслушал и, осторожно кивнув, чтобы не потревожить сильно голову, протянул руку за бумагой:

– Верно все. Давайте подпишу. А что у вас там так рвануло, господин инженер? – спросил Мишка, возвращая ему расписку. – Неужто динамит в сарае хранили? Или еще химию какую?

– Да какая там химия, – отмахнулся инженер. – Я механик, а не химик. Там у меня новый мотор был. Экспериментальный. И ведерная канистра топлива к нему. Сам диву даюсь, что так взорваться могло.

– А мотор какой? Дизельный или бен... газолиновый? – в последний момент исправился Мишка, припомнив, что в самом начале разработки ДВС все моторы были приспособлены для газолина. Бензина как такового еще не было.

– Интересно. Откуда, позвольте спросить, у вас, юноша, такие познания? – с интересом уставился на него инженер.

– Так грамотный я, ваша милость. Газеты вон почитываю. Да и в депо бывал, с мастерами говорил.

– Дизельный был двигатель. Вам это о чем-то говорит?

– Ведро дизеля так не взорвется, – решительно заявил Мишка, решив идти ва-банк. – Да и сам двигатель разорвать не могло. Если толщина стенок цилиндров правильно была высчитана. Нет. Это не он.

– Ишь ты, грамотный какой! А что тогда так рвануло? – хмыкнул урядник с заметной обидой.

– Сам взрыв я не помню. Контузило. Да и вообще, лучше бы на месте посмотреть. Но если все беды, что мне рассказали, правда, то сделано это было кем-то специально, – медленно, словно раздумывая, протянул Мишка. – Дизель, господин урядник, он в подогретом состоянии от резкого сжатия вспыхивает. Вспыхивает, а не взрывается. В другом случае, ничего кроме вонючего дыма или просто огня от него не получишь.

– Юноша, да вы словно рядом со мной работали! – всплеснул руками инженер. – Откуда вы так хорошо знаете процесс работы такого двигателя?

– Так среди людей живу, господин инженер, – снова ушел от ответа Мишка.

– Темнишь, Мишка. У нас таких моторов в депо отродясь не было. Я бы знал, – пробасил урядник, с интересом слушавший их разговор.

– Это он, видать, в Томске насмотрелся, – пришла ему на помощь Глафира. – В прошлом году мы туда рыбу продавать возили, так он все вокруг всяких самобеглых повозок крутился. А после контузии позабыл все, вот и выкручивается.

– Неужто совсем все забыл? – удивился урядник.

– Угу, – мрачно кивнул Мишка, проклиная себя за несдержанность и торопливость.

– А доктор что говорит? – не унимался полицейский.

– Сказал, что случай интересный, и он за мной бесплатно наблюдать будет. Деньги только за лечение раны и сотрясения мозга возьмет. Сам предложил. Любопытно ему стало.

– Вот оно как, – задумчиво протянул урядник.

– Господин инженер, а вы другой двигатель собирать станете? – спросил Мишка.

– Это от решения полицейской комиссии зависеть будет, – удрученно вздохнул тот.

– Да бог с вами, – отмахнулся Мишка. – Там же не глупые люди сидят. Ну не может ведро соляры рвануть как ящик динамита. Не может. Загореться все могло. Сарай-то деревянный. А взрыв – это что-то другое.

– Это с чего ты такой вывод сделал? – тут же последовал вопрос от полицейского. Урядник явно сделал стойку, словно охотничий пес, учуявший добычу.

– Да просто все. Я с охоты шел, верно? С добычей. А значит, на улице был. За забором. Вот и прикиньте, какой силы тот взрыв должен быть, чтобы меня за три десятка шагов доской контузило. Или чем там еще. Сарай, небось, весь в щепки разметало?

– Это да, – задумчиво кивнул урядник, разглядывая Мишку непонятым взглядом. – А что тебе до нового двигателя?

– А хочу к господину инженеру в ученики напроситься, – рискнул Мишка. – Нравится мне с железками возиться. Да и говорят, талант у меня к этому делу есть.

– Увы, юноша, но пока ничего обещать не могу, – грустно улыбнулся инженер. – Вот закончится расследование, тогда и можно будет к этому разговору вернуться. А пока поправляйтесь.

– Благодарствую, господин инженер. Но разговор этот еще не закончен.

– А ты, Мишка, изменился, – вдруг высказался урядник. – Не пойму, в чем, но изменился. Вроде ты, а как заговоришь, вроде и не ты.

– Да он это, он, – заполошно вскинулась Глафира.

– Не шуми, Глафира, – отмахнулся урядник. – То, что это Мишка, я и так вижу. Я ж его еще сопливого помню. Но вот разговор...

– Не мне вас учить, господин урядник, что однажды по краю пройдя, человек сильно меняется, – вздохнул Мишка. – Я тут, пока лежал, многое обдумал.

– Да уж, обдумал, – хмыкнул урядник. – Ты это... Не спеши. Лечись пока. Лежи и думай. О чем думать, сам найдешь. А вот спешить не надо.

– Это вы про что, ваше благородие? – осторожно уточнил Мишка, запутавшись в его советах.

– Это я про ученичество твое, – помолчав, пояснил урядник. – Не спеши. Всему свое время.

– Ладно, как скажете, – пожал Мишка плечами, уже совсем ничего не понимая.

– Глафира, деньги прибери, – скомандовал урядник. – А ты, Трифон, знай: узнаю, что отнял и пропил, в холодной сгною. Тебе еще зимовать надо.

С этими словами полицейский тяжеломерно развернулся и не спеша поплыл к выходу. При его габаритах назвать это действие как-то иначе Мишка просто не мог. Инженер, окинув парня задумчивым взглядом, поспешил следом. Проводив их взглядом, Мишка вздохнул и, повернувшись, наткнулся взглядом на мрачный взгляд дядьки. В глубине его покрасневших, заплавленных от пьянства глаз плескалась тихая ненависть.

«О, как все запущено, – подумал Мишка, глядя на него с неприкрытым вызовом. – Ну, давай, тварь. Дернись. Даже в этом состоянии я тебе кадык вырву».

– Ну, слава богу, разрешилось все, – оборвала их противостояние тетка. – Теперь точно спокойно перезимуем.

– Потерпи, мама Глаша, – улыбнулся ей Мишка. – Думаю, успею я до конца сезона на ноги встать. И это, мне б поесть чего, – смущенно закончил он.

– Ой, сейчас, сынок. Сейчас, – засуетилась женщина, гремя в печи какой-то посудой.

Спустя примерно четверть часа Мишка с аппетитом уплетал наваристые щи с толстым ломтем черного хлеба. Запив это все клюквенным морсом, он с довольным видом откинулся на подушку и, лениво оглядевшись, снова взялся за газету. Так или иначе, но ему нужно было вживаться в местную жизнь. В возможность возвращения обратно он не верил с самого начала. Какое-то странное чувство подсказывало, что в этом мире он навсегда.

Так что, зажав эмоции в кулак, он решил вплотную заняться интеграцией в местное общество. В то, что его притащили сюда ради какой-то великой цели, он не верил ни на секунду.

«Так что будем просто жить, а там, куда кривая выведет, – решил Мишка, разворачивая газету.

Трифон, так же похлебав щей, схватил с гвоздя какую-то одежду и, хлопнув дверью, ушел. Глядя ему вслед, Глафира тяжело вздохнула и еле слышно всхлипнув, прошептала:

– Да когда ж ты уймешься?

– Что, мама Глаша, не хотел он меня в дом пускать? – высказал свое предположение Мишка.

В ответ женщина только грустно кивнула.

– Небось еще и кулаками тебя учит?

Последовал еще один кивок.

– Ничего. Встану, отучу. Хватит издеваться. А с одного раза не поймет, так я урядника помочь попрошу. Тот ему быстро голову на место поставит. Такому и бить не надо. Сядет сверху, и душа вон, – с усмешкой закончил он.

– Бога побойся, Мишенька. Как же можно, человека убить? – запричитала Глафира.

– А тебя, значит, ни за что бить можно? Или думаешь, я не вижу, что он почти все деньги пропивает? Не голодаем только потому, что я нас охотой да рыбалкой кормлю. А не стало бы меня, и что? По миру тебе идти? О себе не думает, так зачем тебя в нищету тянуть?

– Мишенька...

– Да не шуми, мама Глаша. Не собираюсь я его убивать. А вот поучить – самое оно будет. Пусть место свое знает, – жестко закончил Мишка, возвращаясь к чтению.

* * *

Следующие два дня прошли спокойно. Мишка упрямо продирался сквозь тексты газет, торопясь изучить хотя бы при первом приближении непривычные словесные обороты и правила построения речи. Беседа с урядником заставила его изрядно напрячься. Позволив себе разговориться, он невольно привлек к себе ненужное внимание. Даже этот немолодой полуграмотный полицейский умудрился заметить несоответствия между старым Мишкой и тем, который очнулся после контузии. Хотя считать местных полицейских глупыми было бы большой ошибкой. Думать они умели. При полном отсутствии мобильных средств, связи, компьютеров и тому подобных гаджетов они опирались в розыске и следствии только на собственные мозги, наблюдательность и логику.

То и дело возвращаясь мыслями к тому разговору, Мишка проклинал свой длинный язык и торопливость. Но время шло, а арестовывать его никто не приходил. Впрочем, если вспомнить, что время здесь спокойное, а дела делаются не спеша, то возможно, что все еще впереди.

– Ну и кто тебя, дурака, торопил? – мрачно клял себя Мишка. – Болел бы себе спокойно, да за людьми наблюдал. Раздухарился, ухарь. Решил шансом воспользоваться. А теперь вот сиди и вспоминай, откуда слово «бедлам» появилось. Вспомнил? Да-да. Именно оттуда. Из английского городишки Бедлем, где за три пенса посетителей пускали посмотреть на пациентов местного дурдома, которые сидели на цепи. Хочешь там оказаться? Шо, таки нет? Тогда научись держать язык за зубами и думать, прежде чем открывать рот.

Доведя себя таким образом почти до приступа паранойи, Мишка пришел к выводу, что сделанного не исправишь и нужно впредь быть осторожнее. На третий день в дом снова пришел урядник. Сняв фуражку, он не спеша перекрестился на образа в красном углу и, присев на лавку рядом с лежанкой, поставил между ног странного вида кожаный кофр, в котором что-то железнобрякнуло. С интересом посмотрев на кофр, Мишка вопросительно уставился на полицейского.

– В общем так, Мишка. Господин инженер слово свое держит. Здесь, – его толстый палец указующе ткнул в кофр, – все, что у него для охоты было. Он это добро при мне собирал. Сразу скажу, ружье тут знатное. Больших денег стоит.

Урядник замолчал, многозначительно поглядывая на Мишку.

– Вы это к чему, ваше благородие? – осторожно поинтересовался парень.

– К тому, чтобы по этому вопросу больше вопросов не было. Слово дадено, слово сдержано.

– Так я вроде в своем слове сомневаться повода не давал, – растерялся Мишка. – А что там дядька удумает, так я ему не указ. Тут уж вам самому придется его к порядку приводить.

– За него сейчас и речи нет, – отмахнулся урядник. – Разговор о тебе идет. На вот, смотри. Еще раз говорю, у него больше нет ничего. В общем, если чего тебе для охоты не хватает, дальше сам покупать станешь.

– Ну, давайте глянем, что хоть там, – откидывая одеяло и медленно усаживаясь, ответил Мишка.

Урядник ногой передвинул кофр к нему и, тяжело вздохнув, достал огромный платок. Мишка щелкнул латунными застежками и осторожно откинул крышку. В кофре, в отдельном чехле, лежало разобранное ружье. Достав его, Мишка первым делом расстегнул чехол и принялся собирать оружие. Руки сами, без участия головы делали привычную работу, словно он

уже много лет подряд пользовался подобным оружием. Пристегнув цевье, он покачал ружье в руках и одним плавным движением приложил его к плечу. Приклад встал словно приклеенный.

Одобрительно крикнув, урядник вытер платком лицо и, расправив усы, негромко проворчал:

– Правду люди говорят. Ружье у тебя словно само пляшет.

– Такое оружие неумейке и давать грешно, – вздохнул Мишка, восхищенно рассматривая ружье.

Ружье действительно было великолепным. Блок стволов украшен затейливым орнаментом по вороненому металлу, а ореховое ложе, покрытое бесцветным лаком, казалось теплым даже на взгляд. Погладив стволы, Мишка только головой покачал, не понимая, как можно было расстаться с такой красотой.

– Нравится? – понимающе усмехнулся урядник.

– Такое да не понравится?! – возмутился Мишка. – Да ему цены нет. Особенно для промыслова.

Тут он ни на волос не покривил душой. Два ствола горизонтального расположения двенадцатого калибра и нарезной ствол под ними калибра примерно пять миллиметров. Как раз на пушного зверя. Отложив ружье, Мишка склонился над кофром, аккуратно вынимая из него содержимое и попутно комментируя все увиденное.

– Так, патроны заводские, в латунной гильзе, полторы сотни. Патроны для нарезного ствола, ровно сотня. Пулелейка для нарезных патронов есть, капсюли есть. И для гладких патронов, и для нарезных. Пулелейка для гладких патронов есть. Навеска для пороха. Шомпол, ершики для чистки, – закончил он, открывая деревянный ящичек, который достал последним. – Хоть сейчас на промысел.

– Доволен? – спросил урядник с непонятной усмешкой.

– Не то слово, ваше благородие, – честно признался Мишка, баюкая ружье в руках.

– Ну и слава богу. Значит, в суд подавать на него не станешь?

– Да за что же?! – растерялся Мишка. – Человек свое слово честно сдержал. За все беды, что случайно нанес, заплатил. Так за что же в суд? Да и не верю я, что это он виноват, – помолчав, признался Мишка.

– Вот и я не верю, – вздохнул урядник. – Был я в том сарае. Еще до взрыва. И так тебе скажу, Мишка. Прав ты. Нечему там взрываться было.

– Потому вы так старательно везде с ним ходите? – сообразил Мишка.

– Угу. Человек он хороший. В депо его хвалят. А что до увлечений его, так на то он и инженер, чтобы всякое разное придумывать. А если посадят его, то депо наше, считай, навсегда без инженера останется. А это значит, что и народ без работы будет. Не все, конечно, но многие. Вот и бьюсь, чтобы дело это расследовали по совести, а не ради отмахнуться.

– Так это правильно, ваше благородие, – закивал Мишка.

– Да что ты заладил, благородие да благородие. Николай Аристархович я. Забыл что ли? – возмутился урядник.

– Виноват, Николай Аристархович. Забыл. Я после контузии почти все забыл. Даже маму Глашу и то не сразу вспомнил, – ответил Мишка, скорчив соответствующую физиономию.

– Эк тебя приложило-то, – покачал урядник головой.

– Так потому и сказал в прошлый раз, что не может ведро соляры так взорваться. Тут динамит нужен. И немало, – сменил тему Мишка. – Видел я, как скалу взрывали, когда ветку на шахту тянули. От такой пучок динамитных шашек, чтобы один валун убрать, – закончил он, показывая количество шашек руками. – А рвануло так, что от такого валуна один щебень остался.

– Думаешь, стоит со строителями путейскими поговорить? – задумчиво уточнил урядник.

– Ну, хуже точно не станет, – кивнул Мишка.

– Вот и я так думаю, – вздохнул урядник, задумчиво барабанил пальцами по лавке. – Ну да ладно. То мои дела. А ты поправляйся. И помни, что мне обещал.

– Не извольте беспокоиться, Николай Аристархович. Я свое слово держу. А если Трифон что удумает, так то не ко мне вопрос.

Урядник вышел из дома, а Мишка, быстро разобрав ружье, уложил все полученное обратно в кофр и поспешно задвинул его поглубже под лежанку. От завидующих глаз пропойцы-дядьки. Чтобы не вводить того в искушение. Но едва только он вернулся к чтению, как неожиданная мысль заставила его отбросить газету и поспешно выдернуть кофр обратно. Только теперь до него дошло, что все боеприпасы были унитарными, то есть собранными в один блок.

Увлекаясь оружием, Мишка отлично помнил, что собирать капсюль, порох и заряд начали только к началу двадцатого века. До того каждый оружейник искал свой способ быстрого заряжания оружия. Выходит, мир, в котором он оказался, в этом отношении развивается быстрее? Или это вообще другой, параллельный мир? От такого открытия Мишку в жар бросило. Но пока, не имея точного подтверждения, это была только версия.

Вошедшая в дом тетка отвлекла его от размышлений. Подойдя к лежанке, она устало улыбнулась и, протягивая Мишке обрезок толстой доски, сказала:

– Вот, Мишенька. Мужики сказали, что на приклад и цевье тебе в самый раз будет.

– Благодарствую, мама Глаша, – улыбнулся в ответ Мишка, рассматривая доску.

Древесину и вправду подобрали отличную. Оглаживая рукой ровные плотные слои, Мишка мысленно прикидывал, что и как резать. Осторожно поднявшись, он вышел в сени и, достав из угла ящик с плотничьим инструментом, отнес его к лежанке. Потом, найдя там же старую корзину и кусок рогожи, принялся готовить себе рабочее место. Глядя на его потуги, Глафира только удивленно глазами хлопала.

Заметив ее недоумение, Мишка только плечами пожал:

– Ну не сорить же в избе. Ты и так вон все руки стерла, стирая да отмывая. А так все опилки да стружка в корзину, да в печь.

– Да бог с тобой Мишенька. Я б прибрала. Мне нетрудно, – принялась уверять его женщина. – А чего урядник-то хотел? Чего приходил? – задала она самый важный для себя вопрос.

– Ружье от инженера принес, – успокаивающе улыбнулся Мишка. – Так что теперь мы с тобой, мама Глаша, точно не пропадем. Ты деньги-то припрятала, а то, не ровен час, Трифон найдет?

– За поленицей, в коробке из-под чая, – тихо ответила женщина, лукаво улыбнувшись.

– Правильно, – усмехнулся Мишка в ответ. – Вот на ноги встану, тогда и пойдем тратить. Купим всякого в доме нужного и тебе обнову какую.

– Да ты что, сынок? Зачем? – ахнула Глафира.

– А затем, мама Глаша, что все должно делаться правильно. Тебе давно уже пора что-то новое купить.

– Спаси тебя бог, сынок, – всхлипнула женщина, утирая глаза уголком платка.

Взяв свое разбитое ружье, Мишка быстро отсоединил приклад и, достав из ящика тонкий гвоздик, принялся очерчивать его на доске. Прикинув толщину, он решил сразу резать анатомический приклад с упорной шейкой. Нечто подобное он несколько раз видел у всяких богатеньких буратин, имевших возможность заказывать у оружейных мастеров апгрейд своего оружия.

Лучковая пила вгрызалась в доску, отсекая все лишнее так, чтобы еще и на цевье осталось. Грубо выведя контур приклада, Мишка разметил посадочную площадку в торце и принялся срезать излишки стамеской. Наблюдавшая за его работой Глафира удивленно покачала головой и, вздохнув, тихо сказала:

- Весь в отца. Тот такой же мастеровитый был. Любое дело у него спорилось.
- Значит, точно все получится, – усмехнулся в ответ Мишка.

У него и вправду получалось. Пятка приклада, слегка развернутая благодаря правильно сточенной древесине, ложилась в плечо словно влитая. Шейка приклада, ярко выраженная для лучшего упора в ладонь, была чуть выше, что давало возможность не сильно выгибать шею при прицеливании. В общем, он умудрился сделать то, что хотел сделать еще в прошлой жизни.

Прикрутив казенник к прикладу, Мишка занялся цевьем. Тут все было проще. Быстро выточив основу под бобровый хвост, Мишка принялся прикручивать к нему все металлические части. За этим занятием и застал его пришедший на очередной осмотр врач. С интересом понаблюдав за работой парня, он одобрительно покивал, после чего достал из жилетного кармана часы и, улыбнувшись, велел:

– Отложите-ка работу ненадолго, юноша. Пора вас осмотреть. Что ж, очень неплохо, – добавил он, проверив пульс. – Сердце работает как часы, наполнение хорошее, ритм ровный. А как общее состояние? Тошноты, головокружения нет?

– Бывает еще иногда, – вздохнул Мишка.

– Сие неудивительно, юноша, – понимающе вздохнул доктор. – Неделя всего прошла с того момента, как вы в себя пришли. Рановато вы так усиленно двигаться начали.

– Да какое же это движение, доктор? – удивился Мишка. – Я ж только руками шевелю. А ходить пока толком и не получается. А ежели совсем не вставать, так и ноги скоро отсохнут.

– Тут вы, молодой человек, безусловно правы. Но и излишние усилия вам сейчас могут навредить. Так что будьте аккуратны. Не хотелось бы, знаете, потом вас от эпилепсии лечить. Тем более что она пока толком и не лечится.

– Постараюсь побережусь, доктор. Обещаю, – ответил Мишка, честно глядя ему в глаза.

* * *

Прожив три недели в таком неспешном режиме, Мишка почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы вплотную заняться своим новым организмом. Тело, что ему досталось, было жилистым, крепким, с хорошей реакцией, но совершенно нетренированным. Похоже, кроме нескольких подростковых драк ничего другого в активе у бывшего хозяина тела не было. Так что, едва закончив с полировкой приклада для старого ружья, Мишка принялся про себя разрабатывать систему тренировок.

Растяжка, бой с тенью, ножевой бой по армейской системе, которая пару раз спасла ему жизнь в армии, да и просто отработка ударов на подходящем мешке. Собирать тренировочный комплекс Мишка и не думал. И так светился со своими проколами, словно фонарь. Так что, закончив с ружьем, он начал плавно нагружать свое тело. К его удивлению, сложнее всего пришлось с растяжкой.

Предыдущий Мишка явно и не помышлял о спорте, занимаясь только насущными проблемами. В общем-то, Мишка нынешний его понимал. Когда в доме из кормильцев только баба да огород, а все добытое ими доблестно пропивается, поневоле начнешь думать только о том, как зимой с голоду не помереть. Теперь, уже немного понимая, куда примерно его закинуло, Мишка представлял, какие тут зимы.

В общем, убедившись, что после физических нагрузок ушибленная его голова ведет себя нормально, парень начал приводить себя в порядок и попутно, чтобы хоть как-то не сорваться в депрессию и истерику, вспоминал свою прошлую жизнь. Детство, которое не кривя душой можно назвать счастливым. Юность, в которой бывало всякое, но ангел-хранитель справлялся со своей работой и вытаскивал его буйную головушку из неприятностей. Служба в армии, где из молодого оболтуса за два года сделали если не профессионала, то хотя бы бойца, способного грамотно действовать в пределах поставленной задачи. Пройдя кавказскую войну, Мишка, вер-

нувшись на гражданку, неожиданно для себя понял, что не понимает, как жить дальше. На первый взгляд, все было понятно. Устраивайся на работу и живи, как хочешь. Главное работу найти. А на самом деле все оказалось не так просто. Даже имея на руках диплом о высшем техническом образовании, Мишка оказался никому не нужен. И все упиралось в его участие в боевых действиях. Мишке прямым текстом говорили на собеседованиях, что отморозенные на всю голову стрелки им не нужны.

Найдя с грехом пополам какую-то контору, занимавшуюся всем подряд, он честно пытался вжиться в мирную жизнь. Пахал как проклятый, приходя домой за полночь, забывал про выходные и отпуска, но выбраться из жизни на грани нищеты не получалось. Начальство наедало ряхи, приобретало новые машины и меняло секретарш, а в его жизни все было по-прежнему.

Поймав себя на том, что больше не может и не хочет так жить, Мишка уволился и, немного помыкавшись, устроился на работу в небольшой автосервис. Ему всегда нравилось работать руками, видя реальный результат своих трудов. За то время, пока он загонял себя на работе, тихо ушли один за другим из жизни родители, своей семьи не сложилось, и Мишка вдруг понял, что проводить долгие вечера у дебилизатора ему совсем не хочется.

Побежав по инстанциям, он приобрел охотничье ружье, итальянское пятизарядное «Бинелли», подходящую снарягу и, недолго думая, в ближайший сезон отправился на охоту. Купив лицензию, на гусиной тяге он познакомился с толковыми мужиками, выезжавшими на природу не просто водки попить, и вскоре начал обрывать знакомствами. Именно так он пришел к мысли, что для одного, мотаться по городу достаточно мотоцикла.

Так что следующим этапом стало приобретение и ремонт железного коня. Знакомства среди инспекторов ДПС помогло ему приобрести тяжелый мотоцикл без коляски. На вопрос, почему именно такой, Мишка с грустной усмешкой пожимал плечами, откровенно отвечая, что на иностранную технику слишком долго зарабатывать придется, а кататься уже сейчас хочется.

Так он и жил, деля время между работой и увлечениями. Несколько попыток создать семью закончились ничем. Девушки, едва узнав, что он не топ-менеджер большой корпорации и не бизнесмен, моментально испарялись, оставляя в душе чувство незаслуженной обиды. Наконец ему надоело переживать и бороться с чувством неполноценности, и он переключился на профессионалок. Тут все было намного проще. Заплатил, получил искомое и забыл.

И вот когда жизнь вошла в нормальное русло и катилась по накатанной колее – новый фортель. Словно кому-то там наверху не понравилось его поведение, и этот кто-то решил одним движением изменить все. Задумавшись, Мишка не услышал, как в избу вошла тетка, и вздрогнул, когда услышал ее изумленный вздох. Он как раз делал очередное отжимание, когда Глафира, испуганно охнув, запричитала:

– Мишенька! Сынок! Да что ж это делается-то?! Тебе ж доктор сказал, лежать!

– Мама Глаша, уймись, – плавно поднимаясь, с улыбкой выдохнул Мишка. – Это я специально, чтобы кровь разогнать. Да и доктор сказал, что если не сильно, не особо напрягаясь, то можно.

– Ох, Мишенька. Поберегся бы ты. Ведь едва живой остался, – удрученно вздохнула женщина.

– Ну не всю же жизнь мне лежать, мама Глаша, – улыбнулся Мишка. – Вот начну ходить ровно – и крыльцом займусь. А то ступеньки сгнили давно. Так и до беды недалеко. Я, мама Глаша, потихоньку, не спеша. Помню, что доктор сказал, – попытался успокоить он женщину.

– Ох, смотри, сынок, – покачала та головой. – Сам думай. Взрослый ты у меня уже. Мужик, почитай.

– Вот потому и занялся гимнастикой, что мужик, – тут же нашелся Мишка. – Зима скоро, а у нас во дворе конь не валялся. Дров купить надо. Угля.

– За дрова я уже договорилась. С лесопилки две подводы бревен привезут, – поспешила успокоить его тетка.

– Этого мало. Все равно уголь нужен. Зима длинная, – упрямо качнул головой Мишка.

– Так дорого его покупать-то, – вздохнула Глафира.

– Не дороже денег, мама Глаша, – отмахнулся парень. – Есть у меня одна мыслишка, как это дело решить.

Он и вправду решил обратиться с этим вопросом к инженеру, сарай которого натворил столько бед. Уголь для депо все равно закупают, так почему бы и не приобрести его у того, кто этот самый уголь в депо и везет. Главное, чтобы инженер свел его с нужными людьми. Словно в ответ на его мысли, в дверь постучали и избу вошел инженер в сопровождении урядника и еще двух мужчин в каких-то мундирах. Удивленно глядя на эту делегацию, Мишка напрягся, не понимая, что происходит. Но чуйка, доверять которой он привык еще в армии, молчала.

– Здравствуй, Михаил, – откашлявшись, пробасил урядник, расправляя усы. – По делу мы к тебе. Вот, знакомься. Господа дознатчики, по делу, значит, в котором ты пострадал. Поговорить с тобой хотят.

– Милости просим, господа. Присаживайтесь. Спрашивайте, – осторожно кивнул Мишка, усаживаясь на лавку.

Гости расселись, и один, помладше возрастом и с меньшими вензелями на странных кургуzych погонах, достал из портфеля какие-то бумаги. Старший, задумчиво осмотревшись, пожевал узкими, бескровными губами и, вздохнув, спросил:

– Вы готовы отвечать правду, молодой человек?

– Врать не приучен, ваше благородие, – пожал Мишка плечами.

– Что вы можете рассказать о моменте, когда случился взрыв?

– По существу ничего, – развел Мишка руками. – Когда рвануло, меня по голове приложило, и я сознания лишился. А потом, когда очнулся, понял, что не помню ничего. Имя собственное с трудом вспомнил. В первый день даже мать не признал, – добавил он, кивая на тетку. – Это и доктор подтвердить может. Он как раз тут был.

– Странно вы как-то разговариваете, молодой человек, – насторожился старший дознатчик. – То как крестьянин простой, а то как человек с образованием. С чего бы это?

– Если б я сам знал, – усмехнулся Мишка, лихорадочно продумывая дальнейшую линию поведения. – У меня после контузии разные странности начались. Это даже доктор заметил и пообещал бесплатно лечить меня, если я позволю ему себя наблюдать.

– Вот как?! Интересно, – вскинул брови дознатчик. – Что ж. Продолжим. Вы вините господина инженера в своих бедах?

– Нет, – помолчав, решительно заявил Мишка. – Нет тут его вины. Скорее, тут против него умысел. Чтобы его виноватым сделать, а то и вообще убить. Да я господину уряднику это все уже рассказывал.

– А теперь нам расскажите, – не дрогнув, потребовал дознатчик.

– Как прикажете, – вздохнул Мишка, собираясь с мыслями и вспоминая все, что успел наговорить уряднику. – Значит так. Господин инженер сказал, что собирал у себя в сарае дизельный двигатель. И топлива у него было всего одна ведерная канистра. Сам по себе двигатель взорваться не может, потому как он железный. А ведро солярки *так* взорваться не может, – закончил он, голосом выделив ключевое слово. – Не то количество.

– А какое, по-вашему, количество дизеля нужно, чтобы добиться такого взрыва? – тут же последовал вопрос.

– Много. Цистерна примерно, – попробовал выкрутиться Мишка.

– И откуда у вас такие познания во взрывном деле?

– Так нет у меня серьезных познаний, – пожал Мишка плечами. – Я просто подумал, что если горсточка солярки просто загорается, то, когда ее много, полыхнуть должно серьезно.

А много – это даже не бочка. Это цистерна. Да и не взорваться она должна, а загореться. А пожара, слава богу, не было.

– Это вы верно подметили. Не было, – задумчиво протянул дозначик, разглядывая его непонятым взглядом. – Что еще скажете?

– А что тут скажешь? – удивился Мишка. – Я тут на досуге подумал, как оно и с чего случиться могло, и показалось мне, что кто-то очень хотел от господина инженера избавиться. Или убить, или на каторгу, не суть, главное, отсюда убрать. И выходит, искать надо того, кому это было бы выгодно.

– Ищи, кому выгодно. Откуда такие познания, молодой человек? – тут же зацепился дозначик.

– Так я ж грамотный, ваше благородие. И газеты вон почитываю, и книжку иной раз полистаю. Если минутка свободная найдется.

– Да, урядник рассказывал, что вы необычный молодой человек, хотя знает он вас с самого детства.

– Это верно. Господин урядник меня еще пацаном сопливым помнит, – поспешил согласиться Мишка.

– А теперь расскажите, как повел себя господин инженер по отношению к вам и вашей семье, когда выяснилось, что вы пострадали, но живы?

– А как повел? Честно. И ружье мне отдал заместо разбитого, и денег уплатил за лечение и заработка потерю. Все честь по чести.

– И что он при этом говорил? – не унимался дозначик.

– Да, почитай, ничего и не говорил, – почесав в затылке, признался Мишка. – Дядька мой тут выступать начал, так господин урядник его осадил, а я уж решение принял, которое всех устроило. Все при Николае Аристарховиче было. Я на него и ссылался, как на человека от власти. Он свидетель, ему врать мундир не позволит.

– Да. Мундир, – задумчиво повторил дозначик, бросив на урядника быстрый взгляд.

Но полицейский, сидевший все это время на лавке, выпрямив спину и сложив руки на эфесе служебной сабли, даже усом не пошевелил. Взгляд его был устремлен в стену, словно куда-то за горизонт.

– Значит, претензий у вас к господину инженеру нет? – последовал очередной вопрос.

– А с чего бы им быть? – сделал вид, что удивился Мишка. – Я ж сказал, он все честь по чести сделал.

– Значит, жалобу в суд вы на него подавать не собираетесь? – продолжал допытываться дозначик.

– Нет. Говорю же. Чем больше думаю об этом деле, тем больше понимаю, что не все с ним так просто.

– Вынужден с вами согласиться, – задумчиво проворчал дозначик. – С этим делом и вправду все непросто. Скажите, а урядник ничего от вас не требовал? – вдруг спросил он.

– Вы это про что? – растерялся Мишка.

– Ну, не просил он вас, чтобы вы господина инженера выгораживать начали или жалоб не подавали? Или, может, пугал вас чем?

– Да господь с вами, господин хороший, – Мишка сделал вид, что возмущен до глубины души. – Николай Аристархович добрейшей души человек. И полицейский честный. Да и зачем бы ему господина инженера защищать?

– Чужая душа потемки, – вздохнул дозначик, поднимаясь с лавки.

* * *

Спустя еще неделю Мишка уже достаточно бодро шарахался по двору, то и дело орудя различным инструментом. Отремонтировав крыльцо, он сменил колодезный сруб, после чего занялся крышей сарая. Тетка Глаша только охала и причитала, заклиная его быть осторожнее, но Мишка, усмехаясь в ответ, неизменно повторял одно и то же:

– До зимы успеть надо.

Договорившись с соседом, он скатался с теткой на рынок к станции, где в десятке разных лавок закупил все потребное для долгой зимы. Точнее, занималась закупками тетка, он же с мрачным видом стоял рядом и вклинивался в разговор, когда замечал, что ее пытаются обмануть. Получилось все до смешного интересно. Взяв с полки банку с чаем, он повертел ее в руках, автоматически отметив про себя вес. Местная система измерений выводила его из себя. Все эти фунты и осьмушки просто бесили.

Так что Мишка решил просто понять для себя, сколько именно товара находится в данной упаковке. Подойдя к весам, он поставил банку на одну чашку и, выбрав подходящую гиричку, бросил ее на вторую чашку. Проверять он никого и не собирался. Мишке нужно было визуально запомнить, какая гиричка сколько весит. Но, к его удивлению, гиричка весила меньше банки с чаем, хотя на этикетке четко был пропечатан именно такой вес. Четверть фунта.

Удивленно хмыкнув, Мишка подхватил с чашки гиричку и уже целенаправленно принялся вертеть ее в руках. Заметив его манипуляции, приказчик, разбитной парень с прилизанным прямым пробором, в атласном жилете и хромовых сапогах со скрипом, бросил на прилавок платок, который крутил перед теткой, и рысью метнулся к парню, пытаясь выхватить у него гиричку. Заметив его нервозность, Мишка чуть развернул корпус и, дождавшись, когда приказчик вытянет клешню, чтобы дотянуться до гирички, перехватил его руку и, повернув корпус, взял ее на излом, с угрозой прошипев:

– Не балуй, покалечу.

– Пусти, аспид, – взвыл приказчик от боли в вывернутом под не естественным углом плече.

– Хозяин знает, что ты народ дуришь, или с ним делишься? – спросил Мишка, усиливая нажим.

– Не знает, – взвыл приказчик, вставая на цыпочки, чтобы уменьшить боль.

– Другие гирички где? – не унимался Мишка.

– Под прилавком.

– Ладно, – выдохнул парень и, резким толчком откинув приказчика в сторону, отпустил его. – Ну, и что теперь делать будем? – спросил Мишка, глядя ему в глаза.

– А ничего ты мне не сделаешь, – зашипел в ответ приказчик. – Не докажешь. А с тобой, голытьба, мы еще посчитаемся.

– О как! Так может, прямо сейчас попробуешь, – презрительно усмехнулся Мишка, сжимая кулаки.

– Чего тут у тебя, Карпуха? – раздался хриплый голос и из подсобки вылез кряжистый мужик с длинными как у обезьяны руками, заросший по самые брови бородой цвета перца с солью, в холщовой рубаше и крепких парусиновых штанах.

На шее у мужика Мишка заметил длинный шрам, сбегавший от подбородка под воротник на грудь. Сутулый, но явно очень сильный, мужик обвел лавку настороженным взглядом и, заметив, что приказчик держится за локоть, удивленно хмыкнул, покосившись на стоявшего у прилавка паренька.

– Чего бузишь, парень? – прохрипел он, мрачно сверкнув глазами.

– А не надо людей дурить, тогда и бузы не будет, – показал Мишка гиричку.

– То не твоего ума дело, парень. Отдай, – разом подобравшись, зарычал мужик.
– Отдай ему, Мишенька, – вдруг взмолилась тетка. – Это ж варнак каторжный, убьет.
– Не рискнет, – усмехнулся Мишка. – Это ж каторга пожизненная. Нет, здесь он меня убивать не станет. А дальше – как бог даст.

– Умный, – неожиданно оскалился мужик.
– Умный, – кивнул Мишка. – Так что, договариваться станем или шум поднимать?
– Чего хочешь? – подумав, спросил мужик.
– Три мешка муки, мешок соли и две коробки чая, – быстро перечислил Мишка.
– Много, – качнул варнак косматой головой.
– Шум вам дороже встанет.
– Думаешь, за горло нас взял? – помрачнел мужик.
– Нет. Но за наглость наказывать надо. И за глупость. Он по глупости своей наглеть начал, а обнаглев, на меня в драку полез, хоть и не знает, кто я. Вот пусть и платит, – ответил Мишка, кивая на приказчика и не отводя взгляда от глаз мужика.

Одновременно с этой игрой в гляделки Мишка мысленно накачивал себя злостью, пытаясь взглядом показать противнику, что не боится его и готов драться. «Я зверь, я готов убить», – билось в мозгу парня. Спустя пару минут варнак не выдержал и, тряхнув головой, медленно отступил к прилавку, повернулся к приказчику и приказал:

– Дай, что сказано.
– Да как же это, Савва?! – взвыл тот. – Он же завтра опять придет.
– Не придет, – рыкнул мужик и, повернувшись, вопросительно посмотрел на Мишку.
– Не приду. Наказывают один раз, – кивнул ему Мишка.
– Дай, – отрезал варнак и тяжело затопал в подсобку.
– Телега перед лавкой. Загружай, – скомандовал Мишка. – И не вздумай дерьмо всучить. Больше не прошу.

Вздвигнув от его тона, приказчик выскочил в подсобку, и спустя пару минут двое пропойного вида мужичков уже сгружали в телегу мешки с мукой и солью. Чай варнак вынес сам и, передавая его Мишке, тихо сказал:

– Шустрый ты парень. Рисковый. Мне такие нравятся. Сам таким был. Только теперь осторожен будь. Карпуха не простит.

– Ну, тут уж как бог даст. Я ведь тоже не пальцем деланный, – усмехнулся Мишка, забирая добычу.

– Человечья кровь не звериная. У нее вкус другой.
– Знаю. Пробовал, – коротко ответил Мишка, и варнак удивленно замер, глядя на него неверящим взглядом. – Тайга – она большая, и люди в ней разные встречаются. А я уже четыре года как один на промысел хожу.

– Ну, я сказал, а ты слышал, – кивнул мужик и, развернувшись, вернулся в лавку.
– Ох, Мишенька, что ж ты делаешь? Зачем было так рисковать? Это ж зверь лютый, – запричитала тетка, клещом вцепившись в Мишкин рукав.

– Зверь он, может, и зверь, да только умный, – усмехнулся в ответ парень. – Все, мама Глаша. Поехали дальше. И так полдня потеряли.

Полученные от инженера два рубля они потратили все, зато телега оказалась набитой почти под завязку. Перетаскав все купленное в подклеть, сарай и подпол, Мишка отогнал телегу обратно хозяину и с чувством выполненного долга вернулся домой. По словам тетки, зиму теперь они переживут без особого напряжения. А если учесть, что в следующем месяце от инженера будут получены еще деньги, то можно сказать, что беспокоиться не о чем.

Устало присев на лавку, Мишка прикрыл глаза, проигрывая в памяти все, что успел увидеть за день. Деревенька, в которой он оказался, притулилась к узловой железнодорожной станции, где были депо, ремонтные мастерские и склады. Еще пара деревень растянулись вдоль

железной дороги, и большая часть мужского населения всех этих деревень работала на станции. Кто грузчиками, кто мастерами в депо. За самой станцией начал разрастаться городок, в котором проживала состоятельная часть населения. Так сказать, элита местного разлива.

Верстах в семи выше по реке, протекавшей мимо станции, была еще угольная шахта, обеспечивавшая чугунку топливом. Там в основном трудились каторжники, но и местные не брезговали наниматься туда в зимний сезон, чтобы повысить благосостояние семьи.

Больше всего Мишку бесило то, что он никак не мог определить, где именно оказался. Все местные названия и ориентиры были для него китайской грамотой на японском языке. Очень не хватало хорошей карты, чтобы спокойно рассмотреть ее и определиться. В лавках, которые они сегодня посетили, даже книг толком не было, не то что карт.

Однако местная элита должна иметь возможность приобщаться к веяниям большого мира, а значит, где-то в городке обязательно должна быть лавка букиниста. Но переться туда просто так Мишке не хотелось. Для начала нужно было выяснить, а есть ли она, или все его измышления пустой звук. Но спрашивать об этом тетку было бесполезно. Неграмотная женщина и понятия не имела, что такое букинист. Значит, на эту тему нужно говорить с тем, кто имеет беспрепятственный доступ в те места. Это или доктор, или инженер, или урядник. Последний даже предпочтительнее. К тому же в последнее время доктор стал заходить все реже. Осенняя дождливая погода и раскисшие деревенские улицы не располагали к прогулкам.

Шум в сенях отвлек Мишку от размышлений. В дверь что-то грохнуло, потом послышалась какая-то возня и тихий вскрик тетки. Вскочив, парень в два шага подскочил к двери и, резко распахнув ее, разглядел отвратную картину. Глафира, сжавшись в комок, лежала на полу, прикрывая голову руками, а над ней, сжав кулаки, стоял Трифон. Расхристанный, пьяный, готовый на все, лишь бы добиться желаемого.

Чувствуя, как перед глазами встает кровавая пелена от бешенства, Мишка взревел и, подпрыгнув, резко ударил пьяницу ногой в грудь, вышибая его на улицу. Слетев с крыльца, Трифон врезался головой в бревна, приготовленные на дрова, и, подхватив какой-то кол, вскочил, визжа и брызгая слюной, словно помешанный.

– Убью, паценок! – вопил он, размахивая колом. – Зашибу, тварь!

Вскинув кол, он бросился на Мишку, норовя навернуть его по голове. Сбежав с крыльца, парень шагнул вперед и, выждав, когда дядька нанесет удар, шагнул в сторону, одновременно слегка разворачиваясь к нему лицом. В тот момент, когда кол просвистел мимо его многострадальной тушки, Мишка ударил. От всей души, так, как когда-то его учили. Жилистый кулак врезался Трифону в челюсть, и пьяницу просто подкинуло.

Выронив кол, тот рухнул на землю, моментально потеряв ориентацию в пространстве. Похоже, такого ответа он явно не ожидал и ни с чем подобным не сталкивался. Откинув кол ногой в сторону, Мишка ухватил дядьку за грудки и, вздернув на ноги, прорычал, тряся его, словно грязную тряпку:

– Еще раз посмеешь тронуть ее хоть пальцем, я тебе башку откручу. Понял меня, пьянь?

– Засужу, – прохрипел в ответ Трифон. – У мирового ответ держать будешь.

– Это что тут такое происходит? – послышался знакомый бас, и в калитку вошел урядник.

– Да вот, Николай Аристархович, – ответил Мишка, брезгливо отшвыривая жертву, – нажрался до свинского состояния и на маму Глашу с кулаками полез. Пришлось внушение провести. Кулаками.

– Давно пора, – скривился урядник, мрачно разглядывая притихшего Трифона. – Я тебе что говорил, Трифон? Давно в холодной не ночевал? Или решил, что если племян болеет, так за бабу и заступиться некому?

– Болеет он, – заныл дядька. – Да он здоровее меня будет. Дерется так, что с одного удара и дух вон. Я, господин урядник, на него жалобу подавать буду, мировому.

– Ну-ну, подавай, – фыркнул урядник. – Посмотрю, что тебе судья скажет. Особенно ежели я на том суде буду. А я туда обязательно приду, – многообещающе закончил он. – Надоел ты мне, Трифон. Никак не уймешься. Одно беспокойство от тебя.

– Чего это беспокойство? – делано возмутился дядька.

– А того, что шепутной ты. И меры не знаешь. Все люди как люди, выпьют свою плепорцию, и домой, спать, к бабе под бок. А ты все норовишь бузу какую устроить. Вон, племянника до греха довел. А ему еще драться-то рановато будет. Не ровен час опять занеможет? Ох, упеку я тебя, Трифон! Как бог свят, упеку!

– Простите, господин урядник, Христа ради, – тут же заныл дядька. – Куражу излишек вышел. Душа праздника просила, вот и не сдержался.

– Последний раз, Трифон. Еще раз бузу учинишь, и считай, что уже пошел кандалами греметь, – вздохнул урядник и величественным жестом отмахнулся от него.

Сообразив, что гроза миновала, Трифон ужом выскользнул со двора, моментально растворившись в осенних сумерках.

– Пройдите в дом, Николай Аристархович, я самовар спроворю, горячего попьем, – предложил Мишка, проводив его взглядом.

– Чай – это хорошо. Да и поговорить мне с тобой надо, – важно кивнул урядник, поднимаясь на крыльцо.

* * *

С хрустом откусывая от куска колотого сахара, размоченного в чашке с чаем, урядник прихлебывал круто заваренный напиток и задумчиво поглядывал на сидящего напротив парня. Допив очередную чашку, он аккуратно поставил ее на блюдце и, помолчав, негромко сказал:

– Не знаю, что с тобой случилось, но изменился ты, Мишка. Сильно. Раньше все больше молчал да слушал. И от людей подальше держался. Если не на охоте, то вечно в депо пропадал. И ведь не работал. Только сидел в сторонке да смотрел, как люди работают. Внимательно так смотрел.

– Интересно было, – осторожно кивнул Мишка.

– То понятно. Но вот говорить ты стал совсем не так. Даже дозначик приметил. Словно ученый говоришь. Не грамотный, а ученый. Как будто где в городе учился.

– Вы это к чему, Николай Аристархович? – прямо спросил Мишка, подобравшись.

– Да вот смотрю на тебя и думаю: с виду вроде все тот же пацан, а в глаза глянешь, не пацан уже, а мужик взрослый. Умный, всякие виды выдавший.

– Так смерть, она крепко ума прибавляет, – пожал парень плечами.

– Это да. Но старше не делает. Тут еще кое-какие мелочи мелькали. Ты вот крыльцо починил, сарай перекрыл, а тот Мишка к плотницкому делу особого рвения не имел. Так, по мелочи чего. А вот так, серьезно, и не пытался. Вот и думаю я, ты это или не ты? Честно скажи, Мишка.

– Ну и вопрос у вас, Николай Аристархович, – покачал парень головой. – Сами же говорите, что с виду все тот же Мишка. И как тогда может быть, чтобы тело одно, а дух другой? Вы честного ответа хотите? А мне вам и ответить нечего. Контузило меня крепко. Это вы и сами хорошо знаете. И то, что у меня до сих пор памяти нет, тоже. Да и доктор это всегда подтвердить может. А что до умений ремесленных, так выходит, что я, на чужую работу глядя, учился. Так выходит.

– Возможно, – помолчав, кивнул урядник, расправляя усы. – А чего ты на Трифона кинулся? Раньше смотрел да помалкивал. А тут метелить кинулся так, словно родную мать защищал.

– Так мама Глаша мне матерью и стала. Не дала в сиротском приюте сгинуть. Вырастила, выкормила. Теперь мой черед заботу явить. А Трифон ежели не уймется, может по пьяному делу в луже утонуть. Бывает такое.

– Вот-вот, и сейчас ты не тот Мишка, – встрепенулся урядник. – Тот Мишка за то, чтобы людскую кровь пролить, и не помыслил бы. А ты говоришь так, словно уже и делал такое.

Мишка невольно вздрогнул. Не справившись с эмоциями, он в очередной раз умудрился выдать себя. И тут не отделаешься сказочкой про драку в тайге. Раз уж потерял память, так и нечего такие подробности про себя выдавать. Помолчав, он облокотился о стол и, уставившись взглядом в пустую чашку, еле слышно спросил:

– Николай Аристархович, чего вы опасаетесь? Неужто решили, что я для простых людей опасным стать могу? Спрашиваете, кто я? Так я теперь и сам не очень понимаю, кто я и чего умею. Одно только могу точно сказать. До тех пор, пока меня не трогают, я никого не трону.

– Тут вот еще что, – после долгого молчания произнес урядник, – Мишка раньше меня с людьми по следам беглых водил. Уж два года как лучший следопыт в округе. И тайгу знал так, что опытные мужики диву давались.

– Вот очухаюсь, сам в тайгу схожу, а там как бог даст. Если вспомню, как правильно по следу ходить, то милости прошу, а если нет, не обессудьте, – кивнул Мишка, решив играть роль до конца.

– Ну, даст бог, сложится, – кивнул урядник и, поднявшись, перекрестился с довольным видом, добавив: – А чай ты хорошо заваривать стал. Крепко. От души.

– Так хорошему человеку заваривал, – усмехнулся Мишка, понимая, что сейчас, за этим самым столом они заключили негласное соглашение.

Урядник догадывается, что с парнем что-то не так, но о своих подозрениях молчит. А он – живет тихо, не привлекая к себе внимания, и оказывает уряднику помощь в случае необходимости. Проводив полицейского, Мишка убрал со стола и неожиданно понял, что не знает, куда подевалась тетка. Накинув армяк, он вышел во двор и, оглядевшись, прогулялся в огород. Но там никого не было. Почесав в затылке, Мишка заглянул в сарай и, к собственному недоумению, застал тетку тихо плачущей в дальнем углу.

Пробравшись к ней, он присел рядом на кадушку с квашеной капустой и, осторожно погладив женщину по плечу, тихо спросил:

– Мама Глаша, ты чего? Сильно попало? Где больно?

– Нет, сынок. Не больно. Он давно уже всю силу пропил. Не ударил даже, толкнул. Это я, корова бестолковая, на ногах не удержалась, – всхлипнув, ответила Глафира.

– Тогда чего плачешь? И чего здесь сидишь?

– Так уряднику с тобой поговорить надо было. А плачу... – Она вдруг улыбнулась, утирая мокрые щеки. – А бабе иногда надо всласть поплакать. Тогда и судьбина не такой горькой кажется.

– Мама Глаша, ты врать не умеешь, – не поверил Мишка.

– Это я от радости, – нехотя призналась женщина. – Вырос защитник. Я ж вдруг поняла, что теперь ему, ироду, ни в жизнь меня не тронуть. Я уж и не ждала, что сложится. А тут и мамой назвал, и защищать стал.

Она замолчала, снова залившись слезами. Окончательно сбитый с толку Мишка осторожно обнял женщину за плечи и, вздохнув, решил воздержаться от любых комментариев. На всякий случай. И так наворотил за эти дни столько, что и за год не разгрести. Дав женщине успокоиться, Мишка глянул в открытую дверь сарая и уже собрался предложить ей вернуться в дом, когда его желудок вдруг выдал длинную голодную руладу. Услышав это урчание, Глафира вскинулась и, охнув, засуетилась, ругая себя на все лады:

– От же курица глупая, нюни распустила! Сыночек, да ты ж у меня голодный. Сейчас, хороший мой. Пошли в дом.

Растерявшись от этого напора, Мишка покорно последовал за ней в избу, где женщина тут же развила бурную деятельность. Спустя примерно полчаса он с аппетитом уплетал пшеничную кашу, заправленную кусочками сала. Поужинав, парень, сыто отдуваясь, вышел на крыльцо, попутно отметив про себя, что у печки почти нет дров. Минут через десять, когда все съеденное немного улеглось, он вернулся в дом и, прихватив корзину, снова вышел во двор.

Ко всему прочему выяснилось, что колотых дров почти нет. Взяв колун, Мишка строил на колоду полено и, хекнув, одним ударом развалил его пополам. Расколов обе половинки еще пополам, он сложил поленья в корзину и потянулся за следующей чуркой, когда краем глаза заметил у калитки странную фигуру. Резко выпрямившись, Мишка воткнул колун в колоду и, развернувшись, всмотрелся в странного посетителя. Увидев, что его заметили, неизвестный призывно махнул рукой и отступил в сторону.

Недоуменно хмыкнув, Мишка вышел со двора, на всякий случай внимательно осмотревшись. Увидев неизвестного за кустом черемухи, он подошел поближе, стараясь держаться так, чтобы между мужиком и ним было не меньше метра. Неизвестный откинул капюшон брезентового дождевика и, усмехнувшись, хрипло сказал:

– Сторожишься? Это правильно. Да только не того сторожишься.

– Вот уж кого не ожидал увидеть, так это тебя, Савва, – растерянно проворчал Мишка, не веря своим глазам.

– Я же сказал, люблю таких, шустрых. Беречься тебе надо, парень. Карп злобу затаил. Ты его гешефт раскрыл. И если купец узнает, он такого места уже не найдет. Купцу имя дорого. Карп двоих пришлых сговорил, чтобы встретили тебя.

– Видать, хорошо ты по стране погулял, если словечки из идиша пользуешь, – не удержался Мишка. – А тебе-то что до того. Ты же сам в той лавке служишь.

– Я у купца служу. Лавку и склад охраняю. Купец терять начнет, и я потерю. А что до словечек, так я одесский грек, – усмехнулся варнак. – А вот откуда ты за это знаешь?

– Земля круглая, люди разные встречаются. И не скажи мне, что я хочу быть умнее одесского раввина, – не удержавшись, закончил Мишка, добавив известного акцента.

В ответ раздалось странное сиплое карканье. Удивленно глядя на него, Мишка вдруг понял, что Савва смеется. Вспомнив про рваный шрам, парень понял, что оружие, которым он был нанесен, задело голосовые связки, отсюда и странный голос, и еще более странный смех. Больше всего эти звуки напоминали карканье простуженного ворона. Успокоившись, Савва огладил бороду и, качнув косматой головой, протянул:

– Непрост ты, парень. Ох, непрост. Ну, оно и хорошо. Я сказал, ты слышал. Умному достаточно.

– А дурака и за руку от беды не уведешь, – кивнул в ответ Мишка. – Благодарствую, Савва. Я запомню.

– Выживи сначала, потом будешь за долги вспоминать, – фыркнул варнак и, развернувшись, скрылся в сумерках.

Вернувшись во двор, Мишка быстро наколот дров на утро и, внеся корзину в дом, отправился к рукомойнику. Тетка, уже успевшая помыть посуду, сидела у окна под лучиной и, еле слышно что-то напевая, сучила шерсть. Глянув на эту лубочную пастораль, Мишка усмехнулся про себя и, оглядевшись, скривился. При таком освещении недолго и без зрения остаться. Усевшись на свою лежанку, он принялся вспоминать, когда примерно начали появляться керосиновые лампы и как сильно они были распространены.

Убедившись, что ничего толкового вспомнить не может, парень вздохнул и, пересев к столу, принялся рисовать лампу на газетном краю, кусочком угля. Карандашей в доме давно уже не было, благодаря дядьке. Удивленно посмотрев на его художество, Глафира недоуменно покачала головой и, не удержавшись, спросила:

– Сынок, а это чего такое?

– Вот думаю, как толковую лампу сделать, чтобы в доме светло было, – проворчал Мишка.
– Так маслице к той лампе больно дорого встанет, – вздохнула женщина.
– Угу, и воняет оно сильно. Придется к инженеру сходить, посоветоваться.
– Да бог с тобой, Мишенька. Станет господин инженер с тобой разговоры вести. Он человек ученый. А мы?

– Станет, мама Глаша, – усмехнулся Мишка. – Если бы не я, греметь бы тому инженеру кандалами. Так что станет.

– Ну, тебе виднее, – растерянно отозвалась Глафира. – А про что ты спросить-то хочешь?

– А про лампы керосиновые. Делают их или нет.

– Это что ж за чудо такое. Керосиновое? – не поняла Глафира.

– Ох, мама Глаша, как бы тебе это объяснить, – растерялся Мишка. – Вот есть газолин, который в машинах используют, а есть керосин. Его в лампы заливают. А делают их из одной и той же жидкости, нефти. Ее еще кровь земли называют. Или земляное масло. А вот скажи мне, мама Глаша, а чем в господских домах комнаты освещают?

– Так свечами, – развела женщина руками.

– Это сколько ж воску надо, чтобы столько домов осветить?

– Так на станции еще проводами какими-то светят, – подумав, выдала Глафира.

– О как! На станции электричество есть? – подскочил Мишка, забывшись.

– Мишенька, ты б сходил туда сам, – с жалостью глядя на него, ответила женщина. – Ты ж мне сам про те провода и рассказывал. Запомнил?

– Вот же... – едва не выругавшись, скривился Мишка, проклиная себя за бестолковость.

И чего было голову ломать, если с первого взгляда понятно, что центром сбора всех достижений местного технического прогресса являются станция и депо. Именно там, в мастерских, применяется все то, чего достиг прогресс. И чтобы не вызывать недоумения у окружающих, нужно просто выбраться из дома и прогуляться по окрестностям. Именно это и запланировал на утро Мишка, решив не ломать себе мозги.

Еще раз, оглядевшись и убедившись, что делать до утра совершенно нечего, он прошел в свой закуток и, раздевшись, нырнул под одеяло. Повернувшись носом к стенке, парень закрыл глаза и, отбросив решение всех проблем на утро, спокойно уснул.

* * *

Разбудил его настырный вопль петуха, принявшегося орать под самым окном. Покосившись в едва сереющее окошко, Мишка вздохнул и, усевшись, тихо проворчал:

– Да чтоб из тебя суп сварили, горлопан.

Сунув ноги в кожаные поршни, он накинул овчинную безрукавку и поплелся в уборную. Сбросив давление, Мишка остановился на крыльце и, несколько раз вдохнув прохладный, сырой, но такой чистый воздух, в очередной раз удивился, как умудрялся существовать в том своем старом мире. Ведь здесь, в деревне, воздух был насыщен запахами леса, прелой хвои, реки, земли, и еще сотней других запахов, смешивавшихся в непередаваемый и такой вкусный коктейль.

Тряхнув головой, Мишка хотел уже вернуться в избу, когда взгляд его упал на странное сооружение, чем-то напоминавшее вольер для собак. Задумчиво оглядев этот загон, он сошел с крыльца и, подойдя поближе, принялся осматривать его. Несколько клочков линялой шерсти убедили парня в правильности его выводов. У него была собака. И, судя по размеру вольера, не одна. Сразу возник вопрос: куда их дели?

Задумчиво почесав в затылке, Мишка решил задать этот вопрос тетке. Если кто и знает, как тут все было, то только она. Пройдя в дом, Мишка осторожно, чтобы не разбудить тетку, прошел к своей лежанке, но, как оказалось, все его усилия были напрасны. Привычная вска-

кивать с первыми петухами Глафира проснулась и, едва увидев бродящего по избе парня, с ходу всполошилась:

– Мишенька, ты чего вскочил ни свет ни заря, сынок? Болит чего? – запричитала она.

– Нет, мама Глаша. До ветру ходил, – нашелся Мишка. – А сама чего не спишь?

– Так утро уже. Корову доить пора. Ты ложись, поспи еще. А я пока коровку подою, молочка нацēju. А потом тебе свеженького, парного принесу.

– Да, пожалуй, полежу еще, – прислушавшись к своему организму, кивнул Мишка.

Голова еще иногда кружилась от резких перемещений. Приподняв подушку, он улегся на лежанку и, прикрыв глаза, принялся вспоминать, что еще собирался сделать и о чем забыл. Дождавшись, когда тетка вернется в дом, Мишка с благодарным кивком принял у нее кружку парного молока с толстым ломтем хлеба и, жуя, спросил:

– Мама Глаша, а собаки мои куда подевались? Были же собаки.

– Так Трифон свел, – удрученно вздохнула женщина. – Обоих и свел. Да ты неужто вспомнил чего?

– Нет. Загон для них рассмотрел и понял, что были, – вздохнул Мишка.

Врать этой доброй заботливой женщине не хотелось, но и правды сказать он не мог.

– Значит, две лайки было? – уточнил парень, прихлебывая молоко.

– Две. Кобеля ты у соседа за две беличьих шкурки взял, а сучку у хантов на порох выменял. Говорил, что от них настоящих охотничьих собак получишь. А Трифон свел. Заезжему какому-то продал, а деньги пропил. Тот три дня тебя уговаривал, а он подслушал и продал.

– Вот, значит, как, – мрачно протянул Мишка. – Я в дом, а он из дома. Да еще и хлебом меня попрекать смеет.

– Бог с тобой, Мишенька, не держи сердца. Слабый он человек. Прости, – еле слышно проговорила Глафира.

– Крови его на моих руках не будет, мама Глаша, не бойся. Но простить не смогу. Не проси, – взяв себя в руки, выдохнул Мишка. – Ладно. Мне нужно сегодня в депо сходить да к инженеру наведаться. Так что скоро не жди. Когда там смена начинается? – спросил он, поднимаясь.

– Да куда ж ты сорвался?! – снова запричитала женщина. – Едва в себя пришел – и снова в бега.

– Зима на носу, мама Глаша. Угля закупить надо, – напомнил Мишка, одеваясь. – Так когда смена начнется?

– А вот как гудок подадут, так и смена, – вздохнула тетка.

– Ага. Значит, спешить некуда, – сообразил парень. – Ты это, мама Глаша, сама по дому посмотри, чтобы ирод этот ничего из обновок не нашел, да прибери их. А мне, пожалуй, на сундук замок купить надо. Не хватало, чтобы он еще и ружья пропил. Тогда точно по миру пойдем.

– А ты и вправду изменился, Мишенька, – вдруг произнесла, задумчиво рассматривая его, Глафира. – Настоящим хозяином стал. Не беспокойся. Все приберу.

– Вот и ладно, – улыбнулся ей Мишка. – Пойду тогда.

Одевшись, он вышел из дома и не спеша направился в сторону железной дороги. Найти депо труда не составляло. Почти все мужское население деревни, за небольшим исключением, двигалось в ту же сторону. Перейдя через пути, Мишка добрался до ворот депо и остановился в сторонке, пропуская рабочих. Искать знакомых бывшего владельца этого тела, при этом не зная, кто они такие, было глупостью. Так что предстояло решить, с кем именно можно завязать конструктивный разговор. К тому же еще предстояло выяснить, где можно найти инженера.

Но, к его облегчению, рядом остановился немолодой жилистый мужик с седой бородой и, удивленно оглядев парня, спросил:

– Ты чего застыл, Мишаня? Ищешь кого?

– Вы простите, дяденька, но я после того взрыва не помню ничего. Вот и имени вашего не припоминаю, – осторожно проговорил Мишка, внимательно рассматривая мужика.

– Степан Кондратьич я. Бригадир. Неужто и вправду не помнишь ничего? – представившись, уточнил тот.

– Нет. В первые дни даже тетку родную не признавал, – удрученно вздохнул Мишка, пытаясь не переигрывать.

– Вон оно как... – протянул мужик. – Слышал я, что с головой у тебя беда. Но не знал, что так вот.

– Да с головой-то как раз нормально. А вот с памятью, и вправду беда, – поддакнул Мишка. – А где тут теперь ремонтные мастерские?

– Да где и были. Вон за тем пакгаузом, – ткнул мужик пальцем.

– Благодарствую. А где бы мне господина инженера найти?

– А это тебе в правление надо. Да только он сейчас, небось, по цехам ходит. И в правление тебя просто так не пустят. Так что ступай в ремонтный, там и подожди. Сам прибежит, если на перегон не уедет, – посоветовал дядька.

– Благодарствую, Степан Кондратьич, – кивнул Мишка, решив последовать совету, но бригадир удержал его, спросив:

– А ты чего от него хотел-то? Может, я помогу?

– Может, и так, – подумав, кивнул Мишка. – Хотел я его попросить свести меня с возчиками, что уголь на склад возят. Зима скоро, а на складе уголь больно дорого встанет. Вот я и подумал, что у них может дешевле будет.

– Хитер, – одобрительно усмехнулся бригадир. – На складе уголь по семи копеек за пуд отдают, а ты, небось, за пятак стговориться хочешь.

– Так вы ж сами знаете, Степан Кондратьич, дядька у меня пьющий, а я после болезни. Откуда деньгам-то взяться? – развел Мишка руками, пуская сиротскую слезу.

– Это да, – скривился бригадир, оглаживая бороду. – Трифон совсем уже совесть потерял. Вроде неплохим человеком был, а сгубила его водка. Да и многих так. Ладно, парень. Раз уж сложилось так, сам тебя с нужным человеком сведу. За мной ступай.

Развернувшись, мужик резво зашагал куда-то к окраине станции. Мишка, не ожидавший такого результата, поспешил следом, попутно лихорадочно припоминая цены этого времени. По всему выходило, что экономия в две копейки это серьезный выигрыш. Между тем бригадир вывел его к угольным складам и, резко остановившись, внимательно осмотрелся. Заметив нужного человека, он усмехнулся и вдруг, пронзительно свистнув, жестом позвал его к себе.

Судя по одежде, это был один из возчиков, перево зивших уголь с шахты на станцию. Молодой, сутуловатый и чем-то неуловимо напоминавший самого бригадира.

– Я к тебе по делу, Васятка, – с ходу заявил бригадир. – Мишку ты знаешь. Так вот, беда у него. После взрыва памяти совсем лишился. Даже меня не признал. Так что, в тайге ему пока делать нечего, а зима скоро уже. Так что, уголь ему на зиму нужен.

– Так это на склад надо, – начал было возчик.

– Васятка, – с угрозой протянул бригадир. – Совесть имей.

– Так а чего сразу я, дядя Степан? – делано возмутился возчик.

– Совесть, говорю, имей. Когда у него же сига свежего брал, небось благодарил, а как теперь помочь надо, так забыл все? – буквально зарычал бригадир на возчика.

– Да не, я это... – смутился тот. – Все знают, что на складе оформлять надо.

– По пятаку за пуд привезешь. И смотри, узнаю, что не сделал, пожалеешь, – рыкнул бригадир. – Запомни, Васятка, он охотник, каких поискать. С таким соседом в ладу жить надо. Сам с голоду не помрет и другим не даст. Забыл уже, как пути в третьем годе занесло и вся станция на одной рыбе месяц жила? А откуда та рыба взялась? Вот и думай.

– Сделаю, дядя Степан, – еще больше смутившись, кивнул возчик. – Сколько брать-то будешь? – повернулся он к Мишке.

– Сколько в подводу берешь? – осторожно уточнил Мишка.

– Посуху десять пудов. Уголь весь в корзинах. Так что, сразу разгружать придется.

– А если дожди? – быстро просил Мишка.

– В дождь не более шести пудов грузим. Сам знаешь, по хляби лошадке много не вытянуть, – вздохнул Васятка.

– Это верно, – кивнул Мишка. – Значит так. Три подводы по десять пудов. Ну, или как там получится. В общем, мне тридцать пудов надо.

– Добро, – подумав, кивнул Васятка. – Деньги готовы. По пятаку за пуд.

– Будет. А когда ждать-то тебя?

– По подводе в день привезу. Первую сегодня жди, – подумав и что-то прикинув, ответил возчик.

– Вот и слава богу, – кивнул Мишка. – Благодарствую, Степан Кондратьич.

– Не за что, Мишаня. Я добро помню, – кивнул в ответ тот и, заметив растерянный взгляд парня, добавил: – Когда Анютка моя простыла, я только у тебя медвежьим жиром и разжился. А ты за ним к хантам в стойбище ходил. Никто не рискнул, а ты пошел.

– Так ведь соседи, дядя Степан, – только и нашелся что ответить Мишка.

– Вот и я за то, – кивнул бригадир. – Смотри, Васятка, чтоб все честь по чести было, – добавил он и, развернувшись, быстро зашагал к цехам.

– Ты это, Миш, – смущенно затоптавшись, проговорил Васятка. – К обеду дома будь. С деньгами. И место для разгрузки приготовь. Нам быстро обернуться надо будет.

– Сейчас пойду. Дома ждать буду, – пообещал Мишка.

Кивнув, возчик тяжело затопал обратно к складу. Посмотрев ему вслед, Мишка вдруг сообразил, что забыл уточнить у тетки, есть ли в доме вообще деньги. Ведь если нет, придется бежать обратно на станцию и срочно искать инженера, чтобы выпросить у него нужные полтора рубля. С этой мыслью, в очередной раз обругав себя болваном, Мишка поспешил обратно. Он с самого начала стал замечать за собой странности, которых раньше не было.

То язык развязывался сам собой, а то из головы выскакивали самые простые вещи. Да к тому же еще новое тело все никак не желало полностью подчиняться новому сознанию. Он регулярно замечал за собой некоторую нескоординированность некоторых движений. Особенно, если приходилось действовать не осмысленно, а на рефлексах. Реакция и точность движений у бывшего владельца были отличными, но несовпадение габаритов и физической силы иногда приводили к казусам.

То же самое иногда случалось и при беседах. Покрутив эту проблему со всех сторон, Мишка пришел к выводу, что все дело в юношеском гормональном взрыве. Припомнив самого себя в подростковом возрасте, он только ухмыльнулся и хмыкнул. Мозгов там вообще не было. Думал чем угодно, только не головой. А значит, этот период нужно просто перетерпеть и постоянно контролировать каждый свой шаг. Урядник говорил, что раньше парень был молчаливым и нелюдимым. Выходит, нужно плавно возвращаться к прежним параметрам. С этими мыслями Мишка вошел во двор.

* * *

Внимательные серые глаза настороженно следили за каждым движением копошившегося в сарае парня. Вот уже два часа они сидели в разросшихся кустах бузины, ожидая, когда он наконец решит выйти на улицу. Моросящий дождь не мешал. Наоборот, в такую погоду было проще. Но парень словно назло продолжал заниматься своими делами, даже не делая такой

попытки. Испустив очередной вздох, наблюдатель осторожно развернулся и, кутаясь в старенький ватник, еле слышно проворчал:

– С такого расстояния я бы его одним выстрелом снял.

– С ума сошел?! – возмутился сидевший рядом человек в таком же ватнике и неопрятного вида треухе. – Нас потом всей деревней ловить начнут. А тут половина охотники. Да еще и ханты в трех верстах по реке встали. От тех вообще не оторвемся.

– Потому и не стреляю, – буркнул в ответ первый. – Но ждать надоело, сил нет. И зачем ты вообще согласился?

– А жрать дальше что станем? – огрызнулся второй. – Слышал же, как я с тем приказчиком за продукты и одежду договаривался.

– Вот именно. Лучше бы деньгами взял, – фыркнул первый.

– Недаром тебя всегда считали глупым, – усмехнулся первый.

– Это кто так говорил?! – едва не в полный голос зашипел второй.

– Неважно. Важно то, что они были правы, – ответил первый, презрительно усмехнувшись. – Ну, получил бы ты деньги, а дальше что? Пошел бы в соседнюю лавку, закупать нужное? И сразу же попался бы на глаза местным властям. Ну или сами хозяева лавки бы донесли. А в тайге лавок нет. Да и медведю деньги без надобности. Нет, я все правильно сделал. Отработаем ублюдка, получим свое, и в путь. Вдоль железки. А там, глядишь, и подходящий состав подвернется.

– Если твой заказчик сам же тебя полиции не сдаст, – не сумел промолчать второй. – Еще, небось, и премию за это отхватит.

– А кто сказал, что я его живым отпущу? Нет уж. Он единственный, кто нас к этому делу пристегнуть сможет. Получим сказанное и в расход его.

– Еще один труп? Тебе и вправду кровь что вода, – удивленно покачал головой второй.

– Было бы кого жалеть. Вор и быдло. Для нашего дела это совершенно неподходящий материал, – отмахнулся первый. – Нам главное до столицы добраться. А там товарищи помогут. За границу уедем, пока тут все успокоится.

– На какие шиши? Не помню, чтобы тебе внезапно умершая тетушка наследство оставила.

– Ты и вправду глуп. На кой мне тетушка, если по тайге куча всяких старательских артелей золотишко моют. Здесь отработаем и поближе к обжитым местам переберемся. А до того пару мест проверим.

– Хочешь сказать, что у тебя и на поселки старательские наводка есть? – не поверил второй.

– И не одна, – кивнул первый, раздуваясь от самодовольства. – Помнишь, нам на пересылке в камеру одного варнака сунули? Его еще врач местный пользовал.

– Это которого рысь порвала?

– Он самый. Так вот, пока ты там перед быдлом разглагольствовал, пытаюсь им наши идеи привить, я с тем варнаком и пообщался. Так вот, он как раз мне про те поселки и поведал. А рысь его порвала, когда он от старателей уходил. Золотишко-то он взял, да только не знал, что старателей там больше будет. Вот они за ним в погоню и пустились. Он следы запутал, а сам на рысье гнездо нарвался, когда место искал, где золото спрятать. А в том гнезде у нее детеныши были. Вот она его и порвала. Ну а потом уже и погоня подоспела. Так он на каторгу и отправился.

– История! Странно, что на месте не убили, – удивленно протянул второй.

– Там полиция была, для охраны.

– Откуда в тайге полиция?

– Промышленник нанял, чтобы добытое золото до банка свезти. Даже рабочим своим не доверял.

– Мироед, – скривился второй.

– А ты как думал?

– Так что делать станем? Может, и вправду... – Второй откинул полу ватника, показывая приятелю рукоять унтер-офицерского револьвера «смит-вессон» со стремянем под скобой спускового крючка под средний палец.

– Не дури. Шум нам совсем не нужен.

– Так сил же уже нет сидеть тут. Да и жрать хочется.

– Угу. Это ты верно подметил. Жрать и вправду хочется. Что там, во дворе? Народу много шатается?

– Нет никого, – ответил второй, быстро приподнявшись и заглядывая через штакетник. – Баба одна прошла в калитку. А этот один возится. Мужик еще утром мелькнул, и не было больше никого. И у соседей тихо.

– Пару штакетин аккуратно выломать сможешь? Только без шума.

– Это запросто, – хищно усмехнувшись, завозился второй, прикладываясь к штакетнику.

В их компании он всегда считался силовиком, тогда как его напарник и старый приятель отвечал за мозговую деятельность их действий. Сильные жилистые руки быстро раскатали несколько штакетин забора, и спустя несколько минут две одинаково одетые тени проскользнули во двор, притаившись под стеной коровника.

Между тем парень, за которыми они пришли, продолжал заниматься обычными крестьянскими делами. Прибрав подворье, он перешел к поленнице и, подхватив колун, взялся за колку дров. Глядя, как толстые чурки разваливаются под резкими сильными ударами топора, приятели задумчиво переглянулись. Справиться с жилистым плечистым парнем теперь не казалось такой уж простой задачей. Впрочем, бывало и хуже. Едва слышно выдохнув эти слова, второй выскользнул из-за угла и, аккуратно переставляя ноги, принялся подбираться к жертве.

Он уже почти подошел к парню вплотную, когда тот, нагнувшись за очередной чуркой, вдруг резко развернулся и швырнул ее в лицо нападавшему. Не ожидавший подобной выходки мужчина, получив в лицо увесистое полено, не удержался на ногах и, негромко вскрикнув, рухнул на спину. Шедший следом за ним напарник растерянно замер, пытаясь понять, что произошло, но уже в следующую секунду в голову ему прилетел колун.

Парень, недолго думая, попросту швырнул его во второго противника и тут же развернулся к первому, уже начавшему подниматься на ноги. Подхватив еще одно полено, он с ходу опустил его на голову мужчине и тут же, развернувшись, ринулся к следующему.

Не ожидавшие такого активного сопротивления, нападавшие растерялись. Теперь, когда все пошло не так, как они планировали, им пришлось выступать каждому за себя. Парень же продолжал метаться между пришельцами, охаживая их поленом. Более привычный к рукопашным схваткам второй сумел сориентироваться и, подставляя под удары локти, несколько пришел в себя. Первому было гораздо хуже. Ударивший его в левую часть лба колун содрал с головы кожу, и кровь полностью залила глаз. А несколько ударов поленом едва не лишили сознания. Второй, успев откатиться в сторону, вскочил на ноги и, утирая рукавом лицо, прохрипел:

– Ну, все, мразь. Теперь ты труп.

С этими словами он выхватил из-за пояса револьвер и попытался взвести курок. Моментально сообразив, чем ему это грозит, парень швырнул в противника полено и ринулся в атаку. Тяжелая деревяшка ударила противника в грудь, и тот едва не выронил оружие, а когда снова взял его правильно, парень вдруг оказался рядом. Не ожидавший от крестьянского паренька такой прыти убийца в очередной раз растерялся. В следующее мгновение жилистый кулак парня разбил ему гортань. Хрипя и задыхаясь, второй начал медленно оседать наземь. Следующий удар пришелся ему в висок.

Не останавливаясь, парень подскочил к пытающемуся подняться первому и, приседая, нанес еще один удар ребром ладони в основание черепа. Стоявший на четвереньках человек подставил шею под удар, и парень не упустил своего шанса.

Отдышавшись, Мишаня быстро огляделся и, убедившись, что драки никто не видел, присел и приложил пальцы к шее убитого. Убедившись, что теперь это только тело, он быстро обыскал труп и, еще раз оглядевшись, перешел ко второму нападавшему. Тут тоже все было кончено. Обыскав второе тело, парень сложил все найденное на земле и, почесав в затылке, задумчиво хмыкнул. Несколько ржаных сухарей, дюжина патронов к револьверу, пара сточенных ножей – вот и вся добыча.

Немного подумав, парень собрал все патроны и, отойдя за сарай, ссыпал их в траву. Потом, вернувшись к месту драки, он еще раз внимательно осмотрел место происшествия и, подцепив сам револьвер носком поршня, ловким пинком отправил его под дрова.

– Найдут – значит найдут. А нет – моя удача, – тихо проворчал парень, выходя со двора и набирая полную грудь воздуха.

Его пронзительный крик всполошил всю деревню. Уже спустя пять минут местные кумушки принялись шнырять со двора на двор, а вдоль забора, где все случилось, начала собираться толпа. Спустя еще минут сорок, во двор величественно прошествовал урядник и, грозно осмотревшись, густым басом спросил, расправляя роскошные усы:

– Ну что у тебя, Мишка, тут опять приключилось?

– Так вот, Николай Аристархович, сами гляньте. Варнаки совсем обнаглели, уже прямо у честных людей на подворье свои дела темные решают.

– Хочешь сказать, что это они друг друга так? – удивился урядник.

– Да бог с вами, господин урядник. Ну не я же с ними дрался, – развел Мишка руками, всем своим видом выражая полное недоумение таким предположением. – Куда мне сейчас драться-то? Да еще с двумя.

– Вот это меня и удивляет, – пробасил урядник, окидывая парня задумчивым взглядом. – А сам ты где был, пока они тут дрались?

– Так вон, в сарае затаился. Нам сегодня уголь привезли, вот я там и копошился. Пересыпал, чтобы место побольше освободить. А тут слышу, возня какая-то, удары. Высунулся, а тут такое. Тот с поленом, а этот с колуном, – продолжил он, пальцем указывая на тела. – Куда мне против них с одной лопатой, и та деревянная? Вот я и затаился. А когда кончилось все, вылез, осмотрелся, понял, что поубивали друг друга, и давай народ звать.

– Да уж, с лопатой тут никак, – задумчиво вздохнул урядник, осматривая тела.

«Знал бы ты, что можно хорошей штыковой лопатой натворить. Особенно если она хорошо наточена», – мелькнула у Мишки мысль, вызвав мимолетную усмешку.

– Ты чего ухмыляешься, Мишка? – грозно спросил урядник, насторожившись.

– Так радуюсь, Николай Аристархович. Второй раз костлявая рядышком прошла и не задела.

– Господин урядник, посмотрите, – растолкав зевак, во двор ввалился рядовой полицейский, размахивавший какими-то бумагами.

Тяжело выпрямившись, урядник забрал у него бумаги и, не спеша пролистав их, хмыкнул, расправляя усы:

– И вправду повезло тебе, парень, – проворчал он, отдавая бумаги своему подчиненному. – Беглые это. По ним розыск уже три месяца как объявлен. Даже награда за указание, где находятся, имеется.

– Так это что же, мне теперь та награда и отойдет? – сделал вид, что обрадовался Мишка.

– Ну, тут еще посмотреть, подумать надо, – забасил урядник, то и дело бросая на парня многозначительный взгляд.

– А награда-то большая? – сообразил спросить Мишка.

– Большая. Червонец на ассигнации от генерал-губернатора будет. Потому как каторжники эти особо опасные. Политические.

Услышав про деньги, народ за забором заметно оживился, негромко обсуждая сумму награды. Понимая, что нужно что-то срочно предпринимать, Мишка, заметив, что рядовой полицейский принялся собирать улики, быстро прошел вперед и, указывая на окровавленное полено, громко сказал:

– Господин полицейский, вы и полено это прихватите. Не хочу кровь варначью в дом нести. А вам для дела пригодится. – И, оказавшись рядом с урядником, еле слышно добавил: – Вы, Николай Аристархович, поспособствуйте в получении премии, а за мной дело не встанет. Отблагодарю.

В ответ тот лишь едва заметно усмехнулся в усы и слегка прикрыл глаза, давая понять, что все услышал.

– Ну, – откашлявшись, громко проговорил урядник, – тут мне все понятно. Варнаки эти чегось промеж себя не поделили. Вот и закончилось все смертоубийством. Так что премия за обнаружение особо опасных каторжников тебе причитаться должна. Честь по чести. Так начальству и доложу. Думаю, через недельку ответ и получим. Показания я с тебя снял. За телами приедут скоро. Я из больницы телегу уже вызвал. Более нам тут делать нечего, так что заканчивайте, и пошли, – последняя фраза предназначалась двум полицейским, продолжавшим осматривать место происшествия.

Словно в ответ на его слова, у ворот остановилась телега, и Мишка бросился открывать. Спустя еще двадцать минут о случившемся напоминала только кровавая лужа на земле. Подхватив лопату, Мишка срезал испоганенный кусок земли и, отнеся его за отхожее место, отправился в дом.

* * *

Спустя неделю после всего случившегося Мишка, спешно приводивший в порядок изрядно запущенный двор, в очередной раз увидел у калитки знакомую фигуру. Парень усмехнулся про себя, еле слышно буркнув под нос: «Вот так и рождаются легенды». Отложив грабли, он вышел в калитку и быстро осмотревшись, направился к облетевшему кусту черемухи. Человек в брезентовом дождевике плавно развернулся, и Мишка, рассмотрев знакомую бороду, усмехнулся:

– Зашел слухи проверить?

– И это тоже, – усмехнулся в ответ Савва. – Признаться, не ожидал, что справишься. Видать, не врал, когда про кровь говорил.

– А с чего врать-то? – пожал Мишка плечами. – Жизнь штука хитрая, рано или поздно любую ложь сама наружу выведет. Так чего хотел-то?

– Спросить кое-что хочу, – помолчав, выдохнул Савва. – Говорят, ты тайгу лучше всех в округе знаешь. Верно?

– Раньше было. А сейчас и не скажу. Контузило меня. Памяти лишился, – коротко поведал ему о своей беде парень.

– Слышал, – кивнул Савва. – Выходит, не врали люди.

– А с чего им врать?

– А то не знаешь. Скажешь слово, а оно по базару пролетит и к тебе байкой вернется.

– И так бывает. А что у тебя за нужда в тайге?

– Золотишко, – коротко буркнул Савва. – Уехать хочу. Домой. Двадцать лет дома родного не видел. А пустым возвращаться... сам понимаешь, лишний рот. Так что скажешь? Есть на реке такие места, чтобы золота без крови взять? Самому намыть.

– Самому? – задумчиво переспросил Мишка. – Вспоминать надо. В тайгу идти. Да и поздно ты решился. Зима на носу, какое тут уже старание?

– Знаю, что поздно. Да видишь, как нас судьба свела, – развел Савва руками.

– В тайгу идти надо. По весне. Как снег сойдет. Там, может, чего и вспомню. Но тогда придется на месте заимку ставить и почитай на все лето пропасть. Лодка хорошая нужна.

– Зачем? – моментально насторожился Савва.

– А ты что, хочешь, чтобы вся округа сразу узнала, что ты там золото моешь? А так... Рыбы наловить да насолить, зверя на мясо добыть – в общем, обычным промыслом дело прикрыть. Что скажешь?

– Тут ты прав. Мне лишний шум ни к чему. Я ведь под запретом живу, – криво усмехнулся бывший каторжник.

Услышав последнюю фразу, Мишка принялся судорожно вспоминать, что бы это значило. Спустя минуту размышлений ему вдруг вспомнился один старый фильм, где известному революционеру перечисляли, в каких губерниях ему запрещено появляться и проживать. Сообразив, что означает жить под запретом, он только кивнул, не найдя что ответить. Внимательно наблюдавший за ним каторжник чуть качнул головой, задумчиво проворчив:

– Откуда ж ты такой грамотный взялся?

– Из тех же ворот, что и весь народ, – фыркнул Мишка в ответ раньше, чем успел сообразить, что несет.

– Ох, шустер, – вдруг закаркал Савва. – Да еще и ловок, бес. С таким ухо остро держать надо.

– Я, Савва, врагов не ищу, но и обид не прощаю, – глядя ему в глаза, негромко ответил Мишка. – Ежели со мной честно, то и я правдой отвечу. Ну а если кто дурное задумает, тут уж как бог даст.

– Слушаю тебя, парень, и словно с кем благородным говорю, – покачал Савва головой. – Но слова твои я запомню. Так что скажешь? Возьмешь по весне с собой?

– До весны еще дожить надо.

– Не веришь? – вдруг насупился бывший каторжник.

– Тут не в вере дело, – мотнул Мишка головой. – У меня тут, сам видишь, что ни день, то новые приключения. Мне бы и вправду до весны спокойно дожить да здоровье поправить. А там, если сложится, сходим.

– Ты вот что, – помолчав, вдруг сказал Савва. – Если кто из наших бывших вдруг объявится, сам не вяжись. Мне скажи. Савву тут все знают. Я разберусь.

– Ты уж прости, Савва, но со своими бедами я привык сам справляться. Но за слова добрые благодарствую. Запомню.

– Ну, сам смотри. Я сказал, а ты услышал, – кивнул Савва и, развернувшись, растворился в пелене морозящего дождя.

– Умному достаточно, – тихо проворчал Мишка ему вслед.

Вернувшись во двор, он снова принялся за прерванное занятие, прокручивая в голове этот странный разговор. Верить каторжнику, хоть и бывшему, который двадцать лет мечтает вернуться домой, было сложно. Ради исполнения своей мечты такой человек запросто проломит напарнику голову, чтобы не делиться добытым. Но с другой стороны, с таким напарником за встречи в тайге с беглыми можно не беспокоиться. Да и как рабочая сила он подходит. Недаром же купец держит его как сторожа при своих лабазах. В общем, думать надо. Крепко.

С этими мыслями Мишка, сообразив, что дождь усиливается, прибрал грабли в сарай и направился в дом. Скрип колес и конский топот заставили его остановиться на крыльце и удивленно посмотреть в сторону ворот. Крытая бричка, влекомая молодой соловой кобылкой, остановилась, и из нее выглянула знакомая усатая физиономия урядника. Увидев парня, он усмехнулся и, не вылезая, пробасил:

– Мишка, собирайся быстро. Оденься получше. Как в церковь. К городскому голове поедем.

– Это еще зачем? – растерялся Мишка от такого приглашения.

– Премию тебе вручать станет. Сказал, хочет сам на тебя посмотреть. Собирайся.

– Сей момент буду, – кивнул Мишка, ныряя в дом.

О том, что вопрос с премией решится так быстро, он и не мечтал. Помня, что при местных расстояниях и средствах связи все решалось не спеша, он был просто поражен скоростью принятого решения. Достав из сундука чистые штаны, рубаху, Мишка быстро переоделся и, обмахнув сапоги чистой тряпицей, поспешил к бричке. Волосы, вместо шапки, он повязал кожаным шнурком. Одобрительно крикнув, урядник жестом указал ему на сиденье рядом с собой и, дождавшись, когда парень усядется, тряхнул поводьями.

Кобылка встряхнула гривой и резво покатила бричку в сторону чистой части поселка. Оглядывая новые для себя места, Мишка не удержался и, повернувшись, тихо спросил:

– Не расскажете, Николай Аристархович, с чего вдруг дело так быстро решилось? Я не раньше чем через месяц ждал.

– Голова решил своей властью тебя премировать. Бумага о награде есть, так что ему только исполнить нужно было. А деньги от генерал-губернатора потом в казну поселка вернут.

– Ну, вроде все верно, – задумчиво протянул Мишка.

– Да ты не беспокойся. Все честь по чести. Это ж не простые варнаки были. Политические. Самый зловредный элемент. Моя б воля, всех бы к стенке поставил, – закончил урядник, воинственно встряхнув пудовым кулаком.

Лошадиные подковы зацокали громче, и Мишка, к своему изумлению, вдруг увидел, что едут они по самой настоящей брусчатке. Выглянув наружу, он принялся с интересом рассматривать солидные купеческие дома, по большей части двухэтажные, с резными наличниками и такими же ставнями, на каменных фундаментах. В таком же стиле было построено здание городской управы. Подкатив к крыльцу, урядник привязал поводья к коновязи и, расправив усы, жестом указал Мишке на двери.

Поднявшись на второй этаж, он провел парня длинным коридором и, постучавшись, толкнул широкие двустворчатые двери. Шагнув в зал, урядник вытянулся во фронт и, откозыряв, доложил:

– Господин майор, указанная вами личность доставлена.

– Да бог с вами, урядник. Доставляют подозреваемых, а тут, можно сказать, местный герой, – вальяжно отмахнулся заметно поддатый полицейский чин. – Ну-с, где он там?

Вместо ответа урядник вытолкнул Мишку вперед, от избытка усердия едва не закинув его на середину большого стола, вокруг которого стояло человек восемь. Очевидно, представители местной элиты. Делая вид, что робеет, Мишка заложил руки за спину и опустил взгляд. «Осталось только ножкой шаркнуть», – усмехнулся парень про себя.

– Не робей, герой. Двух политических каторжников не испугался, а тут робеешь, – усмехнулся майор и, подойдя, хлопнул его по плечу. – Охотник?

– Так точно, ваше благородие, – негромко буркнул Мишка, не понимая, что делать дальше.

– Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, охотник, да еще и один из лучших, – забасил урядник. – Следопыт, каких поискать. Было дело, меня и моих людей по следам беглых водил. И точно знаю, что один на медведя ходит, из оружия только ружье да нож имея.

– Силен, – одобрительно кивнул майор. – Молодец. Ну да ладно, Иван Сергеевич, не станем смущать героя. Сразу видно, ему в тайге спокойнее, чем в кабинетах наших.

– Пожалуй, вы правы, господин майор, – с улыбкой кивнул пожилой господин с роскошными бакенбардами и, выложив на стол какую-то бумагу, велел: – Подойдите сюда, юноша. Надеюсь, вы грамотны?

– Так точно, ваше высокопревосходительство, – кивнул Мишка, быстро подходя к столу.

– Вот и прекрасно. Вот тут тогда распишитесь и извольте получить. Все как в приказе генерал-губернатора: десять рублей на ассигнации, – закончил голова, выкладывая на стол радужную бумажку.

Подхватив протянутое перо, Мишка кое-как расписался в указанном месте и, аккуратно положив перо на стол, накрыл купюру ладонью.

– Благодарствую, ваше высокопревосходительство, – нашелся парень, неловко склонив голову.

Уж чему-чему, а кланяться его никогда не учили.

– Силен, – снова рассмеялся майор. – Сразу видно – охотник. От медведя не бегал и кланяться толком не умеет.

– Так где ж ему этому учиться было? – мелко рассмеялся городской голова, вписывая Мишкину неловкость на смущение и дикость.

– Говоришь, по следам беглых людей моих водил? – не унимался майор, обращаясь непонятно к кому.

– Точно так, ваше благородие, – моментально нашелся урядник. – Лучший следопыт во всем поселке был.

– А чего вдруг был? – удивился голова.

– Так это, – стушевался урядник, – контузило ж его. Ну, когда у господина инженера казус случился.

– А-а, это, – скривился голова.

– Ну, даст бог, поправишься, – нашелся майор. – А это лично от меня, за смелость и умения, – закончил он, доставая из бумажника купюру в три рубля. – Прими, братец, на лечение.

– Благодарствую, ваше благородие, – Мишка заставил себя снова поклониться. – Дозвольте идти?

– Ступай, братец, – милостиво кивнул голова.

Уже за дверью Мишка услышал, как городской голова вдруг поинтересовался, почему Мишка был без шапки, на что майор со знанием дела поведал, что в тайге шапка только мешает и промысловики носят их только зимой.

«Много ты знаешь, пьянь», – фыркнул про себя Мишка.

Спустившись к бричке, парень остановился и принялся задумчиво оглядывать небольшую площадь. Вышедший следом за ним урядник, расправив усы, устало спросил:

– Ты чего высматриваешь, Мишка?

– Смотрю, где тут у них книги продают. Раз уж оказия случилась сюда попасть. Да еще и с деньгами.

– Вон, возле булочной, лавка букиниста стоит, – небрежно кивнул урядник в нужную сторону.

– Николай Аристархович, вы меня не обождете несколько минут? – решившись, спросил Мишка. – Я сейчас в ту лавку загляну, а потом в булочную. Там пряников да калачей возьмем и поедем ко мне чай пить.

– Ты никак решил книжек купить? – удивился урядник.

– Карту посмотреть хочу, – не стал скрываться Мишка.

– Какую еще карту? – удивился урядник.

– Да хоть какую. Я уж не знаю, с чего начать, чтобы память себе вернуть, – подпустил сиротскую слезу Мишка.

– М-да, ну, пошли, посмотрим, что у тебя получится, – крикнув, согласился урядник.

* * *

– А вы уверены, молодой человек, что понимаете, как правильно читать карту? – с заметной ехидцей поинтересовался пожилой мужчина в круглых очках. – И вообще понимаете, что это такое?

Мерцающий свет свечной лампы отбрасывал странные блики на его голой как коленка голове.

– Ну, я уж как-нибудь, – буркнул Мишка, едва сдерживаясь, чтобы не нахамить.

«Ты карту толковую покажи, а там я тебя удивлю до полного офигения», – подумал он.

– Ну-ну, – снова ухмыльнулся дедок и выложил на прилавок солидный фолиант. – Извольте-с, юноша.

– Благодарствую, сударь, – прошипел сквозь зубы Мишка, аккуратно откидывая тяжелую обложку.

Предложенный стариком атлас и правда для текущего времени был отличного качества. Точно прорисованные границы государств, дороги и даже изгибы рек. Перевернув фолиант, Мишка раскрыл последнюю страницу и понимающе вздохнул. Атлас был изготовлен во Франции. Быстро пролистнув несколько страниц, он буквально впился взглядом в европейскую часть страны и едва не выкрикнул: «Не мой мир!» Эта мысль была в его мозгу набатом.

– Ты чего, Мишка? – вдруг раздалось над ухом.

– А? Нет, ничего. Голова закружилась, – прохрипел парень осипшим горлом.

– То-то я смотрю, побелел весь.

– Так что, молодой человек, вы увидели, что искали? – не унимался дедок.

– Нет. Это французский атлас. А мне бы хотелось взглянуть на генштабовскую трехверстку местных земель, – не сумел удержаться Мишка, повергнув старика в изумление такими познаниями.

– Это, простите, где же вы такую карту видели? – насторожился тот.

– А у землеустроителей, – нашелся парень и поспешил свернуть разговор. – Пойдемте, Николай Аристархович. Домой пора. Да и отдышаться мне нужно. Что-то и вправду поплохело. Благодарствую, сударь.

С этими словами он вышел из лавки и, прислонившись у входа к стене, сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться. Но перед глазами все еще стояла карта европейской части России, да и всей Европы. Самые приметные границы государств были другими. К примеру, та же Италия здесь выглядела не сапогом, а толстым аппендиксом, косо прилепленным к материку. Британские острова являлись бесформенной кляксой, а пролива Босфор вообще не было. Вместо него была только условная граница, проведенная на воде.

Вышедший следом за ним урядник откашлялся и негромко прогудел, словно шмель-пересток:

– Так ты чего искал-то, Мишка?

– Ничего, Николай Аристархович. Просто ищу, что поможет память вернуть. Да, видать, не судьба пока, – вздохнул парень. – Ладно. Бог с ним. Пойдемте в булочную. Хочу к чаю всякого купить, тетушку порадовать. Да и мы с вами заслужили, – добавил он, лукаво усмехнувшись.

– Гм, ну, так-то оно да, – несколько смутившись, степенно кивнул урядник.

Едва переступив порог булочной, Мишка едва не захлебнулся слюной. Запах свежайшей выпечки, корицы, ванили и других специй едва не лишили его остатков разума. Оставив у дородной продавщицы почти полтора рубля и набрав полную сумку всяких вкусностей, Мишка усилием воли заставил себя прекратить этот разврат и, рассчитавшись, вышел на улицу, неся холщовую сумку словно величайшую ценность.

К его удаче, эти сумки продавали здесь же, в лавке. Больше всего они напоминали обычную суму, но закрывались широким клапаном, что позволяло донести до дому выпечку еще теплой. Погрузившись в бричку, Мишка поставил сумку на колени и, невольно принохиваясь к источаемым ею запахам, покосился на усаживающегося рядом урядника.

– И правда славно пахнет, – буркнул тот, кивнув на сумку.

– Так свежайшее ведь, Николай Аристархович. Вы погоняйте. Успеть бы самовар спроворить, пока не остыло.

– Тоже верно, – усмехнулся урядник, тряхнув поводьями.

Спустя полчаса Мишка быстро расставлял на столе посуду, раскладывая покупки. Полуведерный самовар уже вовсю пыхтел на крыльце. Урядник, сняв шинель и повесив портупею с саблей и револьвером на гвоздик, торжественно восседал за столом, одобрительно наблюдая, как суетится парень. Наконец, водрузив самовар на стол и залив свежую заварку кипятком из него, Мишка остановился и, достав из кармана пятерку, протянул ее полицейскому.

– Извольте, Николай Аристархович. Вы ко мне с добром, и я к вам со всем своим уважением. Примите.

– Гм, так тут бы трешки хватило, – расправляя усы, негромко ответил урядник, бросив на парня быстрый взгляд.

– Не в этом случае, Николай Аристархович. Без вас я бы ничего не получил. Так что половина премии ваша. Это честно, – решительно ответил Мишка, положив деньги на стол.

– Умен ты, Мишка. Не по годам умен, – одобрительно кивнул урядник, убирая деньги в нагрудный карман кителя. – Вот уж не думал, что ты таким станешь. А ведь рос волчонок волчонком.

– Так сами знаете, как мы жили, – вздохнул Мишка. – Это сейчас я почти в силу вошел, и могу Трифона окоротить. А тогда... – Парень махнул рукой, испустив тяжелый вздох.

– Это да, – крикнул урядник. – Ладно. Коли так, то ты, Мишка, знай: ко мне ты всегда с любым делом прийти можешь, если нужда какая будет. Вижу, парень ты умный и ерунды не попросишь. Случись нужда, сначала ко мне ступай. Разберемся. Да и так заходи запросто. А про дядьку своего не думай – ежели чего, я его быстро окорочу. Он у меня давно на примете.

– Благодарствую, Николай Аристархович, – улыбнулся Мишка, наливая ему чай в большую глиняную кружку.

Другой посуды в доме не было. Задумчиво оглядев стол, Мишка снова вздохнул и, указывая на него рукой, извиняющимся тоном произнес:

– Вы уж не обессудьте, Николай Аристархович, да сами знаете, другой посуды в доме и нет.

– Невелика печаль, – отмахнулся урядник, откусывая от калача изрядный кусок. – Было бы что есть, а уж из чего – дело десятое. Я ж не всегда в полиции служил. Было время, сам с артелью по тайге ходил. И уголь копали, и золото мыли. Всякое было. Бывалоча, и сухой хлебной корочке рад. Да, всякое было. На то она и молодость.

«Ого! Похоже, наш мудрый толстячок по жизни погулял неслабо», – подумал Мишка, подвигая к нему тарелку с пряниками.

– Это верно, – поддакнул он вслух, ожидая продолжения.

– Вот потому и говорю, ты прежде чем дело какое удумать, сначала ко мне приди, посоветуйся. Я ж вижу, что и в тайгу ты сам ходить не просто так стал, и за дело любое хватаешься. Все хочешь из бедности вырваться да тетку свою вытянуть. Это правильное дело, доброе. Да только помню я, что по молодости хочется всего да побыстрее. Потому и хочу тебя от глупости уберечь. Ты помни, Глафира без тебя недолго протянет.

– Это я всегда помню, – кивнул Мишка, скрипнув зубами.

– Вот и правильно, – одобрительно кивнул урядник. – А посуду ты теперь и сам купить можешь. Завтра сам с тобой в лавку схожу, там все и купишь, – пообещал урядник, изрядно подобрев от съеденного.

Выдув три больших чашки чая и съев изрядное количество выпечки, он откинулся к стене и, утирая вспотевшее лицо огромным платком, одобрительно проворчал:

– Уважил, Мишка. И чай добрый заварил, и угостил от души. Уважил. Ладно, пора мне. Нужно еще в околоток заглянуть, глянуть, как там что.

Поднявшись, он крепко хлопнул Мишку по плечу и, отойдя к дверям, принялся не спеша одеваться. Застегнув португую и поправив кобуру, он в очередной раз расправил усы и, хлопнув себя по пузу, усмехнулся:

– Ну, мир дому сему. Благодарствую, Мишаня. И вправду добрый хозяин вырос. А про слова мои не забывай. Я кому попало такого не обещаю, сам понимаешь.

– Благодарствую, Николай Аристархович, не забуду, – улыбнулся Мишка, слегка склонив голову.

Тяжело согнувшись, урядник вышел. Мишка, понимая, что роль нужно отыграть до конца, вышел следом за ним и, проводив до брички, вежливо попрощался. Проводив бричку взглядом, он оглянулся на дом и только теперь сообразил, что с самого утра не видел тетку. Словно услышав его мысли, та возникла у калитки как будто из ниоткуда.

– Мама Глаша, ты где пропала? – удивленно поинтересовался Мишка.

– Так пряжу продавала да шерсти еще купила. Все какая копеечка, – грустно улыбнулась в ответ женщина.

– Что, опять этот ирод у тебя все отнял? – спросил Мишка, начиная свирепеть.

– Да бог с тобой, Мишенька. Я его уже второй день не вижу, – отмахнулась тетка. – Нам с тобой зимовать еще. Благо, ты сумел и дров и угля купить, так хоть мерзнуть не будем. Солонины бы еще купить, да где на нее денег взять.

– Нашла беду, – усмехнулся Мишка. – Вот, держи, – добавил он, протягивая ей шесть рублей рублевыми ассигнациями.

– Пресвятая Богородица! Это откуда ж такое богатство?! – ахнула Глафира.

– Премию от генерал-губернатора выдали за тех беглых. Прибери пока. Завтра с тобой опять на торг поедем. И солонины закупим, и еще чего нужного.

– Так остальное вроде есть все, – насторожилась женщина.

– Не все. Люди в доме бывают, а нам даже чаем их угостить не из чего. Кружки глиняные, словно у голи перекаточной, – не сдержался Мишка. – Погоди. А раньше мы тоже солонину закупали, или как?

– Не помнишь? – сочувственно спросила Глафира. – Нет, Мишенька. Уж вот как третий год твоими силами и лосятину, и кабанятину сами солили. А иной раз и медвежатина бывала. И марала ты, бывало, приносил.

– Понятно, – скривившись, вздохнул Мишка. – Делать нечего. Придется нам в этом году за солонину деньги платить.

– Ничего, Мишенька. Не грусти, перезимуем, – ласково погладив его по плечу, устало улыбнулась Глафира. – В леднике и рыба соленая есть, и репа, и другое с огорода. Переживем.

– Переживем, мама Глаша. Еще и как люди жить станем, – встряхнувшись, пообещал Мишка, вспомнив свой разговор с бывшим каторжником. – Но чашки для чая все равно завтра купим.

– Как скажешь, Мишенька. Ты теперь хозяин в доме, – улыбнулась женщина, вдруг упираясь лбом ему в плечо. – Дождалась, дождала, спасибо Пресвятой Богородице.

– Ох, за этими разговорами забыл совсем, – встрепенулся Мишка. – Пошли в дом скорее. Я там вкусного всякого купил к чаю. Пошли в дом. Сейчас чай пить с тобой будем.

– Мишенька. Да что ж ты сразу за чай? Поесть же нормально надо, – всполошилась женщина.

– Ничего, мама Глаша. Один раз можно, – рассмеялся Мишка, обнимая ее за плечи.

Разогрев самовар, он уселся за стол и принялся рассказывать ей все, что случилось с ним за этот долгий день. Слушая его, Глафира то и дело охала, всплескивала руками и заливисто хохотала. Услышав, что за помощь Мишка отдал уряднику целых пять рублей, она тяжело вздохнула и, покачав головой, проворчала:

– Мироед толстый. Брюхо наел, а совести так и не нажил.

– Уймись, мама Глаша, – отмахнулся Мишка. – Без него вообще бы ничего не получили. А так, худо-бедно, а хорошие деньги в руках.

– Тоже верно, – вздохнула Глафира. – А и вправду, чего это я своим бабьим умом в мужские дела лезу. Твоя премия, тебе и решать.

– Перестань, мама Глаша, – скривился Мишка. – Не надо так.

– Правду я говорю, Мишенька. Было время, я за тебя решала, а теперь пришло твое время. Теперь ты хозяин, – грустно улыбнулась Глафира. – Вырос защитник.

– Вырос, мама Глаша. И никому тебя в обиду не дам, – тихо пообещал Мишка, сглотнув вставший в горле ком. – Завтра у соседа телегу возьму, и поедем, закупим всего, чего на зиму не хватает. Заодно и припасов для охоты доберу.

– Да ты никак в тайгу собрался? – вскинулась женщина.

– Нет, мама Глаша. Рано еще. Да и сезон закончился. Теперь только если по первотропу, – улыбнулся Мишка. – Вот как первый снег ляжет, так и можно будет сходить. – Заодно и к хантам схожу. Придется у них еще одного щенка покупать. Без собаки и охота не охота.

– Придержал бы ты мечты, Мишенька, – осторожно осадил его тетка. – Сам знаешь, человек предполагает, а Бог располагает.

– Это верно, – понимающе вздохнул Мишка. – Ну да ладно. Там видно будет. Ты не знаешь, куда Трифон делся? Не нравится мне такая тишина. От него любой пакости ждать можно.

– Не надо так, сынок. Неплохой он человек. Слабый только, – вздохнула Глафира.

– К водке он слаб. А за водкой никогда ума не было, – отмахнулся Мишка. – Так где он может быть?

– Да не иначе, как в угольную артель подался. Он всегда туда ходит, когда на выпивку денег нет. Они там вроде как сами брагу какую-то гонят. Начальство запрещает, да куда там...

– Сам не работает и другим мешает, – фыркнул Мишка, припоминая, что в той артели работали в основном бывшие каторжники.

* * *

Осеннее солнышко позолотило редкие пожелтелые листья, что еще не успели облететь с деревьев, и причудливыми зайчиками засверкало в лужах. Напившись чаю, Мишка сходил к соседу и, одолжив у него телегу с лошастью, вернулся к дому. Глафира, уже одетая и успевшая достать из своего тайника деньги, ждала его на крыльце. Вообще с этим транспортным средством у Мишки все было одновременно и просто, и сложно.

Сам он лошадей только в парках видел, но стоило только ему войти в конюшню, задумавшись о чем-то своем, как руки тут же начинали жить своей жизнью. Словно где-то на самой периферии сознания всплывали все ранее нажитые знания прежнего хозяина. Так что с уздой и управлением сложностей не возникало. В этот раз Мишка специально отвлекся на подсчеты имеющихся в запасе боеприпасов и отстраненно наблюдал, как его руки запрягали немолодую каурую кобылу. С этой животинной, судя по всему, у него давно уже сложились добрые отно-

шения. Кобыла смирно выходила из стойла и с удовольствием хрумкала крепко просоленной горбушкой, которую он специально брал с собой.

Усадив Глафиру на передок, Мишка уселся рядом и, тряхнув поводьями, направил телегу на торговую площадь. Название было громким, а на самом деле – полтора десятка лавок и несколько прилавков, где народ торговал всякой всячиной. Там же был выстроен невысокий помост, с которого оглашали важные государственные указы. В памяти Мишки всплыло название: «лобное место».

Но так ли оно называлось здесь и сейчас, он не знал, так что, не рискуя, называл площадь просто торгом. Он вообще старался не использовать специфические словечки. Ну, когда получалось. Была суббота, и народ из церкви тянулся на площадь. Людей посмотреть и себя показать. Подогнав телегу к коновязи, Мишка привязал лошадь и, подхватив Глафиру под руку, негромко скомандовал:

– Мама Глаша, ты тут лучше все знаешь. Так что смотри, где и что нам нужно, а я торговаться стану. О, давай-ка вон там пройдем. С урядником поздороваемся, – добавил он, заметив знакомую шарообразную фигуру, вальяжно прохаживавшуюся по рядам.

Увидев парня с матерью, урядник расправил усы и, дождавшись приветствия, ответил:

– И ты здравствуй, Глафира. Что, Мишаня, решил тетке помочь?

– А как иначе-то, Николай Аристархович? Она хозяйка в доме. Кому как не ей знать, чего в доме не хватает, – нашелся Мишка. – Тут мое дело малое. Принести, подать да выгоду соблюсти, – намекнул он на вчерашнее обещание.

– Это верно, – с достоинством кивнул урядник. – А чего прикупить решили?

– Так это, солонины бы нам. На зиму, – пролепетала Глафира, заметно робея перед властью.

– А! Это вам вон туда. К купцу Никанорову в лавку. У него самая солонина добрая. Сам беру, – ответил урядник, подбородком указал он в нужную сторону. – Пошли, сам с вами пройду, – закончил он, усмехнувшись в усы и едва заметно подмигивая Мишке.

– Спаси Христос, Николай Аристархович, – улыбнулся в ответ Мишка, осторожно направляя движение тетки.

Спустя несколько минут они стояли среди мясных туш, окороков и бочонков с солониной. Едва завидев урядника, купец ловко оттер в сторону своего приказчика и, степенно поклонившись, спросил, оглаживая бороду:

– Ищите чего, господин урядник, или так зашли, посмотреть?

– И посмотреть, и покупателей к тебе привел, Ефрем Тимофеевич. Вот, знакомься. Это, значит, Михаил. Почитай, лучший охотник в деревне. А это тетка его, Глафира. Ну, про взрыв в белом городе ты знаешь. Вот там Мишку и контузило. Так что пока охотиться он не может. А тут зима на носу. Вот и зашли они к тебе за припасом.

– Как же, наслышан, – окинув Мишку внимательным взглядом, кивнул купец. – Что ж, смотрите, выбирайте. А там посмотрим, – указал он вокруг.

У Мишки сложилось стойкое убеждение, что, едва глянув, купец уже точно знал, сколько у него денег и где они лежат. Урядник же, многозначительно кашлянув, негромко добавил:

– Ефрем Тимофеевич, Мишка, пока здоров был, помогал мне изрядно. Так что ты не обидь сироту.

При этом взгляд урядника стал неожиданно колючим. Явно не ожидавший такого купец, заметно смутившись, огладил бороду и, покосившись на Мишку, кивнул:

– Не извольте беспокоиться, господин урядник. Все сделаю честь по чести.

Кивнув, урядник вышел из лавки. Проводив его взглядом, купец неопределенно хмыкнул и, вздохнув, спросил, поворачиваясь к странным покупателям:

– Так чего ищите, почтенные?

– Солонины всякой мясной на зиму, Ефрем Тимофеевич, – вступил Мишка в разговор. – А уж сколько, тут от цены зависит.

– Со мной пошли, – решив что-то для себя после недолгого молчания, позвал купец.

Выведя их на склад, он прошел в середину рядов товара и, похлопывая ладонью по бочонкам, принялся пояснять:

– Тут у нас говядина, тут свинина. А тут дичина всякая. И сохатина есть, и кабанятина. Первое по семидесяти копеек с бочонка вам встанет, а остальное по пятидесяти. Дешевле, извиняйте, не могу.

Вспомнив, что в лавке те же товары стояли в среднем по полтора рубля, Мишка быстро кивнул и, не обращая внимания на растерянно замершую тетку, ответил:

– По три бочонка сохатины и кабанятины. Нам на двоих должно хватить, – повернулся он к тетке.

– Да бог с тобой, Мишенька, нам столько и не съесть. А в леднике еще и рыба есть, что ты наловить успел.

«Вот ведь...» – мысленно скривился Мишка, но купец только усмехнулся:

– Много – не мало. Куда сгружать?

– У коновязи телега стоит. Я отведу, – кивнул Мишка.

Два мужичка быстро закинули купленный товар с тачку и, следуя указаниям Глафиры, покатали ее к телеге. Мишка, отдавая купцу деньги, еще раз окинул склад быстрым взглядом и, убедившись, что бочонки им сгрузили не из общей массы, тихо спросил:

– Не сочтите за обиду, Ефрем Тимофеевич, а чего не отсюда грузить стали? Или с мясом что не так?

– Солонина свежая, этого года. А оттуда сгрузили, потому что в том углу я для особых гостей товар держу. Урядник ведь не просто так с тобой приходил. Так что не беспокойся. Доволен останешься, – уверенно заявил купец.

– Спаси Христос, Ефрем Тимофеевич. Не забуду милость вашу, – кивнул Мишка, глядя купцу в глаза.

– Благодарствую. Не забудь уряднику сказать, что сделано все было, как обещано, – кивнул купец.

– Не извольте беспокоиться. Все как есть скажу, – нашелся Мишка. – За этим дело не станет.

Выйдя из лавки, он быстрым шагом добрался до телеги и, выдав каждому из грузчиков по медной полушке, повернулся к тетке:

– Ну что, мама Глаша, теперь посиди тут, в телеге, а я по своим делам пробегусь.

– Как скажешь, Мишенька, – растерянно кивнула женщина, явно пораженная их удачей.

Убедившись, что телега и товар под присмотром, парень быстро огляделся и помчался в лавку, где торговали всякой посудой. К его удивлению, урядник уже был тут. Делая вид, что рассматривает товар, толстяк то и дело бросал на парня короткие внимательные взгляды. Усмехнувшись про себя, Мишка подошел к прилавку и, оглядев ровные ряды чайных сервизов, спросил у молодой деbeatой продавщицы с румянцем во всю щеку:

– Хозяюшка, мне бы чайник заварной да четыре комплекта чашек. Найдется у вас?

– А деньги-то у тебя есть, чаевник? – иронично хмыкнула деваха.

– За деньги не переживай. Найдешь товар, найдется и оплата, – усмехнулся в ответ Мишка.

– Бери сервиз. Чайник и шесть чашек с блюдцами. Два рубля все удовольствие, – указала продавщица на расписанный петухами сервиз.

– Не дороговато загибаешь, красавишна? Два рубля за комплект – это уж совсем не по-божески, – запустил Мишка пробный шар торга.

– А ты тут особо-то не тывкай, – вдруг раздалось откуда-то из подсобки. – Сказано тебе: два рубля, плати и забирай. А нет, так выметайся.

– Это кто там такой смелый? Ленька, ты что ли? – вдруг забасил урядник.

– Ой, – слышалось из подсобки, и в лавку выглянул молодой, лохматый парень. – Простите, господин урядник, не видел, что вы зашли. Да и не вам я это все...

– Покупателям дерзишь? Или тебе его деньги не деньги? – насел на него урядник.

– Так какой же он покупатель, ваше благородие? Голь перекатная, – попытался отговориться то ли приказчик, то ли еще какой приближенный к хозяину.

– А вот за голь я тебе, душонка торговая, уши бантиком на затылке завяжу, – зарычал Мишка, чувствуя, что начинает звереть.

– Погодь, Мишка, – осадил его урядник. – Ты, Ленька, хоть и дослужился до приказчика, а ума так и не нажил. Придется мне саму с хозяином твоим поговорить. А пока пошли, Мишка, отсюда. Не умеют выгоду свою блюсти, пускай голодными сидят, – скомандовал он и, круто развернувшись, направился к выходу.

Услышав про хозяина, девка испуганно ойкнула, огромными глазами рассматривая набычавшегося Мишку.

– Твое счастье, упырь, – прошипел парень, выходя.

– Проваливай, пока не выкинули, – попытался оставить последнее слово за собой приказчик, но все впечатление смазилось: под конец фразы он пустил петуха.

– А ты попробуй, – развернулся к нему Мишка. – Давай, рискни. Узнаешь, как медведя на нож берут.

– Ленька! Дурак! Это ж промысловик, – взвизгнула деваха, одним могучим движением бедер задвигая приказчика обратно в подсобку.

Рассмеявшись от такой картины, Мишка вышел на улицу. Урядник, которому произошедшая сцена явно подпортила настроение, хлопнул его по плечу и, развернувшись, скомандовал:

– За мной ступай. Сейчас все купим.

Пройдя мимо нескольких лавок, он вошел в неприметный лабаз и, подойдя к прилавку, потребовал у продавца:

– Парню сервиз чайный продашь. С петухами. И учти, я из него сам чай пить буду.

Стоявший за прилавком человек, судя по одежде, очередной приказчик, молча выставил на прилавок требуемый товар и, указывая на него ладонью, только и ответил:

– Извольте, сударь.

– Сколько? – спросил Мишка, щелкая по чашкам ногтем и прислушиваясь к звуку.

– Полтора рубля, с ложками.

– Беру, – кивнул парень, доставая деньги.

Забрав тщательно упакованный товар, Мишка, вежливо поблагодарил приказчика и направился к выходу.

– Не забуду, – негромко буркнул урядник, выходя следом. – Ну, тебе еще чего надо, или домой по едешь? – повернулся он к Мишке, вытирая лицо платком.

– В лабаз оружейный еще загляну, и хватит, – вздохнул парень. – Да вы не беспокойтесь, Николай Аристархович. Дальше я уж сам как-нибудь. Дело-то знакомое. Благодарствую. Заходите вечером чай пить.

– Буду рядом, загляну, – кивнул урядник, заметно успокаиваясь. – А пока надо еще повидаваться кое с кем, – прогудел он, многозначительно поглядывая в сторону лавки, где случился конфуз.

Мысленно мстительно усмехнувшись, Мишка вежливо склонил голову и поспешил к телеге, где тетке уже пытался впарить какую-то ерунду местный коробейник.

* * *

Осторожно уложив хрупкую покупку в телегу и обложив пакет соломой, Мишка повернулся к коробейнику и настороженно посмотрел на то, что рассматривала Глафира. Это были швейные иглы. На переносном лотке было много всякой мелочи, но взгляд женщины уцепился именно за них. Подойдя к тетке, Мишка осторожно развернул бумажный пакетик и, рассматривая пять игл, спросил:

– Мама Глаша, они тебе нужны?

– У меня одна осталась, и та старая, – еле слышно вздохнув, призналась женщина.

– Что просишь? – повернулся Мишка к продавцу.

– Двадцать копеек комплект, в комплекте пять игл. Сам взгляни, сударь. Две малых, две средних да большая одна. Товар добрый, заводской, не в кузне деревенской кованный.

– Два по пятнадцати возьму, – оборвал Мишка его излияния.

– Бога побойся, выюнош! Говорю же, товар заводской, Саратовской мануфактуры. Да тут одна дорога стоит столько, что и не представить, – завопил торговец на всю площадь.

– А ты меня на горло не бери, – рыкнул в ответ парень. – Торгуешь, так торгуйся, а орать в тайге будешь. И помни, такой товар не у тебя одного есть. Так что?

– Не могу по пятнадцати, – вздохнул продавец, понизив голос до нормального. – Вот как бог свят, не могу. По восемнадцать копеек отдам, и то себе в убыток.

– Опять врешь. Шестнадцать, и ни копейкой больше. Вон, в лавке сейчас по такой цене сам возьму. – При этом Мишка умолчал, что в лавке в комплект входило только три иглы.

– Семнадцать, и забирай, – почесав в затылке, обреченно махнул коробейник рукой.

– Уболтал, черт языкастый, – усмехнулся Мишка, отдавая тетке два пакетика с иглами и доставая из кармана мелочь.

Отсчитав оговоренное, он повернулся к тетке и, улыбнувшись, спросил:

– Может еще чего надо? Ну, спицы там для вязания или еще чего?

– Неужто можно? – растерянно спросила Глафира.

– Нужно, мама Глаша. Ты сходи в лавку да глянь, какие нужны, а потом придешь и мне скажешь, сколько штук, какие именно и сколько стоят. Я торговаться пойду.

Обрадованно кивнув, женщина моментально соскочнула с телеги и растворилась в толпе. Спустя десять минут она принеслась обратно с квадратными глазами, испуганно сообщив:

– Совсем купцы совесть потеряли. За пару спиц в вершок длиной ажно пятьдесят копеек требуют.

– В вершок, говоришь? – мрачно протянул Мишка. – Посиди тут. Я сам гляну.

Зайдя в указанную лавку, парень попросил показать указанный товар и, покрутив спицы в пальцах, презрительно фыркнул:

– Вы, почтенные, хоть бы постеснялись такой товар людям предлагать.

– А что тебе не так? – разом помрачнел мужик с бородой венником.

Из-под его кустистых бровей недобро поблескивали непонятного цвета глаза.

– А все не так, – усмехнулся Мишка и, положив спицу на прилавок, плавно катнул ее пальцем. – И прямоты нет, и заточены коряво. Даже пальцем заусенцы нащупать можно, – продолжил он, кончиками пальцев оглаживая острие. – Такой товар всю пряжу испохабит, а вы за него дикие деньги просите.

– Ишь, товар ему не нравится, – заворчал мужик, отбирая у него спицы. – Хм, и вправду карябает, – удивленно закончил он, проверив товар. – Прощенья просим. Не доглядел. Вот, изволь, – закончил он, выкладывая на прилавок другие спицы.

– Малость получше, но все одно – корявые, – вздохнул Мишка, быстро проверив их. – Сам взгляни, уважаемый.

– Да уж вижу, – скривился мужик. – Не мой это товар. Артель вместо платы отдала, вот и маюсь с ним.

– Четыре шутки за полтину отдашь? – помолчав, спросил Мишка. – Сам видишь, лежать он у тебя будет, пока не заржавеет. А так хоть какой навар.

– А зачем они тебе? Сам же сказал, пряжу тянуть будут, – насторожился продавец.

– Есть способ, как в порядок их привести. Ровнее не станут, а вот цеплять не будут. Но тут осторожно работать надо, – напустил туману Мишка, отлично понимая, что других спиц в их глуши не найдешь.

– А-а, забирай, – чуть подумав, махнул мужик рукой.

– Четыре за полтину, – быстро напомнил парень.

– По рукам, – кивнул мужик и, достав из-под прилавка четвертушку бумажного листа, аккуратно завернул покупку.

Отсчитав деньги, Мишка вернулся к телеге и, отдавая тетке покупку, уточнил:

– Глянь, мама Глаша, эти хотела?

– Они, – растерянно кивнула женщина. – Мишенька, это ж в целый рубль должно встать!

– Не шуми, – усмехнулся Мишка. – За полтину все четыре взял. Так что с тебя носки на зиму.

– Ой, родненький, для тебя что хочешь свяжу, – залопотала счастливая Глафира.

– Вот и договорились. Посиди еще тут, а я за припасом охотничьим схожу.

Войдя в почему-то знакомую лавку, Мишка словно оказался в очень знакомом месте, где давно не бывал. Именно такое чувство у него возникло. Быстро осмотревшись, он прошел к прилавку и, рассмотрев цены, мысленно присвистнул. Готовые патроны крепко кусались. Поэтому, еще раз осмотревшись, он отправился в тот угол, где продавались составляющие.

Как оказалось, крутить патроны самому было гораздо дешевле. Свинцовый прут длиной в полметра и толщиной в большой палец стоил сорок шесть копеек. Порох любого вида по тридцать пять копеек за фунт, а капсюли по три копейки за пять штук. При этом готовая дробь или картечь подбирались в цене к рублю за примерно сто грамм.

Для Мишки переводить местную измерительную систему в привычную метрическую было сущим мучением. Так что, не мудрствуя лукаво, он закупил пару прутков свинца, порох двух видов, при этом пытаясь вспомнить, когда в его мире бездымный порох был вообще изобретен, и по сотне капсюлей двух видов. Накрутить патронов к нарезному стволу теперь было просто необходимо. Те полторы сотни, доставшиеся ему от инженера, для промысловика – чистые слезы. На пару раз в тайгу сходить.

Уложив все купленное в полученную в булочной сумку, он не спеша отправился обратно к телеге. Программа максимум была выполнена, и теперь ему предстояло как-то модернизировать сам процесс сборки патронов. Припомнив, что почувствовал, когда разобрал ради интереса один патрон, Мишка невольно скривился.

Вместо ровной округлой дроби там было нечто неровно нарубленное и кое-как откатанное, судя по всему, на деревяшке. Как подобный боеприпас сказывается на меткости и кучности, он даже задумываться не хотел. Про пыжи и говорить не приходилось. Хорошо, хоть не тряпочкой горловину заткнул. Значит, нужно сделать пробойник подходящего диаметра и найти несколько старых валенок. Благо свечи в доме были.

Вспомнив про свечи, Мишка свернул в попавшуюся по пути лавку и, прикупив два десятка осветительных приборов, снова вышел на улицу. Денег после всех покупок у него осталось шестнадцать копеек. Остальные деньги он успел отдать тетке, перед тем как отправиться в оружейку. Зная себя, рисковать всей имевшейся наличностью парень не стал. Подойдя к телеге, Мишка улыбнулся внимательно наблюдавшей за ним тетке и, выпрямляясь, сообщил:

– Все, мама Глаша. Что мне надо было, купил. Теперь домой. Дел еще много. А времени как всегда, мало.

– И правда, пора, Мишенька, – улыбнулась в ответ Глафира. – Ты, небось, голодный у меня.

– Ну, до дому доживу, – рассмеялся Мишка, делая шаг в сторону и замечая, как женщина округляет глаза и начинает открывать рот.

В спину дохнуло холодом и ненавистью. Подсознательно уловив, что там возникла какая-то опасность, Мишка дернулся еще дальше и, в следующую секунду левый бок обожгло болью. В носшибануло ядреным перегаром, и Мишка, чуть повернув корпус, не глядя ударил левым локтем назад. Резко, со всей дури, как когда-то учили. За спиной тихо всхлипнули и что-то, точнее, кто-то, с плеском упал в лужу у коновязи. Чувствуя, как по боку течет что-то почему-то холодное, Мишка развернулся и, увидев Трифона, зарычал:

– Удавлю, мр-разь.

– Ой! Мишенька! Убили-и! – раздался вопль с телеги и только тут Мишка понял, что ему что-то сбоку мешает.

Опустив голову, он осторожно подтянул полу брезентового дождевика и с недоумением увидел рукоять ножа. Дядька пытался всадить его в спину, под ребра, но промахнулся, и лезвие вошло в бок, пропоров кожу и слегка зацепив мышцы. Накатила тупая ноющая боль. Сообразив, что все не так плохо, Мишка оглянулся на тетку, жестко приказав:

– Не голоси, мама Глаша. Жив я. А вот этого упыря сейчас точно не станет, – закончил он, всем телом разворачиваясь к луже.

Удар парня оказался сильнее, чем можно было подумать. Судя по приоткрытому рту и расфокусированному взгляду Трифона, Мишка сломал ему челюсть. Плюнув на свидетелей и обещания, данные тетке, парень уже собрался доделать начатое, когда на вопль Глафиры подскочил городской и, увидев торчащий из Мишкиного бока нож, растерянно замер.

– В этой луже и утоплю, паскуда, – пообещал Мишка, не обращая на него внимания.

– Это он тебя так? – быстро спросил городской, кивая на Трифона.

– Он это, он, господин полицейский, – вдруг заголосила какая-то баба, крутившаяся рядом с их телегой. – Вот вам крест. Сама видела, вот этими глазами.

Городской принялся аккуратно отодвигать Мишку обратно к телеге, негромко приговаривая:

– Уймись, парень. Уймись. Мы с ним сами разберемся.

– Что тут происходит? – раздался знакомый бас, и урядник, раздвигая толпу словно ледокол весенний лед, подошел к телеге.

– Осмелюсь доложить, господин урядник. Этот вот варнак парня ножом ткнул. Извольте сами глянуть, – закончил городской свой доклад, тыча пальцем то в Трифона, ворочавшегося в луже как свинья, то в нож.

– Сзади бил, – резюмировал урядник, едва глянув на оружие. – Ну, Трифон, молись. Доигрался ты, – загремел он, тяжело разворачиваясь к виновнику. – Выньте эту свинью и в холодную. Завтра же рапорт мировому судье подам. Благо, свидетелей хватает, – приказал он подскочившим подчиненным. – Ну, ты как, Мишка? – повернулся он к парню. – До доктора потерпишь?

– Да тут и без доктора обойтись можно, – проворчал Мишка, остывая и через горловину рубахи заглядывая себе за пазуху. – Нож, считай, под кожей прошел. Пронесло. Крови только много. Всю одежду испоганил. Да что ж мне так не везет-то?! – в сердцах сплюнул парень. – То взрыв, то каторжники, теперь еще этот...

– Ну, раз выжил, значит, теперь долго жить будешь, – усмехнулся урядник, расправляя усы. – Сам знаешь, бог троицу любит.

– Вашими бы устами, – буркнул в ответ Мишка, поворачиваясь к нему спиной. – Придержите рукоять, Николай Аристархович. Сам его выну, а то двигаться мешает.

– Ну, давай, – хмыкнул урядник, крепко обхватывая рукоять.

– Ох, мать твою, небо в алмазах, звезды в хрусталях... – выругался про себя Мишка, делая широкий шаг вперед.

Нож остался в руке урядника. Отерев его пучком соломы, тот поднес оружие к лицу и, внимательно осмотрев, уверенно заявил:

– Каторжная работа. Точеный, а не кованый.

– Дозвольте глянуть, Николай Аристархович, – попросил Мишка, прижимая к боку поданную теткой чистую тряпицу.

– Забирай. Твой трофей, – усмехнулся урядник, отдавая ему нож. – Думаю, ты ему более подходящее дело найдешь.

– Благодарствую, – кивнул Мишка и, отвязав лошадь, осторожно уселся на передок. – Поедем мы. Теперь еще и это лечить придется.

– Бог в помощь, – кивнул урядник. – Я к вечеру загляну, допрос с тебя сниму. Чтоб все честь по чести было. Сажать будем голубчика. Доигрался, упырь сушеный.

– Милости просим, Николай Аристархович. Заодно и чаю попьем, – усмехнулся Мишка, и тряхнул поводьями.

Дома, кое-как разгрузив телегу и вернув экипаж хозяину, он вернулся в избу и, убедившись, что тетка уже успела вскипятить воды, осторожно стянул рубаху. Рана была не опасной, но крепко кровила. Между тем Глафира заварила травяной взвар и, окунув в него тряпицу, принялась смывать с кожи запекшуюся кровь. Убедившись, что рана поверхностная, она накрыла ее тряпицей со взваром и, обвязав живот парня куском полотна, устало присела на лавку.

– Не печалься, мама Глаша. Он свою судьбу сам выбрал, – вздохнул Мишка, заметив ее влажно заблестевшие глаза. – А мы с тобой все перебедаем. Как там на кольце у царя Соломона было написано? Все проходит, и это пройдет.

* * *

Утро принесло новые задачи, которые предстояло решить. Порывшись в оружейном сундуке, Мишка мрачно оглядел весь свой боезапас и понял, что вопрос перезарядки патронов нужно решать кардинально. Одевшись, он накинул уже заштопанный теткой дождевик и вышел из дома. Для того чтобы навести в личном охотничьем промысле порядок, ему предстояло найти или изготовить несколько станков.

Добравшись до депо, парень не спеша огляделся, пытаясь припомнить, куда именно из мастерских выносили различный металлический лом. Обойдя слесарный цех, он только усмехнулся и растерянно покачал головой, рассматривая громадные кучи различного цветного металла. Внимательно осмотрев ближайшую, Мишка с ходу зацепился взглядом за подходящую для изготовления пробойника трубку и небольшой брусок меди для паяльника.

Обойдя этот курган, парень откинул в сторону пару листов жести и, найдя подходящую по размеру медную пластину, с довольным видом проворчал:

– Теперь бы еще сталистой проволоки пару кусков, и можно работать.

– Ты чего тут роешься?! – послышался грозный окрик.

– День добрый, дяденька, – развернувшись, и шипя сквозь зубы от ноющей боли в боку, ответил Мишка. – Сделать кое-что хочу, вот и подбираю, что вам в деле не нужно.

– Мишка, ты, что ли? А говорили, что порезали тебя, – присмотревшись, удивленно про-
тянул средних лет мужик в железнодорожной тужурке и такой же фуражке.

– Да поцарапали только, – отмахнулся Мишка. – Больше тетку напугали да одежду кровью испачкал.

– Ну и слава богу, – кивнул мужчина. – А нужно-то чего?

– Да вот, нужно паяльник собрать. Кое-что вылудить да спаять надо, – ушел парень от прямого ответа.

– Ну, бери, бери, – махнул мужик рукой. – Только кучи сильно не раскидывай.

– Совсем не буду, – истово пообещал Мишка. – Да и нашел уже почти все, – добавил он, заметив бутылку прозрачного стекла с отбитым горлом.

В голове парня тут же сформировалась очередная идея. Задумчиво покосившись на отложенные куски тонкой жести, он почесал в затылке и, чуть усмехнувшись, принялся решительно ворошить мусор. Подобрал все подходящее, он внимательно осмотрел собранный материал и, уложив его прихваченную с собой сумку, отправился в слесарный цех.

К его удивлению, весть о нападении на него уже стала достоянием всего поселка, так что первые десять минут ему пришлось потратить на рассказ о происшествии. Выслушавший его рассказ мастер цеха одобрительно хлопнул парня по плечу и, разогнав подчиненных по рабочим местам, спросил:

– Ну, рассказывай, зачем пришел. Не просто ж так, языком почесать?

– Это верно. Мне тут кое-что обточить надо, закалить и выгнуть. Дозволите?

– Ишь ты! Целый производственный процесс, – усмехнулся мастер. – Ну, пошли. Посмотрим, как ты с этим делом справишься.

В тоне мастера явно был подтекст, на что Мишка только мысленно усмехнулся. Уж что-то, а работать руками он любил и умел. Подойдя к точильному станку, он достал из сумки обрезок трубки и, дождавшись, когда мастер запустит механизм, приложил его к камню. Десять минут, и почти готовый пробойник. Стоявший рядом мастер с интересом наблюдал за каждым его движением. Увидев, что парень закончил, он отключил станок и одобрительно проворчал:

– Молодец. И где только научиться успел?

– Так у вас тут и учился, – пожал Мишка плечами, направляясь к горну, где мастера калили нужные детали. – Вы делали, а я смотрел. Так и выучился.

– Ловко. А я и не думал, что ты сюда учиться ходишь.

– Так я и сам не думал. Кто ж меня сюда без специальной школы возьмет? Так, для себя больше, – вздохнул парень.

– Это да. Но все равно молодец, – кивнул мастер, явно пытаясь его поддержать.

Сунув наточенную трубку в горн, Мишка дождался, когда она равномерно нагреется докрасна, и, прихватив ее клещами, сунул в жестяное корыто с водой. Выждав, когда заготовка остынет, он вынул ее из корыта и снова сунул в горн.

– Никак чего рубить им хочешь? – сообразил мастер, увидев его манипуляции.

– Ага. Пыжи для патронов из войлока вырубать.

Пока пробойник нагревался, он перешел к сверлильному станку и, вынув из сумки брусок меди, быстро разметил пару отверстий на нем.

– Давай просверлю, – улыбнулся мастер, уже понимая, что это будет.

– Там еще бы резьбу нарезать, – решив обнаглеть до конца, ответил Мишка, протягивая ему заготовку.

– Капитально делать решил? – с интересом поинтересовался мастер.

– Так для себя, – развел парень руками.

– Тоже верно.

Отдав ему заготовку под паяльник, Мишка вернулся к закалке пробойника. Вернувшись, мастер протянул ему и само жало, уже просверленное и с нарезанной резьбой, и пару стальных прутков с подходящей резьбой. Быстро перекинув пробойник в корыто с водой, Мишка в соседних тисках выгнул прутки как ему надо и тут же вкрутил их по месту. Нижнюю часть

получившейся ручки он соединил и принялся обматывать отогнутые куски медной же проволокой.

Нагрузки на это место никакой не приходилось. Главное, чтобы не крутились в резьбе.

– А дальше чем? – с интересом поинтересовался мастер.

– Бечевой окручу, а потом кожей обошью.

– Ловко. Из ерунды брошенной толковый инструмент соорудил.

– Теперь бы олова кусок найти, канифоли – и вообще мечта, – с намеком проворчал Мишка, снова зарывая пробойник в горящий уголь.

Буркнув себе что-то под нос, мастер отошел куда-то в сторону и спустя пару минут вернулся обратно. Незаметно сунув в сумку парню пару каких-то предметов величиной примерно с кулак, он подмигнул Мишке, тихо проворчив:

– Только не доставай тут, а то решат, что я тебе его продал.

– Благодарствую, – так же тихо ответил Мишка, кивнув.

Достав из корыта пробойник, он взял с ближайшего верстака напильник и, пару раз шаркнув по заготовке, одобрительно кивнул. Не сталь, конечно, но для его целей вполне достаточно. Перейдя к токарному станку, Мишка осмотрел кучу всяких металлических болванок и, повернувшись к мастеру, спросил:

– Дозвольте пару кусков из этого взять.

– Много? – насупился мастер.

– Не, с ладошку длиной каждый, – тряхнул Мишка головой.

– Ну, бери, – подумав, кивнул мастер.

– А можно станок запустить? – решил наглеть до конца парень.

– Ну, ежели ты и на токарном работать научился, то я уж и не знаю, как тебя и назвать, – удивился мастер.

Выхватив из кучи болванок прут подходящей толщины, Мишка сунул его в патрон и, затянув губки, подвел резец, плавно вращая маховички. Наблюдая за каждым его движением, мастер только удивленно хмыкал и крутил головой. Сточив на заготовке фаску, чтобы прут плотно входил в пробойник, Мишка на ладонь выдвинул ее из патрона и принялся обрезать.

Забрав у Мишки получившийся инструмент, мастер задумчиво покрутил его в руках и, удивленно посмотрев на парня, протянул:

– Вот уж и вправду, век живи, век учись. Знай руби себе пыжи, да в патроны закладывай. Ловко! И как только додумался?

– Охотой живу, вот и приходится под это дело всякое разное придумывать, – ответил Мишка, вставляя в патрон следующую заготовку.

Тут он возился недолго. Обработав напильником край, он обрезал прут и, накернив в его боковине пару точек, отправился к сверлильному станку. Уже понимая, что это будет, мастер сам просверлил и увеличил нужные отверстия. Хорошие сверла были большим дефицитом, и поэтому саму операцию по сверлению он парню не доверил. Обработав получившееся отверстие напильником, Мишка повертел получившийся боек в руке.

– И молоток специальный решил под это дело приготовить? – уточнил мастер.

– Так обухом неудобно, а плотницкий молоток больно легкий будет, – пожал Мишка плечами.

– Это правильно. Под каждое дело свой инструмент нужен, – одобрил мастер. – Ну, чего еще делать станешь?

– А можно мне в станке бутылку обрезать? – спросил Мишка, вспомнив о своей идее.

– Что, резцом? – поддел его мастер.

– Зачем же, – улыбнулся в ответ Мишка. – Вон, кусок точильного камня возьму да обрежу.

– Ну, давай. Посмотрим, как у тебя получится, – с сомнением кивнул мастер.

Зажав бутылку в патроне, Мишка взял кусок точила, которым слесаря правили инструмент, и, примерившись, приложил его самой тонкой гранью к стеклу. Раздался знакомый скрежет, и спустя пару оборотов на бутылке появилась ровная полоска. Остановив станок, Мишка достал ее и, подойдя к мусорному ящику, принялся осторожно постукивать по намеченному кольцу напильником. По стеклу пробежала трещина, и еще через пару ударов обрезок упал в ящик.

– Вот бесенок! – восхищенно протянул мастер. – И где только выучился ухваткам таким?!

– Люблю на мастеровых людей смотреть, – усмехнулся Мишка, зажимая бутылку в патрон и начиная обрезать у бутылки доньшко. – Посмотришь внимательно, потом и у самого получается.

Края получившегося цилиндра он обработал все тем же куском точильного камня и, с удовольствием осмотрев получившийся результат, аккуратно сунул его в сумку.

– Не разобьешь? – кивнул мастер на сумку.

– Я осторожно. Ладно, последнее дело осталось, – осмотревшись, вздохнул парень.

Достав найденный обрезок листовой меди, он огляделся и, повернувшись к мастеру, спросил:

– На чем бы мне из этого чашку выгнуть?

– Пошли, – чуть подумав, кивнул тот и, развернувшись, отправился куда-то в угол цеха.

Что это была за запчасть и от чего, Мишка не понял, но диаметр его внутреннего отверстия подходил ему идеально. Положив пластину меди на железку, Мишка поставил на него обрезок болванки немного меньшего диаметра и, забрав у мастера тяжелый молоток, примерившись, с одного удара выгнул подходящую заготовку. Потом, не доставая ее, он выровнял края, после чего, достав заготовку, аккуратно выгнул сливной носик.

Последним аккордом его бурной деятельности стало приведение заготовки в нужный вид. Обрезав края, он убедился, что все получилось как надо, и, убрав получившуюся чашку в сумку, вздохнул:

– Все, сейчас жечь до нужного размера обрежу, и баста.

– Давай, – кивнул мастер, насторожено глядя за его движениями.

Отрезав один длинный кусок, примерно в сорок сантиметров, Мишка вырезал из другого куска два квадрата, каждый со стороной десять сантиметров, и, задумчиво покрутив в руках остатки, убрал их в сумку.

– Что не так? – не понял мастер.

– Все так. Думаю, не забыл ли чего, – вздохнул Мишка.

– Так что это вообще будет? – не сдержал любопытства мастер.

– Да даже не знаю, как это правильно назвать. Лампа не лампа, горелка не горелка. Что-то вроде светильника, на котором можно будет свинец плавить и сразу дробь да картечь отливать. Где бы еще керосину взять?

– А много надо? – подумав, уточнил мастер.

– Да с бутыл, не больше.

– Пошли на улицу, – скомандовал мастер и на ходу принялся пояснять: – Нам тут прислали на станцию десять бочек керосину для освещения улиц фонарями. А у нас тех фонарей даже в чистой части отродясь не бывало. Вот и стоят эти самые бочки без дела. Так что я тебе сейчас баклажку налью, но только ты ее под поллой носи.

– Ради такого дела в зубах понесу, ежели надо будет, – пообещал Мишка, не ожидавший такой простоты решения проблемы.

Оставив Мишку на улице, мастер отпер дверь какого-то сарая и скрылся внутри. Спустя десять минут он вышел и, отдав парню жестяной булькающий цилиндр, принялся запирать дверь. Сунув добычу под полу дождевика, Мишка вежливо поклонился, поблагодарил мастера

и, попрощавшись, направился к дому, попутно вспоминая, все ли нужное нашел на свалке и хватит ли ему запчастей.

* * *

Вынув из печи полосу жести шириной в ладонь, Мишка подхватил паяльник и, приложив к заготовке кусочек олова, принялся лудить ее. Не спеша покрыв всю полосу тонким слоем олова, парень отложил ее в сторону. Взяв заготовку под днище, он задумчиво осмотрел ее со всех сторон и, скривившись, сунул в печь. С интересом наблюдавшая за ним тетка, качнув головой, тихо спросила:

– Не выходит чего, Мишенька?

– Да оно бы вышло, будь у меня инструмент нормальный, – не сдержался Мишка и тут же прикусил язык.

– Так сходил бы в депо, – осторожно посоветовала Глафира. – Там мастера тебя знают, дозволили бы пользоваться, что нужно.

– Да они-то дозвоят, – вздохнул Мишка, вспомнив мастера цеха. – Да только и над ними начальство есть. А оно, начальство-то, не очень и любит, когда сторонние по цехам бродят. Вот и не хочется людей под беду подставлять.

Поясняя ей свои проблемы, парень с тоской вспоминал набор инструментов, оставшийся в прошлом. Окажись он сейчас тут, и половина технических проблем уже была бы решена. Ядерную бомбу им, конечно, не соберешь, но жизнь облегчить он мог основательно. Ну или сильно испортить. Особенно если вспомнить про пластиковые чемоданчики и надписи на английском языке. Увидев, что заготовка нагрелась, Мишка вытянул ее из печи и принялся вылуживать.

Закончив с этим делом, он нагрел паяльник и, сложив из полосы что-то похожее на квадрат, снова скривился.

– Мишенька, это у тебя шкатулка, что ль, будет? – не сдержала любопытства Глафира.

– Нет, мама Глаша. Это не шкатулка. Это будет лампа, – медленно ответил парень, припавая квадрат к верхней части.

Этот онанизм с бесконечным нагреванием паяльника уже довел его до белого каления, но нужно было довести начатое до конца. Скрипя зубами от злости, парень припаял верхнюю часть с механизмом выдвижения фитиля и, подхватив молоток, принялся аккуратно подправлять края днища. От температуры жечь немного повело. Вставив верхнюю часть в днище, он сунул в горловину выгнутый кусок железной полосы, прижимая паяльный шов.

Все началось сначала: нагрев паяльника, залив олова в шов и сжатие краев до его застывания. Спустя несколько часов таких мучений на табуретке перед парнем оказался жестяной куб с ребром в десять сантиметров. Мрачно почесав в затылке, Мишка снова сунул паяльник в печь. Нужно было еще раз пропаять швы, чтобы обеспечить полную герметичность. Не хватало еще ко всем бедам сгореть от текущей лампы. А в том, что керосин обязательно найдет малейшую трещинку, Мишка не сомневался.

По-хорошему швы еще было бы неплохо залить оловом изнутри, но для этого нужна паяльная лампа. Сделать это в печи было невозможно. Оставалось надеяться только на собственное умение. Задумчиво осмотрев получившуюся конструкцию, Мишка вынес ее на крыльцо и, достав полученную от мастера баклагу с керосином, принялся заправлять лампу. Залив ее под горлышко, он поставил лампу на перила и принялся плавно поворачивать, всматриваясь в швы.

– Твою ж дивизию! Получилось, – весело усмехнулся парень, глядя на дело своих рук неверящим взглядом.

Ему почему-то казалось, что лампа обязательно должна где-то протечь. Но, к его радости, этого не случилось. Сбегав в дом, он вынес уже приготовленный фитиль и принялся осторожно вкручивать его в лампу. Конструкция, конечно, была грубая, но явно рабочая. Впрочем, ее внешний вид его волновал мало. Главное, чтобы не текла, светила и на ней можно было плавить свинец. Все три функции данной штуке явно были доступны.

Заправив фитиль, Мишка отнес лампу подальше от дома и, сбегав за спичками и лучиной, осторожно поднес огонек к фитилю. Чуть затрещав, лампа загорелась, заметно осветив двор перед крыльцом. Вышедшая следом за ним тетка удивленно перекрестилась и, тихо охнув, удивилась:

– Господи, Мишенька, и откуда у тебя в голове такое берется?

– Где-то я такую штуку видел, мама Глаша. Вот и решил нам сделать, – ответил Мишка, переставляя лампу в специальную переноску из толстой проволоки.

Хвататься за лампу голыми руками ему не хотелось, а для перемещения этой конструкции он выгнул специальный держатель. Этим же держателем удерживалось и стекло из обрезанной им бутылки. Внеся лампу в дом, Мишка пристроил стекло на место и, отступив в сторону, с усмешкой посмотрел на удивленно замершую тетку.

– Как оно тебе, мама Глаша? – поинтересовался он.

– Ловко сделано. И светит ярко, – оценила женщина.

«Ты бы на электролампочку посмотрела», – подумал Мишка, улыбнувшись.

Взяв тряпицу, он снял стекло и установил над лампой другую конструкцию. На проволочном каркасе была подвешена медная чашка. Саму чашку с этой конструкции снять было невозможно, но, нажимая на рычаг, ее легко можно было поворачивать на бок, выливая содержимое. Бросив в чашку пару обрезков свинца, парень слегка приподнял фитиль, увеличивая площадь горения. Спустя несколько минут свинец потек, сплавляясь в единое целое.

«И снова работает, – мысленно улыбнулся Мишка. – Теперь самое главное».

Налив в глиняную чашку воды, он прикрепил на край латунный желобок и подвинул его к носику чашки. Дождавшись, когда свинец как следует расплавится, он плавно нажал на рычажок, наклоняя чашку. Капля свинца, сорвавшись с носика, скатилась по желобку и, зашипев, с тихим стуком упала на дно чашки.

– Блин! Олух царя небесного! – мысленно взвыл парень. – Нет ума, считай калека! Не мог сразу додуматься, еще одну бутылку обрезать под это дело? В чашке же не видно ни хрена!

Ругая себя на все лады, Мишка отлил дробь из всего имевшегося свинца и, вернув на лампу стекло, вылил из чашки воду. Покрутив на ладони полученный результат, он хмыкнул и невольно усмехнулся.

– Что, не получилось? – сочувственно уточнила Глафира.

– Наоборот, мама Глаша, неплохо получилось. Осталось только на хорошем железе ее откатать, и можно пользоваться.

– Так ты вот это все делал, чтобы патроны крутить? – удивилась женщина.

– Ну почему только патроны? – не понял Мишка. – Лампу и так просто использовать можно, – улыбнулся он, прокручивая про себя конструкцию обычной паяльной лампы.

С этой штукой вопрос снаряжения боеприпасами решался бы еще быстрее. Но жестью тут не обойдешься. Самый лучший вариант – сварные швы, но где взять газовую горелку? Хотя бы карбидную. С этой мыслью он и принялся убирать инструмент. Наведя порядок, он задумчиво огляделся, ища, чем себя еще занять.

– Давай спать ложиться, Мишенька, – зевнув, предложила тетка. – Утро вечера мудренее.

– Тоже вариант, – хмыкнул про себя Мишка и, кивнув, отправился умываться.

Утром, едва проглотив уже ставшие привычными молоко с краюхой хлеба, он быстро оделся и поспешил в депо. Найдя все в тех же кучах хлама подходящую бутылку и пару кусков железа, он отправился в цех. Получив у мастера разрешение обрезать бутылку, он быст-

ренько произвел нужную операцию и направился в сторону кузнечного участка. Кусок листового железа, подходивший для его целей, был слегка изогнут.

Выровняв и обрубив его, чтобы придать приемлемую форму, Мишка обработал края напильником и принялся вертеть в руках какой-то обломок весом примерно в пару килограммов. Сюда ему нужно было как-то приладить ручки для удобства пользования. Идеально для этого подошел бы утюг, из тех, что в его мире когда-то нагревали на печи. Ровная подошва, удобная ручка и очень подходящий вес. С этой мыслью Мишка и принялся зажимать болванку в тиски. Взяв напильник, он быстро сточил все неровности и, увидев у стены большой точильный круг чуть меньше мельничного жернова, отправился к нему. Поставив болванку подошвой на точило, он принялся ровнять его равномерными круговыми движениями.

С интересом наблюдавший за его действиями мастер только головой удивленно pokrутил. Добившись относительно ровной поверхности, Мишка задумчиво посмотрел на нее и, понимая, что тут уже ничего лучшего не добьешься, мрачно вздохнул. Впрочем, при нынешнем станочном парке и это было настоящим чудом.

– И что это будет? – не удержавшись, спросил мастер.

– Плита, чтобы дробь катать, и пресс, – коротко пояснил Мишка.

– А зачем ее катать? – не понял мастер. – Мы вон рубим в сечку всю жизнь да заряжаем.

– Угу, и потому летит она куда угодно, а не туда, куда надо, – фыркнул Мишка и тут же взвыл от злости на самого себя.

– Во как! – удивился мастер, недоверчиво глядя на него. – А ты, значит, решил, что можешь не хуже заводской делать?

– Да что там делать-то? – возмутился парень, доставая из кармана дробь, отлитую накануне.

Бросив ее на лист железа, он поставил сверху обработанную болванку и в несколько быстрых круговых движений довел ее до кондиции. Убрав пресс в сторону, он собрал дробь и, протягивая ее мастеру, пояснил:

– Вот, вчера сам отлил, а сегодня при вас доделал. И чем она от заводской отличается?

– И вправду, не хуже получилось, – удивленно протянул мастер, катая на ладони ровные свинцовые кругляши. – Ну, ты изобретатель. Не хуже нашего инженера.

– Ну, до него мне как до Москвы пехом, – рассмеялся Мишка. – Он вон двигатели изобретает. А я только инструмент подходящий.

– Не скажи, парень, – протянул мастер, окидывая его задумчивым взглядом. – Без толкового инструмента никакое дело толком не сладишь. Дом срубить и то топор хороший нужен.

«Так, похоже, я опять засветиться умудрился», – проворчал про себя Мишка, уже подбирая варианты, чтобы аккуратно свалить из мастерской.

– Спасибо вам, дяденька. Пойду я, – смущенно улыбнулся он мастеру, забирая свои приблуды.

– Ступай, парень. Ступай, – кивнул мастер, возвращая ему дробь.

Сунув дробь в карман, Мишка с железом подмышкой помчался к себе. Едва скинув дождевик, он подскочил к своему оружейному сундуку и, откинув крышку, принялся вспоминать, все ли у него есть для правильного снаряжения патронов. Вернувшаяся в дом Глафира так и застала его сидящим у сундука и задумчиво рассматривающим его содержимое.

– Ты чего, Мишенька? – недоуменно спросила она. – Потерял чего?

– Мама Глаша, у нас валенки старые есть? – повернулся к ней Мишка.

– Так в сених целый ларь старья. Уж который год просила Трифона хоть пару подшить. А то что ни пара, так дыра на пятке. Перед людьми стыдно.

– Ага, – радостно рыкнул Мишка, с кровожадным видом ринувшись в сени.

Втащив в дом ларь, сплетенный из ивняка, он откинул крышку и принялся выкладывать его содержимое прямо на пол. Выбрав две пары самых новых валенок, он отложил их в сторону

и, убедившись, что из оставшихся ему хватит и на пыжи, и на подшивку, отправился за ножом. Быстро вырезав две пары подходящих стелек для подшивки, он отложил заготовки в сторону и взялся за пробойник. Два часа стука и грохота, и три сотни пыжей были убраны в сундук.

Вырубая пыжи, Мишка старался использовать валенок полностью. В итоге от пары остались одни ошметья. Тетка только головой крутила и горестно вздыхала, глядя на такое разорение. Легко читая ее мысли по поводу своих охотничьих изысканий, Мишка чуть усмехнулся и, убрав пробойник, спросил:

– Мама Глаша, а где у нас дратва и игла сапожная?

– Да ты, никак, решил сам их подшить? – удивилась Глафира.

– А чего? Трифона прикажешь с каторги ждать? – фыркнул Мишка. – Зима скоро, а тебе и на улицу вый ти не в чем.

– Трифон все в сенях, в особом мешке держал. Там и кожа на починку сбруи была, и иглы, и дратва, – вздохнула женщина и, махнув ладошкой, всхлипнула: – Ежели не пропили, там и висеть должен.

Унеся ларь, Мишка с грехом пополам нашел нужный мешок и вернулся в дом. Развязав горловину, он просто вывалил его содержимое на пол и, разворошив получившуюся кучу, мрачно хмыкнул. Иглы, шила, дратва были на месте. Иглы были воткнуты в кусок толстой кожи, а дратва намотана на кусок деревяшки. А вот кожа давно уже пересохла. Покрутив в руках три больших куска, Мишка почесал в затылке и, несколько раз согнув их, мрачно хмыкнул:

– На морозе разомломаются.

– А давай я их в жиру выварю, – предложила тетка. – Трифон так когда-то делал. Кожу в жиру вываривал, а потом воском натирал. Она и мягкая становилась, и на морозе не трескалась.

– Давай, мама Глаша. Давно пора обувку в порядок привести, – кивнул Мишка, отдавая ей кожу.

* * *

Очередная капля расплавленного свинца скатилась по желобку и, тихо зашипев, едва слышно ударилась о дно стакана. Мишка, сидя за столом, плавно нажал на рычаг. Это было сродни медитации. Тихо потрескивал фитиль в лампе, тянуло теплом от печки, чуть постукивали спицы тетки, а за окном шуршал нудный осенний дождь.

Стук сапогов в сенях вырвал парня из задумчивости и палец, которым он отмерял очередную порцию свинца, чуть дрогнул. На дно стакана упала не дробина, а целая картечина. Скривившись, Мишка отпустил рычаг и мрачно покосился на двери. На пороге появился урядник. Откинув капюшон дождевика, он снял фуражку и, перекрестившись на иконы, пробасил, расправляя усы:

– Мир дому сему.

– Благодарствуем, Николай Аристархович. К печке проходите, обогрейтесь.

– Спаси Христос, Глафира. И вправду озяб, – кивнул тот и, подойдя к печи, приложил ладони к ее теплему боку.

– Присаживайтесь, Николай Аристархович, я пока самовар вздую, – добавил Мишка, поднимаясь.

Вынеся на крыльцо еще горячий самовар, он быстро подкинул в топку несколько тонких лучин, которые специально наколот, и, раздув огонь, с мрачной иронией подумал, что не мешает еще и чайник спаять. Каждый раз с самоваром возиться долго и непродуктивно. Только вот как сделать так, чтобы он не протекал? Добиться герметичности только мастерством жестянщика не получится. В любом случае его придется лудить.

Пока он предавался техническим изысканиям, самовар разогрелся и парень поволок его обратно в дом. Водрузив самовар на стол, Мишка насторожился. Урядник, уже немного согревшись, пересел к столу и теперь внимательно рассматривал собранную им конструкцию. Пару раз, осторожно качнув свинец в чаше, он повернулся к парню и, кивая на лампу, спросил:

– Сам придумал?

– Ага, – вздохнул Мишка. – В печи свинец плавить неудобно. А тут он и греется все время, и отделять, сколько нужно, удобно.

– И пули лить тут можешь? – последовал новый вопрос.

– А в чем разница? – не понял Мишка. – Что дробь, что пули. Главное, чтобы пулелейка подходящая была. Тут все от нее зависит.

– А револьверные пули собрать сможешь? – не унимался урядник.

– Ну, если все необходимое есть, чего ж не собрать? Там одна сложность: пулю правильно в гильзу загнать.

– И что там сложного? – спросил урядник, внимательно глядя на него.

– Ну, прежде всего, пуля в гильзу должна войти ровно. Тогда и полет будет верным, и осечки не будет. А еще... свинец, он мягкий, и если косо пулю вогнать, то может прорыв газов случиться. А при перезарядке она вообще выпасть может. А вы за какие патроны спрашивали? – на всякий случай уточнил Мишка.

– Так за револьверные, – развел урядник руками.

– А, ну да. Я это к чему, – нашелся Мишка. – Если при выстрелах будет регулярно прорыв газов случаться, то очень скоро край гнезда барабана и казенная часть ствола прогорят, и вместо выстрела сплошное безобразие получаться будет. Если попросту, револьвер выкидывать придется.

– И как их загонять правильно? – продолжал допытываться урядник.

– А можно патрон посмотреть? – спросил Мишка, припомнив историю с нападением, и что в тайнике у него лежит добытый у каторжников револьвер.

– Держи, – кивнул урядник, ловко вытаскивая из револьвера один патрон.

– Так, – задумчиво протянул Мишка, поставив патрон на стол и внимательно рассматривая его. – Гильза с закраиной, ровная. Пуля в теле гильзы примерно на две трети сидит. Край гильзы не закатывается. Ну, тут все просто. Главное правильный станок сделать. Тогда пули ровно садиться будут.

– Что, и станок такой сделать сможешь? – удивился урядник.

– То несложно. Главное пружины правильные найти. А вот это самое сложное. У нас в депо таких пружин никогда не было.

– А если в кузне заказать? – осторожно предложил урядник.

– Платить придется. Да и не каждый кузнец подходящую пружину закалить сможет, – вздохнул Мишка, возвращая ему патрон. – Тут ведь надо эту самую пулю в гильзу одним движением всунуть. Иначе свинец помнешь, и она болтаться будет. А еще перед сборкой нужно гильзы через оправки прогнать.

– А это еще зачем?

– Так при выстреле саму гильзу малость раздувает. Если не выровнять, то потом она может в барабане застрять.

– И вправду наука, – задумчиво протянул урядник, расправляя усы.

– Она и есть, – кивнул Мишка. – Николай Аристархович, а вы чего сказать-то хотели?

– А? Ну да. Я ж к вам по делу, – вспомнил тот. – В общем, так. Третьего дня Трифона вашего судить станут. Ты, Глафира, собери ему там еды в дорогу, белье сменное. Ну, и чего там сама решишь, – закончил он, настороженно покосившись на Мишку.

– Неужто посадят? – ахнула женщина.

– А ты как думала? – возмутился урядник. – На живого человека с ножом кинуться. И не абы на кого, а племяша родного. Недоросля. Это, Глафира, не шутки.

– А что кроме хлеба да исподнего передать можно? – спросила женщина, бросив на парня умоляющий взгляд.

– Сала прикупить надо. Соли в тряпицу завернуть. Ложку, миску, холста кусок на всякое. Луковиц десяток сунуть. Ну, и сахару немного, – подумав, принялся перечислять Мишка.

– Спаси тебя Христос, Мишенька, – тихо заплакала Глафира.

– Я ж не зверь какой, мама Глаша, – смущенно пожал Мишка плечами. – Неужто не понимаю, что ты с ним почитаешь всю жизнь прожила.

– Это ты правильно, Миша, решил, – одобрительно загудел урядник. – Это по-божески. Ты, Глафира, собери все, что племяш сказал, а третьего дня я сам за тобой заеду. В суд провожу. Там все отдашь и попросишься. Ты-то пойдешь? – повернулся он к Мишке.

– Нет, – подумав, качнул Мишка головой. – Я ему всю жизнь поперек горла стоял. Да и он мне... В общем, пусть мама Глаша сама сходит. Что сказал, все дам. Не жалко. А прощаться не пойду. Простить, может, и прощу, а вот забыть не сумею, – закончил он, глядя уряднику в глаза.

– Честно, – кивнул тот, вздохнув.

Отодвинув все свои инструменты в сторону, Мишка освободил стол и принялся помогать тетке собирать все к чаепитию. Не спеша попивая свежесваренный напиток, урядник то и дело задумчиво поглядывал на стоящие на углу стола инструменты.

– Вы, никак, спросить чего хотите, Николай Аристархович? – решил подтолкнуть его Мишка.

– Да вот думаю. Ловко у тебя все это получается. У нас тут инспекция от самого генерал-губернатора намечается, а мои увальни и стрелять толком не умеют. Забыли уже, как револьвер в руках держать надо. А это, сам понимаешь, непорядок. Вдруг вздумается ему кого проверить? И что тогда делать станем?

– Так у полиции вроде стрельба не главное, – пожал Мишка плечами.

– Это в столице, может, и не главное. А у нас тут что ни год, так то хунхузы, а то свои варнаки, беглые все норовят бузу устроить. А значит, стрелять полиция уметь не просто должна, а обязана, – закончил урядник, воздев указательный палец к потолку.

– Ну, вам виднее. На то вы и власть, – кивнул Мишка, не понимая, к чему тот ведет. – Раз должны, значит, учить их надобно.

– Вот! – обрадованно кивнул урядник. – Сам сказал, учить надобно. А как учить, если патроны у нас все под отчет, а денег на них дают одни слезы?

– Ну, тут я и не знаю, что сказать, – растерялся Мишка. – Я ж не голова городской.

– Зато я придумал, – с довольным видом приосанился урядник. – У нас по уставу, по три боекомплекта на каждый револьвер положено. Один при себе, в револьвере, один в запасе и один дома.

«Бездна фантазии, – проворчал про себя Мишка. – И какой урод такие уставы пишет?»

– Вот я и подумал, – между тем продолжил урядник. – Мы для обучения все эти патроны используем. А чтобы устав не нарушать, ты нам их потом и перекутишь.

– Я?! – растерялся Мишка, не ожидавший такого захода.

– Ты. Свинца, пороху и капсюлей мы тебе привезем. С тебя только работа. И вот еще что. За труд твой полиция тебе заплатит.

– Интересно, – задумчиво кивнул Мишка.

– Сам понимаешь, много не получится, а вот на хлебушек наскребется. Что скажешь?

– Мне для этого дела инструмент подходящий нужен, – принялся рассуждать Мишка. – Оправки под нужные калибры. Мерки под порох, пулелейки, пробойники, ну и пресс для того, чтобы рули в гильзы устанавливать. А чтобы собрать все это, время нужно.

– Значит так. Завтра к полудню приходи в участок. Только не спутай. Не в околоток, а в участок, что в чистой части, у вокзала. Там у нас много всякого сложено. Сам посмотришь, что тебе подойдет и чего не хватает. А дальше видно будет.

– Да кто ж меня в участок пустит? – сделал вид, что испугался, парень.

– Скажешь, что я велел, тебя дежурный и проводит, – отмахнулся урядник.

«М-да, дядя, власти у тебя явно не по чину. Ладно, посмотрим, что там у тебя за закрома».

– Как пожелаете, Николай Аристархович, – вслух ответил Мишка, допивая чай.

– Да ты не переживай. Вся беда в том, что нам по табели в участок свой оружейник положен, – вдруг принялся пояснять урядник. – А случилось так, что его не то что не нашли, а даже и не искали. В табели графа есть, а на самом деле нет. Только инструмент в подвале по сундукам да ящикам разложен. Вот я и хочу, чтобы ты в тех ящиках разобрался и порядок навел. Если возьмешься, то будем тебе по три копейки за десяток патронов платить. А весь припас от нас будет. Твоя только работа.

– Завтра в полдень буду, – пообещал Мишка.

Что-то подсказывало ему, что все нужное для работы в том подвале давно уже есть. Осталось только сделать так, чтобы оно перекочевало к нему. И с помощью ушедшего урядника это можно будет проверить. Одобрительно кивнув, тот допил свою чашку и, отодвинув ее в сторону, поднялся.

– Ну, благодарствую за хлеб-соль, а тебя, Михаил, завтра в участке жду.

– Непременно буду, – кивнул парень, поднявшись.

Проводив неожиданного гостя, Мишка вернулся в дом и с ходу наткнулся взглядом на замершую, словно статуя, тетку. Сообразив, что та убита известием о посадке мужа, Мишка вздохнул и, подойдя, приобнял за плечи.

– Ну чего ты, мама Глаша? – тихо спросил он, поглаживая женщину по плечу. – Ну кто ж виноват, что убивать он меня на торгу кинулся?

– Спасибо тебе, Мишенька, – всхлипнула Гла фира.

– За что? – не понял тот.

– За то, что зла не держишь и что позволяешь ему гостинец собрать.

– Мама Глаша, сказано же, не зверь я. Там, в сених, его мешок старый висит. Вот в него все и укладывай. Нового давать не стоит. Каторжники отберут. Там законы суровые. А на старье никто и не позарится. Только не вздумай нож положить. И ему не поможешь, и сама беды не оберешься. Лучше сама все дома нарежь, – посоветовал Мишка, припомнив кое-что из прошлой жизни. – Из продуктов хлеба, соли, чаю, сахару, сала, лука, ну, чего сама еще найдешь. А из вещей – исподнее теплое, портянки, поршни, в камере ходить, нитки, иголку, в общем, собирай так, словно он надолго в тайгу собрался.

Мягко отстранившись от него, Глафира вдруг поклонилась ему в пояс и, выпрямившись, сказала:

– Спаси тебя Христос, сынок, что зла не держишь и позволяешь собрать его по-человечески. Знаю я, что всем в доме тебе обязана. Давно уж ты меня кормишь, а не он. И что дозволение мне такое дал, благодарность тебе моя вечная.

– Ты чего, мама Глаша? – растерянно спросил Мишка, не понимая, что происходит. – Ты чего говоришь-то?

– Правду, сынок. Зла он тебе много сделал. Знаю. И благодарю за то, что ты мне позволил доброй женой остаться, – коротко пояснила Глафира и, еще раз поклонившись, вышла в сени.

* * *

«Ну и какой чудак на букву “эм” все это додумался в подвал сложить?! – возмущался про себя Мишка, осматривая содержимое ящиков. – Хорошо еще, что подвал сухой. А то бы давно все уже сгнило».

Закашлявшись от многолетней пыли, парень подсунул фомку под крышку очередного ящика и, резким движением отодрав крышку, восхищенно охнул. Это было именно то, чего ему не хватало для полного счастья. Настоящий пресс для переснарядки патронов под нарезное оружие. Станина, лепестковый зажим, рычаг на пружинах, все, как он и хотел сделать. Тяжелые шаги на лестнице вывели его из восторженной задумчивости, и парень, достав пресс, водрузил его на стол.

Кое-как протиснувшийся в узкие двери урядник тяжело вздохнул и, утирая лицо платком, спросил:

– Ну, Михаил, что скажешь?

– Повезло нам, Николай Аристархович, – весело улыбнулся Мишка. – Теперь закупить припас, и можно делом заняться.

– Это и есть тот самый пресс? – спросил урядник, ткнув пальцем в станок.

– Он самый. Заводской. В смазке еще.

– А в остальных ящиках что?

– Там гильзы револьверные, там свинца малость, а вот тут капсюли. Все с завода, в смазке и упаковано правильно. Знай заряжай.

– А остальное? – деловито уточнил урядник. – Ты вроде много инструментов всяких называл.

– Все есть, Николай Аристархович. И не думал, что у вас тут такое богатство хранится.

– Вот и хорошо, – помолчав, кивнул урядник. – Значит так, Михаил. Отдать это все тебе я, сам понимаешь, не могу. А вот допускать тебя сюда для работы – это запросто. Так что разбирай тут все, устанавливай, как сам решишь, и приступай с божьей помощью. Разрешение на вход тебе уже выписали. Ты у нас личность известная, так что работай спокойно. Что скажешь?

– Ну, пули я лить дома стану, – подумав, протянул Мишка. – Мне там удобнее. А собирать патроны уже здесь стану. Да. Так лучше будет.

– Это чем же? – насторожился урядник.

– Ну, порох положено от огня отдельно держать. Так что здесь только заряжать. Чтобы от беды подальше. И еще мне железный стол требуется. Станок установить так, чтобы не болтался.

– Нарисуй и размеры укажи. Будет, – решительно кивнул урядник. – Дело нехитрое.

– Дядька Николай, что происходит? – глядя ему в глаза, тихо спросил Мишка. – Ну не верю я в какую-то проверку. Не станет начальство по осени стрельбы устраивать. Чего ждать, Николай Аристархович?

– Гм, – откашлявшись и расправляя усы, смущенно протянул урядник. – Так и знал, что догадаешься. Ладно. Ты парень умный и не болтливый. Расскажу. Есть слухок, что по первому снегу хунхузы собираются большой набег устроить. И не просто поезд какой ограбить. А именно на узловую станцию.

– А зачем им это? – подумав, спросил Мишка, решив подвести его к мысли о возможной войне. – Хунхузы ведь бандиты. Налетели, постреляли, похватали, что смогли, и удирать. Да и знают они, что тут не полтора инвалида с одной берданкой, а всякие бойцы есть. И конвой каторжный, и полиция, да и охотников много. И зачем им такой риск?

– Вот и мы всем участком головы ломаем, зачем, – нехотя буркнул урядник, внимательно выслушав его слова.

– Не станут они сами просто так на узловую лезть. Если только точно знать будут, что там есть чем поживиться, или кто-то им награду серьезную пообещает.

– Это кто ж за такое награду пообещать может? – насторожился урядник.

– Тот, кому выгодно дорогу перерезать, чтобы от остальной страны ее отсечь. А таких всегда хватало. Что французы, что немцы, что англичане, что японцы. Всем Россия мешает, – вздохнул Мишка.

– Ишь ты, как завернул, – удивленно проворчал урядник. – И ведь ровненько все. И японцы в эту строку укладываются. Только как это все доказать, чтобы начальству доложить?

– А не стрелять всех хунхузов подряд, а подранками живыми брать. Ну а после уже и допрашивать.

– Умный какой, – фыркнул урядник. – Ты сначала заметь его, да потом попади так, чтобы подранить. А после еще достань в тайге. Для них тайга дом родной.

– Ну, что думал, то и сказал, – пожал Мишка плечами, усилием воли заставляя себя прикусить язык.

– Да ты не обижайся, – вдруг улыбнулся урядник. – Мысля-то дельная. Вот только кто ее применять станет? Я ж говорил, у меня стрелки... В корову с пяти шагов попадут, и то слава богу.

– Ну, тут, ежели захотите, я много чего подсказать могу, – осторожно предложил парень. – Револьвер не ружье, но правила точной стрельбы не сильно отличаются.

– Хочешь сказать, что сможешь из револьвера выстрелить не хуже, чем из ружья своего? – не поверил урядник.

– Вот накручу вам патронов запасных и покажу, – решившись, пообещал Мишка.

– Добро. Работай, – кивнул урядник с неожиданным азартом.

Закончив разбирать ящики, Мишка поднялся к дежурному и, попросив у того лист бумаги и карандаш, быстро нарисовал требуемый верстак. Потом туда же вписал все недостающее для работы и, велел передать сию эпистолу уряднику, отправился домой, прихватив с собой свинец и пулелейку. Отлить сотню пуль при имеющихся у него приборах – вечер работы.

Утром, снова придя в участок, он вернулся к прерванному занятию. К огромному удивлению парня, в самом низу штабеля нашелся ящик, в котором лежали запчасти для десятка револьверов. Стволы, рамки, УСМы и даже накладки на рукоять. Удивленно почесав в затылке, Мишка быстро собрал один револьвер и, пощелкав курком, проворчал:

– Или я дурак, или жопа с двумя «п» пишется. Это ж оружие с самовзводом, а местные пользуются револьверами одноразового действия. Чует мое сердце, без урядника тут не разобратся.

Словно в ответ на его мысли, на лестнице раздались тяжелые шаги.

– А это у тебя откуда? – с ходу спросил урядник, едва протиснувшись в мастерскую.

– Вон, ящик вскрыл, а в нем таких десять штук в разобранном виде, – ответил Мишка, протягивая ему оружие рукоятью вперед.

– Вона как! – растерянно прогудел тот, вертя в руке револьвер.

– На спуск нажмите, – с улыбкой посоветовал Мишка.

Урядник послушно нажал на крючок, и револьвер смачно щелкнул.

– Это что ж за механика такая? – удивился урядник.

– Самовзвод. Не нужно перед каждым выстрелом курок взводить. Знай на спуск нажимай. Даже если осечка, просто нажал еще раз, и будет выстрел.

– Это выходит, шесть раз подряд выстрелить можно курка не касаясь? – уточнил урядник.

– Точно.

– Сильна машинка. Неужто так и работает?

– Так и работает, – кивнул Мишка. – Вот только я одного понять не могу, откуда они тут и почему про них никто не знает? Это ж оружие, его должны были по особой бумаге передавать.

А тут валяется в ящике бог знает сколько лет. Да за такие дела по шапке бить надо так, чтобы уши отваливались.

– А-а, – махнул рукой урядник. – Наше посконное нерадение. И сколько там того добра?

– На десяток, не меньше, – вздохнул Мишка, ругая себя на недогадливость.

Нужно было припрятать уже собранную машинку и сделать вид, что ящик только что вскрыт. Уж что-что, а оружие в этой жизни лишним не бывает. На лестнице снова слышались шаги, и два мужика втащили в комнату еще несколько ящиков.

– Вот, Миша, все, как ты написал. Свинец, порох, капсюли. Верстак я уже в депо заказал. Обещали к завтраму собрать. В общем, как заказывал, – обрадованно пояснил урядник, положив револьвер на штабель ящиков. – Только работай.

– Ну и я без дела не сидел, – решив подыграть ему, кивнул парень и, развязав горловину холщового мешочка, показал сотню новеньких пуль. – Вот, отлил, как обещал. Верстак поставят, и снаряжать начну. Гильзы запасные тут есть. Так что хочу предложить все, что есть, использовать. Чтобы запас был. Тогда и на обучение, и на службу точно хватит.

– Хорошая мысль, – кивнул урядник. – Так и сделай. И это, собери-ка мне все эти револьверы. Заодно и проверим. Думаю, они нам удобнее будут, чем старые.

– Сегодня и сделаю, – кивнул парень. – И это, Николай Аристархович... Мне б один из старых. В запас, – решившись, малость обнаглел Мишка.

– Наши тебе тяжеловаты станут, – задумчиво протянул урядник, окидывая его оценивающим взглядом. – Но у меня в запасе кое-что полегче есть. С бандита одного снял. Мне он не по руке. Маловат, а тебе в самый раз будет, – закончил урядник, демонстрируя парню громадную, словно лопата, ладонь. – Но, сам понимаешь, это строго между нами.

– Я не болтливый, Николай Аристархович, – понимающе усмехнулся Мишка, лихорадочно вспоминая, какие в это время были еще револьверы.

«Главное, чтобы не «бульдог» какой-нибудь. Из той пукалки только в комнате перестреливаться», – мелькнула у него мысль.

– Знаю, потому и решил подарить, – торжественно кивнул урядник и принялся протискиваться в двери.

«Худеть тебе надо, дядя. Скоро с лавки не встанешь», – подумал парень и принялся собирать оружие.

Два часа, и десяток револьверов улеглись ровным рядом на крышке ящика. Задумчиво окинув их взглядом, Мишка подтянул один из ящиков поближе и принялся упаковывать в него оружие. Завернув каждый револьвер в вощеную промасленную бумагу, он укладывал его в ящик. Упаковав всю партию, парень закрыл ящик и, крикнув, оттащил его в дальний угол. Потом, вскрыв привезенную тару, он оценил закупленный припас и, вздохнув, достал пару прутков свинца.

Пока не готов верстак, было время отлить запас пуль, а заодно и пополнить запас собственных малокалиберных зарядов. Потом, еще раз осмотрев кучу вскрытых ящиков, Мишка припомнил, как у них хранились патроны, уже извлеченные из пачек, и, хмыкнув, принялся разбирать ближайшую крышку, сколоченную из ровных широких досок. Быстро разметив на получившихся заготовках точки под отверстия, он увязал доски куском веревки и отправился домой.

На следующее утро он принес в подвал три десятка ровных деревянных плашек, в каждой из которых было просверлено двенадцать отверстий диаметром под револьверный патрон. К его удивлению, верстак уже был тут. Обойдя этого железного монстра со всех сторон, Мишка мрачно хмыкнул и, ухватив его за край, поволок к узкому окошку. Придвинув верстак к самой стене, он выставил на него пресс и принялся готовить себе рабочее место.

Подставив к верстаку пустые ящики, парень распаковал привезенный порох и взялся за дело. Вдавить в гильзу капсюль, отвесить меркой пороха, зажать в пресс пулю и одним плав-

ным движением вогнать ее в гильзу. Готовый патрон в деревяшку, чтобы не катались и не бились. Спустя четыре часа он с удивлением понял, что все запасные гильзы закончились. Удивленно хмыкнув, Мишка аккуратно составил все готовые патроны на доску и, полюбовавшись на результат своей работы, отправился к уряднику на доклад.

Как выяснилось, того на месте не было, и Мишка решил отправиться домой. Нужно было еще продумать, как превратить отданную ему каморку в настоящую мастерскую. За этим занятием и застал его урядник, заглянувший на огонек, чтобы узнать, как идут дела.

Мишка, воспользовавшись оказией, тут же озадачил его своей идеей. Тыча пальцем в свои эскизы, он быстро и убедительно доказал, что в мастерской должен стоять небольшой письменный стол, несколько полок, этажерка и железный ящик, в котором будут храниться уже готовые патроны и неиспользованный порох.

Внимательно выслушав его, урядник растерянно крикнул и, покачав головой, вздохнул:

– Это сколько ж хлопот, Мишка?

– Зато никакая проверка вам не страшна. И место оружейника оборудовано, и все сложено аккуратно и безопасно. А что своего оружейника нет, так то уже не ваша забота. Вы своих подчиненных припасами обеспечиваете, как умеете, – развел Мишка руками.

– Добро. Прямо сейчас и закажу, – подумав, решительно кивнул урядник.

* * *

Усилия урядника не пропали даром. Через три недели после озвученного им предложения Мишка умудрился полностью переоборудовать выделенный подвал, превратив его в настоящую оружейную мастерскую. Урядник, в очередной раз проинспектировав сложное там имущество и одобрительно крикнув, отсоединил от связки ключ от замка и, протянув его парню, велел:

– Сюда приходить можешь в любое время. С начальством все оговорено. Сам понимаешь, официально мы тебя на службу принять не можем. Молод еще. Но раз в табели должность такая есть, то господин майор приказал половинное жалованье тебе выплачивать, как приглашенному мастеру. Изволь, Михаил. Три рубля, как в ведомости и указано, – закончил он, выкладывая на стол ведомость и деньги.

– Вот уж чего никак не ожидал, – растерянно проворчал Мишка, расписываясь. – Спаси Христос, Николай Аристархович. Нам с мамой Глашей эти деньги сейчас в самый раз будут.

Потом, припомнив поговорку про то, что нужно делиться, мысленно усмехнулся и, повертев в руке трешку, спросил:

– Николай Аристархович, а вы случаем их по рублю не разменяете?

– Отчего же. Найду, – солидно кивнув, достал урядник бумажник.

Разобрав полученные рублевые бумажки, Мишка убрал два рубля в карман, а рубль молча протянул своему нечаянному заступнику.

– Ты чего это удумал? – неподдельно удивился толстяк.

– Господь делиться велел, Николай Аристархович. Да и не будь помощи вашей, нам бы тяжело пришлось. Не побрезгуйте, – сохраняя на морде лица серьезное выражение, ответил парень.

– Не надо, – с усмешкой хлопнув его по плечу, вдруг отказался урядник. – В этом деле ты мне сильнее помог. Так что эти деньги ты до последней копейки честно заработал.

– Как пожелаете, – склонил голову в коротком поклоне Мишка и убрал деньги в карман.

– Да и помогаю я тебе не просто так, Михаил, – неожиданно добавил урядник. – Говорил уже, что знаю я тебя давно, и помню, что ты всегда себе на уме был. И уж если ты чего неправедного задумаешь, то сделаешь это так, что комар носа не подточит. А уж если вспомнить, как ты стреляешь, то вообще беды не миновать. Так что уж лучше я стану сам тебе помогать,

чем потом со своими парнями стану по всей тайге бегать, в твоих задумках разбираюсь. А уж накрутить ты можешь так, что сам черт ногу сломит. Умный ты. И смелый. Опасная смесь.

– Так я вроде повода к таким мыслям не давал, – растерянно протянул Мишка.

– А мне повода и не надо. Помню я, как ты на дядьку своего смотрел. Даже мне от того взгляда жутко стало. А то, что местные давно уже никакой каторги не боятся, мне лучше всех известно. Особенно такие лесовики, как ты. Тебе с этапа в побег уйти, что сплунуть. А в тайге ты как дома. Вот и решил я тебя занять да дело подходящее подсунуть.

– Благодарствую, Николай Аристархович, – помолчав, тихо вздохнул парень.

Он и вправду не знал, что еще ответить ему на все услышанное. Кивнув, урядник еще раз хлопнул его по плечу и, развернувшись, выбрался из мастерской. Удивленно глядя ему вслед, Мишка судорожно пытался вспомнить, где и когда мог так сильно показать ему, что задумывает что-то криминальное. Вроде никогда подобных мыслей не возникало. Так и не вспомнив ничего подходящего, Мишка недоуменно пожал плечами и вернулся к работе.

Его идея с дощечками для выдачи счетного количества патронов нашла полное одобрение как у урядника, так и рядового состава полиции. Впрочем, удивляться тут было нечему. Так было гораздо проще. Получил дощечку, зарядил оружие и пошел.

Очень скоро такие же дощечки появились и в дежурной вахте, где получали винтовки и патроны солдаты из конвоя. К удивлению Мишки, на вооружении солдат были винтовки, очень похожие на обычные трехлинейные карабины. Калибр, во всяком случае, на глаз совпадал. Но самое главное, что заряжались они почему-то не обоймой, а по одному патрону. К тому же патронов в этом карабине было не пять, как в Мишкиной реальности, а семь. Сама винтовка была короче, длиной как обычный кавалерийский карабин. Во всем остальном – нормальная трехлинейка с продольно-скользящим затвором. Припомнив, что стрельбы были назначены через два дня, Мишка решил оставить «изобретение» обоймы на этот момент.

Закончив с текущими делами и наведя порядок, он поспешил домой. Нужно было порадовать тетку и заняться своими делами. Урядник явно положил глаз на его лампу и теперь, заходя к ним, регулярно выразительно поглядывал на парня, но понимая, что сделать такую вещь не так просто, помалкивал.

Попрощавшись с дежурным, Мишка вышел на улицу и с удовольствием вдохнул холодный осенний воздух. Дело шло к зиме, и морозы должны были грянуть со дня на день. Неспешно шагая по дороге в сторону дома, он слышал стук копыт и поскрипывание колеса. Оглянувшись через плечо, Мишка увидел две пролетки, катившие по дороге, и отступил в сторону. Кучера, в угоду выгодному клиенту, вполне могли перетянуть крестьянского мальчишку кнутом. В кожанке это было не больно, но обиду от какой-то шестерки Мишка терпеть не собирался.

Перейдя на обочину, он продолжал шагать, старательно прислушиваясь к происходящему за спиной. Тренированные чувства охотника заставили его подобраться, моментально превратив обычного паренька в настоящую машину. То, что у него не было при себе оружия, Мишку не пугало. Начав тренировки, он очень быстро начал превращать в оружие себя самого. Юное сильное тело быстро отозвалось на серьезную подготовку. Достаточно было вспомнить, что при нападении парень одним ударом сломал дядьке челюсть.

Подкатившие пролетки начали снижать ход, и Мишка насторожился. Седоками в этих транспортных средствах были четверо молодых офицеров с какими-то дамочками полусвета. Откуда они тут взялись и куда направляются, парню было неинтересно, но они явно искали развлечений. Один из офицеров, уже заметно пьяный, дернул кучера за рукав, и тот натянул вожжи.

– Ты чего это не кланяешься? – спросил офицер у Мишки, пьяно усмехаясь и явно предвкушая развлечение.

– А я никогда лошадям не кланяюсь, – не полез Мишка за словом в карман.

– Это что, я, что ли, лошадь? – растерялся офицерик.

– Вы человек. Это я сейчас вижу. А до этого только лошадь и видел. Так что мне, ей, что ли, кланяться? – ответил Мишка, готовясь к драке и быстрому уходу с места преступления.

В наступивших сумерках рассмотреть его как следует пьяные седоки не могли, а кучера хоть и трезвые, но от такого дела постараются держаться подальше. Им в поселке еще жить, и что может удумать дерзкий отрок, одному богу известно. Так можно и без работы остаться, если вдруг пролетка сгорит.

– А ты дерзкий, – удивленно хмыкнул офицер. – Не боишься, что я тебя сейчас в околоток сдам?

– Дальше Сахалина не сошлют и больше десятка плетей не дадут. А жизнь – она штука странная. Никогда не знаешь, где споткнешься. Головой о камушек, – ответил Мишка с легкой угрозой в голосе.

– Ну ты наглец! – растерянно протянул офицер.

– Оставь мальчишку, Станислав, – проворчал второй седок, перекладывая гитару, которая жалобно брякнула.

Глядя на инструмент, Мишка невольно вспомнил посиделки с друзьями у костра, где они негромко пели под гитару любимые песни.

– погоди, Володя, – отмахнулся офицер, заметив его взгляд. – Знаешь, что это такое?

– Гитара. Семиструнная. Ее еще цыганской называют, – пожал Мишка плечами. – Только она у вас расстроена.

– А ну давай, – приказал офицер, протягивая ему инструмент. – Споешь душевно, все прощу. Еще и денег дам.

– Я на такой не умею. Если согласны, я по-своему перестрою, – ответил Мишка, беря гитару в руки.

– Давай, – удивленно кивнул офицер.

Поставив ногу на подножку пролетки, Мишка быстро перестроил шесть струн и, прислушавшись к звуку, принялся вспоминать подходящие песни. На ум пришла знаменитая в юности его родителей «За туманом», и парень, недолго думая, запел. Ломкий тенор паренька растекался над вечерней улицей, заставив примолкнуть и пьяненьких дамочек и лошадей. Закончив, Мишка протянул инструмент офицеру.

– Еще, – тряхнув головой, потребовал тот.

На этот раз Мишка спел «Есть только миг...». Слова песен сами всплывали в памяти. Закончив, он прижал струны ладонью и, вздохнув, тряхнул головой. Сцены из прошлой жизни мелькали перед глазами, заставляя голос дрожать.

– Хорошие песни. Откуда знаешь? – опомнившись, спросил офицер.

– Каторжник один написал, – выкрутился Мишка.

– Ну вот, нагнал тоску, – капризно протянула сидевшая рядом с ним девица. – Лучше бы чего веселого спел.

– Сможешь? – тут же повернулся к парню офицер.

– Попробую, – кивнул Мишка, которому очень не хотелось выпускать гитару из рук.

Сделав несколько переборов, он припомнил подходящую песенку про чайную ложечку сахара и, сменив аккорд, запел. Последний куплет пели уже все вместе. Заметив, что настроение у седоков заметно улучшилось, Мишка допел песню и, протягивая гитару офицеру, сказал:

– Извиняйте, господин офицер, но мне на работу с утра. Идти пора.

– Вот что, парень, – чуть подумав и решительно хлопнув себя по коленям, ответил офицер. – Ты мое условие выполнил. Никто не может сказать, что Станислав Кшестинский когда-либо отступался от своего слова. Вот, держи, – с этими словами он протянул Мишке три рубля. – И гитару себе оставь. Ты с ней ловчее управляешься, чем мы тут все вместе взятые.

– Благодарствую, – коротко поклонился Мишка, убирая полученную трешку.

– Поехали, – скомандовал офицер, и кучер тряхнул поводьями.

«А вечер-то удался, – усмехнулся про себя Мишка, хрустя в кармане ассигнациями. – Вот уж не думал, что умудрюсь так на ровном месте заработать. Пятерку тетке на хозяйство, на остальное себе боеприпасы прикуплю. А на остаток опять в булочную наведу».

Добравшись до дому, он с порога рассказал тетке о своем приключении, под конец сделав несколько переборов. Слушая его, Глафира только головой удивленно качала. Потом, вздохнув, растерянно протянула:

– Не знаю, что и сказать, Мишенька. Как же такое быть-то может? Ты ж раньше гитару эту и в глаза не видывал.

– Как не видывал? А на ярмарке? – быстро нашелся парень. – Там мужик какой-то в балагане играл. Точно помню.

– А ведь и вправду было, – подумав, радостно закивала тетка. – Так неужто ты, разок на него поглядев, запомнил, как играть?

– Выходит, так, – пожал Мишка плечами, почесывая в затылке. – Только ты это, мама Глаша, не говори пока никому. Я сначала сам во всем разобраться хочу. А то начнут дергать да по докторам таскать. Вот, лучше деньги приberi. Три рубля – жалованье от полиции, как мастеру-оружейнику. Урядник лично ведомость приносил и сам выдал. А два рубля от того офицера. Рубль я себе на боеприпас оставлю. Снег скоро. Нужно к выходу готовиться.

– Да бог с тобой, Мишенька. Как решишь, так оно и станет, – засуетилась Глафира.

Пустых гильз у парня в сундуке осталось всего два десятка. Доступ к свинцу и пороху у него был свободный, а вот капсули придется докупать. К тому же в сезон боеприпасы будут разлетаться так, что только успевай патроны снаряжать. Ко всему прочему ему еще предстоял поход к хантам. Нужно было покупать щенков. Без собак охотник в тайге и не охотник считай.

Тетка, убрав деньги, принялась накрывать на стол. Привычная уже каша, хлеб и кружка молока. Поужинав, парень задумчиво посмотрел на случайно полученную гитару и, вздохнув, понес ее в дальний угол. Светить таким инструментом он пока не собирался. Особенно перед урядником. Уж больно умным и внимательным оказался этот толстяк. Пока отношения у них складывались хорошие, и портить их Мишка не собирался. Во всяком случае, специально. Более того, этот странный представитель местной власти был ему нужен. Что ни говори, но у толстяка в городке все было схвачено. Судя по некоторым признакам, организацией службы и настоящим поддержанием порядка занимался именно он. Начальник полиции, скорее всего, в этом раскладе играл чисто представительскую роль, в серьезные дела даже не вникая.

Очевидно, что это устраивало всех. Урядник выстроил службу и тянул свою лямку, наводя шороху среди обывателей, а майор важно надувал щеки на светских приемах и отдувался перед высоким начальством. В силу происхождения и отсутствия серьезного образования, уряднику выше было не подняться, а майору заниматься текучкой откровенно лень. В общем, все довольны. А раз так, то пусть оно все так и остается.

* * *

– Ну и зачем было так вылезать? – в очередной раз ругал себя Мишка, мрачно глядя на стоящую в углу, за сундуком и накрытую рогожей гитару. – Опять не сдержался? Твою мать! И сколько мне еще так мучиться? Вот только чуть хватку ослабил, и на тебе... Хорошо удалось тетке голову деньгами задурить. Темная баба. С перепугу побежит попу каяться, вот тогда и попляшешь.

Вздохнув, он допил молоко, которое оставила ему Глафира, и, потянувшись, начал собираться. На сегодня были назначены стрельбы, и Мишке предстояло показать местной полиции, как нужно правильно стрелять. Опозориться он не боялся. И сам стрелял неплохо, и предыдущий владелец тела запросто птицу влет бил. Главное для него было не отстреляться, а пока-

зательно изобрести такую простую вещь, как обойма. В том, что урядник зацепится за такую интересную штуку, он даже не сомневался.

В этом деле главное не упустить момент, когда потребуется оформлять документы на патент. Дарить свои изобретения непонятно кому Мишка не собирался. А с такой поддержкой все должно было получиться. Урядник, хоть и малограмотный, но дело свое знает. К тому же в запасе есть еще и моральный должник инженер. Уж он-то точно должен знать, как такие вещи делаются. Значит, придется запрячь их в одну телегу.

С этими мыслями Мишка оделся и, повесив на плечо уже ставшую неизменной сумку, отправился в участок. Сбор был назначен там. К тому же он, как главный оружейный мастер, должен был погрузить в полицейскую пролетку ящики с боеприпасами.

«Учет и контроль наше всё», – усмехнулся про себя парень, здороваясь с дежурным и сбегая по лестнице в подвал.

Ухватив ящик с патронами за ручки, он крикнул и, закинув его на плечо, понес наверх. Оставив ящик под присмотром дежурного, Мишка вернулся обратно и, прихватив пенал со всяким инструментом, огляделся, пытаясь понять, не забыл ли чего нужного. Убедившись, что все нужное уложено, запер двери. Поднявшись к дежурному, он огляделся и, потоптавшись у стола, негромко спросил:

– А господин урядник-то когда будут? Рассвело уже.

– К начальству вызвали. Сказал, будет скоро. Специально велел пролетку заложить, чтобы обернуться быстрее, – вздохнул дежурный.

Кивнув, Мишка вышел на улицу. Тут уже собрались почти все подчиненные урядника. По мрачным лицам было видно, что эти тренировки восторга у них не вызывали. Мало того что пришлось бросить все дела и тащиться на службу в собственный выходной, так еще и делать все это с оружием. От стрельбы были освобождены только те, кому выпало дежурить по поселку, то есть четверо плюс дежурный. И это на четыре деревни и станцию с чистым поселком.

Послышался стук подков, и из-за угла выкатилась знакомая пролетка. Полицейские быстро побросали сигарки и подтянулись. Глядя на эти потуги, Мишка только одобрительно хмыкнул. Внушить такое уважение этой вольнице нужно было уметь. Пролетка подкатила к участку, и урядник, не вылезая, скомандовал:

– Строиться и шагом марш на стрельбище. Михаил, грузи, что нужно, и сюда прыгай.

– Слушаюсь, ваше благородие, – бодро ответил Мишка и нырнул в двери.

Вынеся ящик с патронами, он аккуратно поставил его на пол пролетки и, быстро осмотревшись, запрыгнул на козлы.

– Ты чего, Мишка? – удивился урядник.

– Так не положено с начальством, ваше благородие. Я ж не в службе.

Все это парень выдал, оглядываясь через плечо и выразительно указывая глазами на идущий следом рядовой состав. Одобрительно кивнув в ответ, урядник откинулся на спинку сиденья и, расправив усы, скомандовал:

– Трогай, Ефим.

Кучера Мишка видел впервые в жизни, поэтому решил от всяческих разговоров воздержаться. Пролетка выкатилась за территорию поселка и спустя десять минут въехала на старую просеку. Кучер натянул вожжи, и урядник, кряхтя, выбрался наружу. Спрыгнув, Мишка быстро развернул ящик и, откинув крышку, сказал, указывая на его содержимое:

– Вот, ваше благородие, извольте глянуть. По пять полных барабанов на каждого стреляющего. Это без учета тех патронов, что у них при себе. Те, как вы и приказывали, на службу пойдут.

– Маловато, – подумав, пробасил урядник.

– Так где ж больше-то взять? – развел Мишка руками. – Были бы гильзы, снарядил бы больше.

– Гильзы, говоришь? – задумался урядник. – Ладно. Подумаю. А пока вот. Держи. Как обещал, – добавил он, протягивая парню холщовый мешочек.

Едва взяв его в руки, Мишка понял, что это обещанный револьвер. Осторожно развязав горловину, он достал оружие и, отложив мешок, принялся задумчиво крутить его в руках. Револьвер и вправду был необычным. Небольшой, с примерно трехдюймовым стволом, калибром приблизительно 7,62. Но самое главное, у него был бескурковый механизм. С интересом хмыкнув, Мишка принялся искать хоть какую-то маркировку, но вместо нее обнаружил только сточенный металл на рамке.

Ни названия, ни номера, ни вообще каких-либо обозначений. Тщательно ощупав замеченное место, Мишка понял, что оружие явно готовилось к какому-то преступлению. Любая маркировка с него была удалена. Нажав на защелку, Мишка откинул барабан и вынул из гнезда патрон. Тупоноса свинцовая пуля, глубоко утопленная в гильзу. Сама гильза ровный цилиндр с закраиной.

– Что скажешь? – спросил урядник, с интересом наблюдавший за его манипуляциями.

– Интересное оружие. Я про такое слышал. В САСШ такие делают, для скрытого ношения. Курок специально убрали, чтобы за одежду не цеплялся.

– Ну, тебе виднее, – удивленно проворчал урядник. – Там три десятка патронов к нему. Привез все, что было.

– Благодарствую, Николай Аристархович, – поклонился Мишка.

– Не за что. Тебе не дай, так ты сам найдешь. Или вообще придумаешь, как сделать, – усмехнулся урядник, оглядываясь на подходивших подчиненных.

Полицейские остановились у пролетки, и двое самых молодых, повинаясь команде десятника, побежали по просеке дальше. Спустя несколько минут они выволокли из кустов четыре треноги, на которые нацепили бумажные мишени. Глядя на это убожество, Мишка только вздохнул. Расстояние до цели было примерно метров сто. Для толкового стрелка это не дистанция. Урядник, дав подчиненным время отдышаться, откашлялся и, шагнув вперед, громко сказал:

– Дело, значит, вот какое. Есть слух, что хунхузы собираются у нас на станции безобразие учинить. И чтобы не дать им уйти безнаказанно, начальство приказало обучить вас правильной стрельбе.

– А чего там учить? Целься да стреляй, – хмыкнул седоусый полицейский, небрежно державший казенную винтовку прикладом вперед.

– Ванька, опять народ баламутишь? – грозно поинтересовался урядник.

– Николай Аристархович, ну вы ж знаете, что стреляю я лучше всех в участке. Так зачем сюда потянули? – не отступил седоусый.

– Вот сейчас и посмотрим, не разучился ли, – злорадно усмехнулся урядник и, повернувшись к парню, скомандовал: – Давай, Михаил.

– Дозвольте, господин полицейский, – попросил Мишка винтовку у ближайшего полицейского.

Неопределенно пожав плечами, тот скинул с плеча ремень и протянул оружие парню. Откинув затвор, Мишка развернул винтовку к свету и, осмотрев ударно-спусковой механизм, вздохнул.

– Ну, ладно хоть не кирпичом чистили, – проворчал он, жестом прося у полицейского патроны.

Быстро затолкав в магазин четыре патрона, он вышел на рубеж, обозначенный парой колышков, и, несколько раз примерившись, негромко объявил:

– Эти четыре пристрелочные.

– Оно и понятно, – кивнул урядник.

Сделав пару глубоких вдохов, Мишка приложил приклад к плечу и плавно повел стволом. Выстрел. Мякоть большого пальца захватывает лепесток затвора, и кисть перезаряжает оружие, не отрывая его от плеча. Выстрел. Все повторяется. И так еще два раза. Оставив затвор открытым, он вернул оружие владельцу и зашагал к мишени. Сняв ее, Мишка не удержался от довольной улыбки. Все четыре пули легли в яблочко, превратив центр мишени в одну дыру.

Вернувшись к нетерпеливо топтавшимся полицейским, Мишка молча протянул мишень уряднику. Осмотрев ее, тот довольно усмехнулся и, подняв над головой, громко объявил:

– Вот так должен стрелять каждый из вас. И это только пристрелочные.

– Ловкий бесенок, – одобрительно проворчал седоусый, осматривая мишень. – Не иначе охотник.

– Он и есть, – улыбнулся Мишка.

– Что, и с револьвером так? – не унимался тот.

– Дозвольте ваш револьвер, господин полицейский, – с усмешкой попросил Мишка.

Удивленно хмыкнув, полицейский покосился на урядника и, увидев его кивок, достал из кобуры оружие. Быстро откинув барабан, парень осмотрел револьвер и, защелкнув его на место, улыбнулся, указывая на мишени:

– Пошли. Со сколько шагов стрелять? – повернулся он к уряднику.

– А со сколько сможешь, – прогудел тот в ответ.

Дойдя до мишени, парень повернулся к ней спиной и принялся отсчитывать шаги, двигаясь в обратную сторону. Досчитав до тридцати, он остановился и вопросительно посмотрел на урядника. Прикинув расстояние, тот кивнул. Развернувшись на пятке, Мишка перехватил револьвер поудобнее и, вскинув его двумя руками, плавно нажал на спуск. Курок он успел взвести, пока поднимал оружие. Револьвер рывкнул, крепко подкидывая ствол.

Мягко отпустив крючок, Мишка прихватил курок большим пальцем левой руки и, дождавшись, когда ствол опустится, снова выстрелил. Выпустив все шесть пуль, он откинул барабан и, ссыпав гильзы в карман, направился к мишени. Все шесть пуль легли у центра. Для человека, который стрелял из подобного оружия впервые, впечатляющий результат. Отдав мишень уряднику, он вернул револьвер владельцу и, указывая на пролетку, подсказал:

– Патроны для тренировки там.

– А ловко у тебя получается. Двумя руками, да так быстро. Тут пока курок взведешь, преступник уже спрятаться успеет, – задумчиво проворчал полицейский, перезаряжая револьвер.

– Есть другой способ. Но ему учиться долго надо, – улыбнулся в ответ Мишка.

– Это какой же? – заинтересовался седоусый.

– Там много чего, – отмахнулся парень. – И кобура не на поясе носится, а на бедре. И не такая, с клапаном, а открытая. И стрелять надо не целясь. От бедра. Ребром ладони по курку, и на спуск. Очень быстро получается, – принялся пояснять он правила стрельбы «мельницей».

– А ну покажь, – потребовал полицейский, протягивая ему оружие.

Снова взяв револьвер, Мишка в неизвестно который уже раз проклял свой длинный язык и прошел к рубежу. Внимательно слушавшие их разговор полицейские поспешили разойтись, чтобы получше видеть, как оно все будет. Держа оружие в опущенной руке, Мишка пару раз примерился и, глубоко вздохнув, одним плавным движением вскинул револьвер. Ребро ладони ударило по курку, и тут же прозвучал выстрел. И так шесть раз, почти пулеметной очередью.

На этот раз результат был намного слабее, но все пули вошли в черный круг. Даже это для него было достижением. В прежней жизни один приятель переделал травматический револьвер под стрельбу боевыми патронами, и они, выезжая на природу, регулярно развлекались в подобных упражнениях. Закончилось все тем, что переделанное оружие вышло из строя, но навык остался. И вот теперь, отдавая мишень уряднику, Мишка удрученно вздыхал, кляня себя на все лады.

– Да, парень, умеешь ты удивить, – растерянно протянул седоусый. – Не приведи Господи с тобой перестреливаться. Пришибешь быстрее, чем противник вякнуть успеет.

– Я в добрых людей не стреляю, – угрюмо буркнул Мишка. – А злые сами не лезут.

– Что, бояться? – поддел его седоусый.

– Не нужен я им, – усмехнулся парень, отдавая ему оружие.

* * *

– М-да, Михаил. Удивил ты меня, – пробасил урядник, задумчиво глядя, как пуля проскальзывает в гильзу.

Разговор этот состоялся в мастерской, когда Мишка, выполняя порученную работу, занимался переснарядкой патронов. Как он и предполагал, умный толстяк с ходу зацепился за его странные познания в стрельбе из револьвера и на следующий день не поленился спуститься в подвал. И теперь, сидя у верстака, он мрачно поглядывал на молчащего парня.

– Чего молчишь-то? – не удержался он.

– А что тут скажешь, Николай Аристархович? – вздохнул Мишка. – Помню, учил кто-то. Не меня. Я из кустов подсматривал. А вот кто, кого, зачем... – Он удрученно покачал головой и, вздохнув, вставил в зажим очередную пулю.

– Каторжники? – последовал навоящий вопрос.

– Нет, – подумав, мотнул Мишка головой. – Военные какие-то, – добавил он, чуть подумав. – Даже не совсем военные. Форма вроде какая-то была. А вот что за форма... Не военная и не путевская. Но физиономии вроде наши. Православные. Не помню, – снова вздохнул он, насупившись.

– Темнишь, Михаил. Так стрелять научиться, просто глядя, как другие стреляют, нельзя. Тут самому пострелять нужно. Своими руками, – не отступил урядник.

– Как я из ружья стреляю, вы знаете, – помолчав, тихо протянул парень. – А револьвер от ружья только размером да хватом отличается.

– А как ты понял, что револьвер, что я тебе подарил, в САСШ сделан?

– А вот это помню, – выпрямился Мишка. – Мы в тот год рыбу в Томск возили. А там на торгу лавка большая была. Оружейная. С книжками всякими про оружие. Так меня тетка от той лавки силком оттаскивала. Помню, еще приказчик смеялся, что настоящий солдат растет.

– Ну, это ладно. Похоже, – подумав, кивнул урядник. – Но как нам со стрельбой быть?

– Сами решайте, Николай Аристархович, – помолчав, вздохнул Мишка. – Я вам не враг. Наоборот. Помочь хочу. Сами видели, подчиненные ваши со ста шагов в сарай не попадут. А я их обучить могу. Времени маловато, да и дело к зиме, но хоть в руках путаться не будут.

– Это да, – мрачно кивнул урядник. – Стрелки они те еще.

– Вот и я про то. А если и вправду хунхузы налетят? Побьют же всех. Как хунхузы стреляют, не мне вам рассказывать.

– Снова прав, – кивнул толстяк, мрачней еще больше.

– Ну так чего вы меня тогда пытаете? Знаете ведь, контуженый я. Себя не сразу вспомнил, не то что еще чего.

– Да я не пытаю, – смутился урядник. – Удивляюсь. То жил, словно бирюк малой, только глазами зыркал да помалкивал. То вдруг заговорил, да так, что взрослые мужики рты пораскрывали.

– Я в одной книжке прочел, что в начале жизни человек только и делает, что учится, а всю остальную жизнь других учит, – подкинул туману Мишка. – Выходит, у меня так и случилось. Не сложишь, что вам оружейный мастер потребовался, то и у меня в голове б не всплыло.

– Тоже верно, – подумав, нехотя согласился урядник. – Ладно. Пусть идет как идет, – сдался он, понимая бесполезность любых расспросов. – Ты мой подарок с собой не таскаешь?

– Избави боже. Дома, в сундуке оружейном лежит, – затряс Мишка головой. – Здесь-то он мне зачем? В поселке мне и ножа хватит, – добавил он, демонстрируя тот самый клинок, что так удачно избавил его от пропойцы-дядьки.

– Это правильно, – одобрил урядник. – Ладно. Пойду я. А ты, домой идучи, по сторонам внимательно поглядывай. Глаз у тебя наметанный, может, чего и заметишь.

– Исполню, Николай Аристархович, – истово пообещал Мишка, мысленно перекрестившись, что избавился от неудобных вопросов.

Урядник протиснулся в дверь и тяжело затопал по лестнице. Проводив его взглядом, Мишка вздохнул и, быстро закончив с патронами, принялся наводить порядок. Попрощавшись с дежурным, он вышел на улицу и, вдохнув морозный воздух, вскинул голову к вечернему небу. По ночам уже заметно подмораживало, и со дня на день уже должен лечь снег. Даже днем раскисшие от дождей дороги уже не отмерзали.

Добравшись до дома, парень смыл с рук свинцовую пыль и, поужинав, задумчиво посмотрел на оружейный сундук. Всю дорогу до дома у него было чувство, что в спину упирается внимательный, враждебный взгляд. Только воля и нежелание насторожить возможного противника удержали его от того, чтобы оглянуться. Откинув крышку сундука, Мишка достал из него смазанный и заряженный револьвер, подарок урядника, и, подумав, прихватил десяток патронов.

– Ты чего это задумал, сынок? – всполошилась тетка.

– На душе маетно, – вздохнул Мишка, обдумывая, как ей все объяснить.

– С чего? – удивилась Глафира. – Вроде в порядке все.

– Знать бы самому, – качнул Мишка головой. – Мама Глаша, ты ж у меня из ружья стрелять умеешь, верно?

– Было время, на утку сама ходила, – улыбнулась женщина, разом помолодев.

– Вот и слава богу. Вот, смотри. Это мое старое ружье. Я его заряжу и у твоей лежанки поставлю. И патроны рядом положу. Тут все с картечью. Пусть заряженное стоит. На всякий случай.

– Бог с тобой, Мишенька! Ты с кем воевать-то собрался? – растерялась Глафира.

– Ни с кем не хочу. Но пусть лучше под рукой будет, – вздохнул парень. – Одну мамку я уже потерял. Так что пусть будет.

– Видать, и вправду беду чувствуешь, – растерянно охнула женщина. – Пусть будет. Как скажешь, сынок.

Отнеся оружие в ее закуток, Мишка поставил ружье в изголовье лежанки и, расставив патроны на полочке, рядом с гребнем и швейными принадлежностями, вернулся к сундуку. Достав полученное от инженера ружье, он зарядил гладкие стволы картечью и, чуть подумав, оставил малокалиберный ствол пустым. Вместо него он положил под подушку револьвер, напомнив себе сшить для него кобуру.

Не мешало бы подумать и насчет скорозарядника, но пока нужно было разобраться с изобретением обоймы. Еще на стрельбище он при уряднике расставил в ряд семь патронов и, вертя в руке винтовку с открытым затвором, несколько раз поднес ее к выставленному ряду. Глядя на его манипуляции, урядник только задумчиво хмыкнул и, покачав головой, занялся подчиненными.

Разобравшись с оружием, Мишка умылся и, проворчав, что утро вечера мудренее, улегся спать.

Проснулся он разом. Рывком. В избе стояла полная тишина. Осторожно, чтобы не заскрипеть лежанкой сев, Мишка выглянул в окно и, ничего не разглядев, принялся вслушиваться. Где-то на другом конце деревни хрипло заходился лаем пес. «А почему один?» – вдруг промелькнул в голове парня вопрос, и его рука скользнула под подушку.

Ладонь обхватила рукоять револьвера. Стараясь не разбудить тетку, Мишка положил оружие рядом с собой и, ухватив с лавки штаны, принялся одеваться. Зачем? Он и сам себе не смог бы объяснить, зачем, но была твердая уверенность в том, что светить ночью белым исподним не самая умная затея. Прихватив сапоги и портянки, он накинул овчинный кожушок и выскользнул в сени.

Глафира тихо посапывала в своем закутке, и Мишка, выбравшись из дома, принялся обуваться. Выскользнув на крыльцо, парень поправил ремень, сдвинув ножны с ножом набок и сунув револьвер в карман, двинулся на задний двор. Пес все так же заливался лаем, когда вдруг, негромко взвизгнув, затих. Над деревней повисла полная тишина. Оглядевшись, Мишка скользнул в тень сарая, медленно смещаясь к забору, выходившему к тайге. Мысленно похвалив себя, что успел убрать со двора все, что может помешать скрытному передвижению, он добрался до угла сарая и замер, вслушиваясь в тишину.

Он уже решил, что окончательно сбрендил и ищет шпионов под кроватью, когда за забором что-то негромко стукнуло, а вслед раздалось тихое шипение. Так мог шипеть только человек, крепко стукнувшийся обо что-то.

Присев в самом углу, между забором и сараем, Мишка взял в левую руку револьвер, а в правую нож. Устраивать пальбу раньше времени не хотелось. За забором все стихло, после чего над его краем появился какой-то округлый предмет.

«Ага, все-таки я не сбрендил, – усмехнулся про себя парень. – Осматривается, сволочь. Ну-ну. Давай. Тебя тут уже ждут».

Словно услышав его приглашение, неизвестный ловко перемахнул забор, тихо шлепнув по мерзлой земле мягкой обувкой. Следом за ним плюхнулся еще один. Убедившись, что противников всего двое, Мишка медленно, буквально по миллиметру, выпрямился и, пользуясь тем, что до них всего пара шагов, метнулся вперед. Нож с хрустом вошел стоявшему к нему спиной человеку под ребро, и тот тихо захрипел, оседая наземь.

Тут же толкнув его на второго противника, Мишка бросился в атаку, перехватывая револьвер за ствол. Не ожидавший нападения первый человек невольно подхватил напарника, еще не понимая, что произошло, и тут же получил удар рукоятью револьвера по голове. Добавив ему еще разок для верности, Мишка быстро обыскал оба тела и, содрав с обоих ремни, принялся вязать пленника.

Стянув мужику руки за спиной, он связал ему ноги и, согнув их в коленях, связал между собой концы ремней так, чтобы руки были постоянно вытянуты. Потом, подумав, он отхватил у мертвеца кусок его куртки и затолкал его в рот пленнику. Оттащив его к дверям сарая, Мишка несколько секунд полюбовался на дело своих рук и, вернувшись к труп, поволок его к воротам. Потом, собрав все найденное у ночных татей, он направился к дому.

Но едва Мишка ступил на крыльцо, как ночную тишину разорвал выстрел. Вздвогнув от неожиданности, Мишка быстро сориентировался в направлении и, качнув головой, тихо прошипел:

– У станции. Выходит, правду говорили.

Вбежав в дом, он, уже не таясь, первым делом разбудил тетку и, задернув занавески на окнах, разжег лампу. С грохотом свалив все снятое с бандитов на пол, парень подхватил винтовку и, поднеся ее к лампе, начал рассматривать.

– Что там, Мишенька? – кутаясь в платок, испуганно спросила Глафира.

– Бандиты. Одевайся, мама Глаша. Ружье возьми и патроны. Из дома не выходи. У станции только что стреляли. Я туда побегу, а ты тут посматривай.

– Ой, Мишенька, может, не надо? – жалобно застонала женщина.

– Надо, мама Глаша. Если их вовремя не остановить, они всю деревню сожгут. Сама знаешь, что они с людьми делают. Вон, за печку сядь и дверь на прицеле держи. Я, прежде чем

войти, тебя окликну. Не бойся. Им не мы, им станция нужна, – добавил он, заметив растерянность у нее на лице.

– Ох, Мишенька... – опять завелась женщина, и Мишка, не удержавшись, рявкнул:

– Делай, что сказано!

Испуганно пискнув, тетка моментально исчезла и спустя короткий промежуток времени вернулась уже одетая и вооруженная.

«Блин, как в армии, пока спичка горит», – усмехнулся про себя Мишка, продолжая рассматривать добытую винтовку.

К его изумлению, это оказалась английская «Ли-эндфилд».

– И тут без них не обошлось, – сплюнул парень, скривившись про себя.

Быстро передернув затвор, он поймал вылетевший патрон и, присмотревшись, сунул его обратно в магазин. Потом, подхватив снятые с бандитов сумки, он вывалил их содержимое на пол. Собрав все имевшиеся патроны, он ссыпал их в одну из сумок, после чего снова повернулся к тетке:

– Это пока оставь. Я потом с остальным сам разберусь. За дверью смотри и ничего не бойся. Я скоро вернусь.

– Храни тебя бог, сынок, – вздохнула женщина, сноровисто переламеняя ружье и проверяя патроны.

– Справится, – кивнул самому себе Мишка и выскочил на улицу.

У станции уже завязалась настоящая перестрелка. Сориентировавшись, парень направился туда неспешной рысью, внимательно оглядываясь по сторонам. Он уже подходил к участку, когда стрельба там резко усилилась. Скользнув в тень заборов, Мишка не спеша направился в сторону пальбы. Выглянув из-за угла, он внимательно осмотрелся и, оценив обстановку, хищно усмехнулся.

Трое бандитов азартно обстреливали окна участка. Им оттуда отвечало два ствола. Судя по грохоту, задача у нападавших была не столько убить, сколько удержать дежурную смену полиции в здании, что они с успехом и делали, превращая окна и двери здания в решето. Прикинув расстояние и расположение бандитов, Мишка тихо положил винтовку на землю и достал револьвер.

Пару раз переведя ствол с точки на точку, которые успел отметить по вспышкам выстрелов, парень трижды нажал на спуск. В наступившей тишине ясно прозвучал страдальческий стон. Подхватив винтовку, Мишка скользнул в сторону бандитов. Нужно было доделать начатое. Подобравшись к тому месту, где раздавались странное бульканье и тихий скрип чего-то по земле, он всмотрелся и, увидев смертельно раненного бандита, достал нож.

Клинок с хрустом пробил кожаную куртку и вошел бандиту в грудь. Быстро обыскав всех троих, Мишка собрал все оружие, пояса с ножами и сумки, в которых те носили всякую всячину и, обойдя здание участка по дуге, чтобы не нарваться на дурной выстрел, подобрался к окну.

– Эй, там, православные, все живы? – негромко крикнул он.

– Кто это? Мишка, ты, что ли, бес? – послышался в ответ растерянный возглас.

– Я. Выходите. Кончились бандиты. Стрельба у станции идет. Туда бежать надо, – пояснил он, перебираясь к дверям.

* * *

– Ну, парень, ты и учудил! Это ж надо, почти всю банду положить из винтовки, которую первый раз в руки взял! – восхищенно ахал седоусый полицейский, обходя выложенных в ряд бандитов.

Отдельно, прямо на мерзлой земле сидели четверо раненых из состава той же банды. Мишка, держа винтовку на груди скрещенными руками, задумчиво оглядывал арестованных, не понимая, что именно привлекло его внимание. Вся четверка, едва заметно кривясь от боли, сидела с мрачными рожами, то и дело поглядывая на происходящее вокруг.

«А ведь тут не все китайцы, – почему-то мелькнула у парня мысль. – Вот тот, дубленый, явно уйгур. А этот, с краю, вообще на японца похож. Блин, как бы их отличить? Кто их допрашивать станет? И как? Прикинутся, что русского не понимают, и туши свет».

Подошедший к нему урядник, тяжело оперся рукой о стену и, задышавшись, прохрипел:

– Спасибо тебе, Михаил. Спас.

– Не за что, Николай Аристархович. У меня к этим бандитам свой счет, – негромко отозвался Мишка, продолжая рассматривать пленных.

– Что не так, Миша? – тихо спросил урядник, заметив его взгляд.

– Вон тот, с дальнего края, явно не китаец.

– С чего ты взял?

– Самому бы знать. Потому и пялюсь на него, как сова на зайца. Кто их допрашивать станет? – повернулся он к уряднику.

– Есть у меня толмач. Восемь лет в колодках у них проходил. Не доглядишь, зубами в глотку вцепится, – слабо махнул урядник рукой, держась за грудь.

– Вы бы присмотрели за собой, Николай Аристархович, – сочувственно вздохнул Мишка. – Лишний вес еще никого до добра не доводил. И от водочки некоторое время лучше воздержаться. К доктору вам надо, чтобы он вам диету какую городскую прописал.

– Это еще что за зверь? – удивился урядник.

– Это вроде как правильное питание. Там нужно расписать, когда, что и в каком виде есть. Тогда человек худеть начинает. В Томске на торгу один заезжий нахваливал. Вроде и ешь, а сам худеешь.

– Ох, твоя правда, парень. Тяжел стал. Сам чую, – скривился урядник. – Ну да бог с ним. О себе потом думать будем. Тут бы с этими разобраться. Лучше расскажи, как ты у станции оказался?

– Собаки, – помолчав, усмехнулся Мишка.

– Чего собаки? – удивленно переспросил урядник.

– Среди ночи проснулся, слышу, один пес заходится. У нас ведь как? Если один завелся, другие тут же подхватят. Особенно если стороннего учуют. А тут заходится, но один. Я на улицу с вашим подарком и ножом вышел, а он вдруг взвизгнул и замолк. Я к забору. Смотрю, а через него двое лезут. Вон тот, с разбитой мордой, мой. Я его рукоятью револьвера приложил. Второго ножом, чтобы раньше времени шум не поднять. Сначала думал, беглые, а потом присмотрелся, хунхузы. Ну, а уж когда винтовку их рассмотрел, – Мишка потрянул лежащим на груди оружием, – тогда все сразу понятно стало.

– А говорили, что по первому снегу пойдут, – мрачно проворчал урядник.

– Вот это меня и насторожило. Снег – это ниточка для преследования. А зачем бандитам погоня? Им пожива нужна, а не война.

– Да чтоб тебя! И где мои мозги были? – вскинулся урядник, хлопнув себя ладонью по лбу. – Нет, чтобы сразу на это внимание обратить.

– На то и расчет был, – пожал Мишка плечами. – Дел каждый день много, вот за ними простого и не заметили. Николай Аристархович, могу я на допросе присутствовать?

– Зачем тебе? – растерялся урядник.

– Да все думаю, как эту рожу на чистую воду вывести. Может, во время допроса чего на ум придет.

– Добро, позову, – окинув парня задумчивым взглядом, кивнул урядник. – А чем тебя винтовки удивили? – вдруг спросил он.

– Английские, новые. Откуда у обычных бандитов такое оружие? А еще у каждого не меньше чем по три десятка патронов. А патроны тут непростые. Пуля в медной рубашке. И такое оружие у большей части. У остальных японские «Арисаки». – Мишка кивком головы указал в сторону кучи брошенного оружия. – Но «Арисаки» старые. Явно давно использованные. Ими по калибру на промысле не так уж и плохо. Тяжелого зверя взять трудно, но можно. Пушного уже не возьмешь, а вот оленя, марала, изюбря, да ту же кабаргу – запросто.

Произнося все это, он подошел поближе к пленным, краем глаза отслеживая реакцию замеченного им человека.

– И патронов к японкам не так много. К англичанкам гораздо больше, – закончил он, словно невзначай останавливаясь рядом с пленным. – Вот и выходит, что кто-то эту банду специально к нападению вооружил. А бандиты, по своей привычке, лучшее оружие раздали не лучшим стрелкам, а тем, кто к их начальству поближе.

Быстрый взгляд бандита заставил его утвердиться в своих подозрениях. Он явно понимал, о чем идет речь, и логические выкладки парня ему явно не понравились.

– Конитива, – произнес Мишка, глядя ему прямо в глаза.

– Моя не понимай, господина. Моя китаея, – послышалось в ответ.

– Я не господин. Я молодой человек, – улыбнулся Мишка, всем своим видом демонстрируя доброжелательность.

– Не господина, мородая черовека, – послушно повторил бандит.

– Попался, – рассмеялся Мишка и, ткнув в него пальцем, пояснил: – Только японцы вместо «эл» – «эр» выговаривают. У них в языке буквы «эл» нету.

Взвыв, бандит попытался достать Мишку уцелевшей ногой. Вторая была прострелена. Шагнув в сторону, парень не раздумывая двинул его прикладом в морду и, повернувшись к растерянному замершим полицейским, скомандовал:

– Этого увести. Держать от остальных отдельно. Ни с кем не давать говорить. И главное, руки не развязывать. Они голыми руками мастера драться. Лучше всего было бы одежду всю срезать. Мало ли чего он в ней припрятал.

Полицейские, не дожидаясь команды начальства, подхватили арестованного и поволокли его в сторону участка. Удивленный до полного онемения урядник, покрутив головой, прогудел:

– Ну, Мишка, ну, гвоздь! Это ж надо было удумать... И где только выучиться успел?

– Книжки читать люблю, Николай Аристархович. В книжках много чего умного написано, – весело улыбнулся парень. – Ну, теперь уж ваши дела пойдут. Я тут более не нужен. Пойду тетушку успокою. А то, небось, так за печкой с ружьем и сидит.

– Ступай, Миша. Ступай, – понимающе усмехнулся урядник. – И спаси тебя Христос за помощь.

– Благодарствую, Николай Аристархович. Патронами завтра уж заниматься стану. Пусть уляжется все.

– Добро. Ежели чего, я за тобой пришлю, – кивнул урядник, заведя подкатывающую пролетку с начальством.

Пользуясь тем, что урядник отвлекся, Мишка поспешил скрыться в переулке, унося добытое оружие и собранные с бандитов патроны к нему. Вспомнив, что вторая винтовка так и осталась в избе, парень довольно усмехнулся и, шагая по улице, проворчал себе под нос:

– Оружия и патронов много не бывает. Под эту марку я еще и револьвер легализую.

Войдя во двор, он, нарочито топая сапогами, прошел в сени и, встав сбоку от двери, громко позвал:

– Мама Глаша, не стреляй, это я, Миша.

В избе что-то грохнулось и, покотившись, зазвенело. Потом дверь распахнулась и в сени выскочила Глафира, заплаканная, но с ружьем в руке. Подхватив оружие, он обнял тетку, повисшую у него на шее, и, вздохнув, проворчал:

– Ну, будет, мама Глаша. Будет. Все ж в порядке. Живой я. Здоровый. Даже не поцарапанный. Молочка нальешь?

– Ой, господи, я ж еще корову не доила! Я быстро, Мишенька, – заполошно запричитала женщина и, забыв обо всем, метнулась в дом.

Спустя полчаса Мишка, едва не урча от удовольствия, поглощал огромный кус свежего хлеба, запивая его парным молоком. Выхлебав подряд две чашки, парень с довольным видом откинулся на стену и, оглядев избу осоловелым взглядом, тихо проворчал:

– Блин, а про барахло бандитское-то я и забыл!

Поднявшись, он уселся на пол и принялся ворошить все вываленное из снятых с бандитов сумок. Большую часть можно было не глядя отправлять в печь. Какие-то деревянные фигурки, вымазанные жиром и кровью, обрывки кожаных шнурков и тому подобная ерунда. Но были и полезные вещи. Связки вяленого до деревянной сухости мяса, стреляные гильзы от добытой винтовки и несколько маленьких кожаных мешочков. Развязав один, Мишка вытряхнул содержимое на ладонь и удивленно присвистнул.

– Мама, роди меня обратно! Это где ж они золотишко добыть успели? Раз они его с собой таскали, значит, нашли по дороге сюда. Иначе спрятали бы или близким оставили. Зачем такое с собой в драку тащить? Логично? Логично, – тихо бурчал себе под нос Мишка, проверяя остальные мешочки.

С двух бандитов он снял шесть мешочков золота, каждый величиной примерно с табачный кисет, общим весом примерно в килограмм.

– Это я удачно зашел, – тихо рассмеялся он, осматривая добытые ножи.

Оба клинка очень напоминали тот, что остался у него после нападения дядьки. Выточенные лезвия с роговыми рукоятками. Похоже, кто-то из каторжников наладил небольшой бизнес, обеспечивая всех желающих толковым холодным оружием. Достав из ножен свой нож, он сравнил все три клинка и, кивнув, протянул:

– Точно одними руками делалось. И руки те явно не кривые. Так. Надо как-то осторожно выяснить, что в сумках у остальных бандитов. И если золото только у этих двоих, имеет смысл пробежаться по следам. Как полностью рассветет, за забор прогуляюсь. Нужно след этой пары запомнить. Может, еще чего интересного найду.

Приняв решение, парень быстро сгреб в найденную тут же тряпицу все, что должно было попасть в печь, и, прибрав найденное золото в оружейный сундук, принялся выгребать из карманов и сумки все собранные патроны. В общей сложности их оказалась сотня. Невесть какое богатство, с учетом того, что пулю к такому патрону просто так не отольешь. Значит, придется снова включать голову. Пихать в нарезной ствол свинцовую пулю со стандартной навеской пороха глупо. При выстреле ее просто сорвет с нарезки.

Выходов из такой ситуации было два. Первый – подобрать подходящую медную трубку и лить пули, используя кусок трубки вместо тела, чтобы медный поясok ложился на нарезы. И второй – изготовить пулю полностью самому. Тогда нужно придумать, каким образом зажимать трубку под ровный конус, после чего заливать ее свинцом. Покупать такие дорогие боеприпасы Мишке даже в голову не пришло.

Размышляя таким образом, он поднял обе опустошенные сумки, сшитые из мягкой кожи, и, сравнив их со своей холщовой, задумчиво почесал в затылке. Его сумка, купленная в булочной для переноса выпечки, проигрывала по всем статьям. Две добытые явно были крепче и вместительнее, да и, чего греха таить, красивее. Вышитые бисером, с короткой бахромой по краю и прочным широким ремнем. Выбрав сумку получше, Мишка повесил вторую на гвоздик у двери и принялся складывать в выбранную тару все необходимое в тайге.

Уходить надолго он не собирался. Главное сейчас было определиться с направлением и просто с возможностью прочесть оставленные бандитами следы. Была бы собака, можно было бы идти сразу. А так, без подготовки, и смысла нет.

Перезарядив револьвер, он закинул на плечо винтовку и, выйдя во двор, направился к забору, где встретил бандитов. Присев на корточки, парень внимательно осмотрел следы на земле и, поднявшись, задумчиво посмотрел на тайгу, шумевшую в нескольких метрах от забора. Подставив под забор полено, он перемахнул на другую сторону и медленно двинулся по следам. Высохшая промерзшая трава ломалась под ногами бандитов, и заметить их путь было несложно.

Добравшись до того места, где бандит в темноте налетел на какое-то препятствие, Мишка невольно рассмеялся. Под забором лежал лемех от плуга. Не заметивший гнутую железку бандит крепко приложился об нее ногой. Похоже, дядька приготовил нужную в хозяйстве вещь на пропой и попросту забыл, где ее спрятал. Перебросив находку через забор, Мишка двинулся дальше.

Натоптанная бандитами тропка тянулась в ближайшие кусты. Спустя примерно час Мишка вышел на крошечную полянку, окруженную высокими кустами лещины. Не иди он по следу, так бы и прошел мимо, даже не обратив на эти заросли внимания. Обойдя поляну, парень понял, что именно здесь бандиты ждали нужного времени и, обнаружив выход с нее, принялся набивать сумку спелыми орехами.

* * *

Переложив все найденное в сундук, Мишка с довольным видом захлопнул крышку и, потянувшись, тихо проворчал:

– Запас штука полезная. Карман не тянет и сзади не беспокоит.

Его пробег по следу затянулся на сутки. Переночевав в тайге, на лапнике у небольшого костерка, он с рассветом двинулся дальше. Схрон парень обнаружил километрах в сорока от деревни.

Небольшой ручей звонко сбегал по каменистому дну в узкий длинный овраг. Остановившись на его краю, Мишка не спеша осмотрелся. В этом месте след обрывался. Но это не значило, что Мишка собирался возвращаться обратно несолоно хлебавши.

Бандиты явно шли вдоль ручья. Но как? Стены оврага были отвесными. Спуститься и подняться здесь можно было только по руслу ручья. Но это и опасно, и сложно. И сразу возникал вопрос: а к чему такие сложности? Овраг можно было легко обойти стороной. Уж кому-кому, а бандитам нет никакого смысла терпеть трудности и лишения воинской службы. Выходит, это делалось специально. Но для чего ровный спокойный след уводит в такую костоломную засаду? Или, наоборот, они сделали все, чтобы идущие следом за ними с той стороны были уверены, что оставленное не будет найдено?

Окончательно запутавшись в собственных выкладках, Мишка по камням перебрался на другой берег ручья и, встав на самом краю оврага, принялся осматривать его стену. Внимание парня привлекли заросли бузины. На влажных серых камнях, устилавших дно оврага, они выделялись ярким желтым пятном. Листва давно уже пожелтела, но не облетела. Ветра в овраге нет. Пройдя вдоль края десяток шагов, Мишка развернулся и принялся высматривать удобные для спуска камни.

Он вдруг понял, что ручей сбегает в овраг каскадом. И именно по этим каменным плитам запросто можно спуститься вниз. Повесив винтовку за спину, парень вернулся к краю оврага и принялся осторожно спускаться вниз. Торопиться в таком деле – однозначно ногу сломать. Так что двигался он не спеша, старательно нащупывая дорогу. Ледяная вода заставила его тихо ругаться и стучать зубами, но шагу он не прибавил.

Добравшись до кустов, Мишка выбрал сухой пяточок и, встав на него, принялся разуваться. Отжав штаны и вылив воду из сапог, развесил портянки на ветвях куста и, натянув сырые сапоги на голую ногу, принялся обходить пяточок земли. Чуть дальше, за большим валу-

ном, Мишка обнаружил стоянку бандитов. Кострище и десяток лежек из нарубленного лапника. Походив вокруг, парень убедился, что простояли они тут не менее трех дней, и, задумчиво хмыкнув, проворчал:

– Ну, и чего вы тут ждали? Погоды? Так она в это время всегда одинаковая. Нужной даты? Тогда почему так далеко? Хватило бы не дойти до станции трех-четырёх километров. Заодно бы и разведку как следует провели. Выходит, это было местом встречи? Тогда кого и с кем?

Так и не найдя ответов на свои вопросы, Мишка продолжил осмотр места стоянки. Устав и натерев босую ногу сырым сапогом, он уже хотел бросить это занятие, когда вдруг взгляд его зацепился за странную дыру под самой стеной оврага. Сделав шаг назад, Мишка убедился, что ему не померещилось, и, стараясь не терять дыру из виду, медленно двинулся к ней, держа ее на прицеле револьвера.

Места там было мало, так что разворачиваться с винтовкой было сложно. Аккуратно приклонив ее к ближайшему валуну, он присел на корточки и принялся осматривать каменистую землю вокруг этого странного провала. Вскоре мрачное лицо парня озарила торжествующая усмешка. Валун, которым провал был завален, не всегда тут лежал. Его подкатили и уложили так, чтобы каменюка что-то скрыла. Осталось выяснить, что именно. Пошарив вокруг, он не нашел ничего подходящего, что можно было использовать как рычаг.

Плюнув, Мишка присел рядом с камнем и, примерившись, обхватил его руками. Поднимать валун он не собирался. Достаточно было только сдвинуть его на полметра в сторону. Валун заскрипел и немного подвинулся. Отдышавшись, Мишка приложился еще раз и сдвинул камень еще немного. Так, раз за разом, он умудрился отодвинуть валун почти на метр. Присев перед открывшимся провалом, больше всего напоминавшим старое волчье логово, он всмотрелся в темноту и удивленно присвистнул.

В провале были аккуратно сложены какие-то ящики. Тут же нашлась и пара толстых жердей. Похоже, их специально срубили и принесли сюда. Судя по этим приготовлениям, данным схроном пользовались уже не раз. Почесав в затылке, Мишка кое-как протиснулся в дыру и, ухватив за ручку верхний ящик, вытащил его наружу. Откинув замки, он поднял крышку и тихо рассмеялся. Цинки с винтовочными патронами. Именно те, которые ему и нужны.

– Так, боеприпасами я пока обеспечен. А что в остальных ящиках?

С этими словами он полез за следующей тарой. Еще один ящик принес очередной сюрприз. Откинув крышку, Мишка чуть было не рванул куда подальше. В соломе ровными рядами лежал динамит. Именно такой, каким его показывали в разных вестернах его прошлой жизни. Там же нашелся моток бикфордова шнура. Помня, что динамит очень нестабилен, Мишка осторожно прикрыл крышку ящика и мрачно покосился вглубь провала.

Когда его глаза привыкли к темноте, он вдруг понял, что в самой глубине норы лежит еще что-то. Хмыкнув, Мишка отодвинул уже добытые ящики и полез внутрь. Новенький вещмешок, обычный солдатский сидор буквально трещал, когда парень вытягивал его наружу. Развязав горловину, Мишка принялся растягивать ее, уже примерно догадываясь, что именно обнаружит.

Так и получилось. Сидор был забит такими же мешочками с золотыми самородками, что он нашел в сумках бандитов.

Теперь перед ним вставала дилемма, как все это утащить. Немного подумав, парень понял, что даже если возьмет только золото, то не утащит такой вес. А были еще и патроны. Так что, вытряхнув мешочки на землю, он уложил в освободившийся сидор цинки с патронами, после чего сложил самородки в ящик.

Из ящика с динамитом он взял только одну шашку и весь шнур. Нужно было что-то, что стало бы доказательством его правоты. Набив ящик из-под патронов доверху, он задумчиво оглядел оставшиеся пять мешочков с золотом и, хмыкнув, проворчал:

– Не хотел, но, видать, судьба.

Уложив их в свою сумку, Мишка затолкал ящики обратно в провал и, подхватив жердь, принялся задвигать валун обратно. Сунув жердь в дыру, он закинул сидор на плечи и, подхватив винтовку, зашагал вверх по течению ручья. Выбравшись из оврага, он снова слил воду из сапог и, отжав штанины, намотал на ноги подсохшие портянки. Теперь, когда отслеживать каждую травинку не было нужды, он планировал добраться до дому гораздо быстрее.

Так и получилось. К вечеру он уже входил в свой дом. Тетка, едва завидев его, принялась причитать и охать, но получив указание заняться ужином, тут же унеслась.

– Тетенька, вы убираться или полетели куда? – проворчал удивленный ее скоростью Мишка, глядя на хлопнувшую дверь.

Воспользовавшись моментом, он переложил патроны из сидора в сундук, а все добытое золото решил перепрятать вне дома. Перекидав мешочки в сумку, он пересел к столу, когда в дом ворвалась тетка и, бухнув на стол горшок с молоком, всхлипнула:

– Мишенька, ты прости меня, дуру старую, да только не готовила я ничего. Ты ушел и слова не сказал, я уж все глаза проглядела – проплакала, тебя ожидаючи...

– Тихо, мама Глаша, – поморщился Мишка. – Молоко вон есть, хлеба кусок подай, и хватит. Мне еще в участок бежать. Я ж не просто так в тайгу ходил. Нашел я, где бандиты прятались. Так что дело не закончено.

– Ой, сынок! Да что ж ты так неосторожно-то?! А если б был там кто? – снова завелась тетка.

– Мама Глаша, – вздохнул парень. – Ты мне хлеба дай и голосить перестань. Я вернулся. Живой, здоровый, да еще и с вестями. А был бы кто, так разобрался бы. Нашла чего бояться. На охоте и то опасней бывает.

Продолжая вздыхать, тетка отрезала от свежего каравая толстую краюху и, положив ее на тряпицу, подвинула к парню. Ощувив запах свежего хлеба, Мишка сглотнул набежавшую слюну и впился зубами в краюху. Быстро поев, он отдал кружку тетке и, подхватив с лавки сумку с доказательствами, сказал, направляясь к двери:

– Я сейчас к начальству, сколько пробуду, не знаю. Меня не жди. Спать ложись.

Быстро шагая темными улицами, Мишка добрался до участка и удивленно хмыкнул, увидев светящимися почти все окна. Похоже, налет стал очередным камнем, брошенным в осиное гнездо.

– М-да, лошадь уже увели, но конюшню решили запирать, – хмыкнул Мишка, отворяя дверь участка. – Посмотрим, как вы сейчас забегаете.

Поднявшись на второй этаж, он добрался до двери в кабинет, где заседал урядник, и, постучавшись, толкнул дверь, не дожидаясь ответа. Увидев Мишку, урядник удивленно хмыкнул и, расправляя усы, спросил:

– Ты по делу, или как?

– Сами решайте, Николай Аристархович, – пожал Мишка плечами, выкладывая на стол динамитную пашку и мешочек с самородками.

– Где взял? – спросил урядник, едва увидев его добычу.

– Схрон их нашел. Они там дня два или три стояли.

– И много там такого добра?

– По ящику того и другого. Вот вам и причина взрыва у инженера.

– Хунхузы?

– Может, и они. А может, подбили кого. Золото, штука такая. Любому глаза застит.

– Это да, – мрачно кивнул урядник и, подхватив его добычу, скомандовал: – Тут сиди. Я скоро.

Спустя пять минут за парнем прибежал молодой полицейский и, едва не подпихивая в спину, повел куда-то вглубь коридора.

«К начальству ведет, – понял Мишка. – Похоже, майор решил взять дело под личный контроль, вот народ и суетится».

Войдя в кабинет, Мишка с ходу приметил и свою добычу на столе у майора, и стоящего навтыжку у стола урядника. Майор с мрачным видом рассматривал динамитную шашку. Мундир его был расстегнут, а судя по покрасневшемуся лицу, неприятности он предпочитал заливать, и желательно молочком из-под бешеной коровки. Увидев парня, майор вздохнул и, ткнув пальцем в шашку, спросил:

– Говоришь, там такого ящик?

– Так точно, ваше благородие. Я специально только одну штучку взял. Чтобы показать. И вот еще, все что было, забрал, – добавил он, выкладывая перед ним моток бикфордова шнура.

– Молодец. Сообразил, – одобрительно кивнул майор. – Значит, ящик динамита и ящик золота. Так?

– Так. Ящик из-под английских патронов – с золотом. Все мешочки одинаковые. Похоже, где-то готовый к перевозке товар взяли.

– Верно, – мрачно кивнул майор. – В тридцати верстах вниз по реке артель старателей выбили. Никто живым не ушел. Оттуда это золото. Ты там все осмотрел?

– Что смог, – пожал Мишка плечами.

– И что думаешь?

– О чем, господин майор? – удивленно уточнил Мишка.

– Обо всем. Говори, не бойся. Ты, похоже, больше всех нас обо всем этом деле знаешь.

– Стояли они там два или три дня. А раз старателей побили, выходит, пришли двумя группами. Одна с динамитом была раньше. Вторая большая группа бандитов пришла позже. По дороге на прииск нарвалась. Золото прихватили, и когда встретились, решили его в том овраге спрятать. Думали, налет проведут и на обратном пути прихватят. Не думали, что их тут так ласково встретят.

– Сообщает, – бледно усмехнулся майор уряднику, кивнув на Мишку.

– Осмелюсь доложить, ваше благородие, я его давно приметил. Потому и к себе тянул. Что ни говори, а лучший следопыт в поселке, – бодро отрапортовал урядник. – И славу свою, сами видите, подтвердил. Мы всю округу прочесали, и пусто. А он за два дня обернулся и с вестями.

– Оно вроде и верно. Только что нам с теми вестями делать? – мрачно вздохнул майор.

Услышав эти слова, парень едва сдержался, чтобы не назвать майора дураком. Потом, покосившись на урядника, он глазами ему указал на дверь. Тот, чуть кивнув, щелкнул каблуками и молодецки вытянувшись, спросил:

– Ваше благородие, дозволейте мне с парня полный допрос снять. А потом я вам свои соображения доложу, ежели изволите.

– Ступай, голубчик. Ступай, – очнувшись от размышлений, закивал майор.

* * *

– Рассказывай, чего удумал, – потребовал урядник, едва они оказались на улице.

Заводить подобный разговор в участке Мишка не хотел. Тема была слишком уж скользкой. Чуть подумав, парень тяжело вздохнул и, заложив большие пальцы рук за пояс, негромко сказал:

– У того оврага нужно бы засаду устроить.

– Зачем? Думаешь, не всех тут положили? – тут же вскинулся урядник.

– Есть у меня такая думка, что это была просто разведка. А динамит они собирались в другом месте заложить.

– Где? – тут же последовал вопрос.

– Я не военный, Николай Аристархович, но думаю, что взорвать они хотели там, где сложнее всего восстанавливать. Ну, сами подумайте. Взорвали они железку. И что? Мужики поматерились, за несколько дней шпалы – рельсы переложили, и поезда снова пошли. А если не путь, а мост взорвать? Тут уж матом да неделей работы не обойдешься. Да и много это – ящик динамита на две колеи. Там по паре шашек под каждую рельсу за глаза.

– А если не придут? Если прознают, что первую банду положили уже? – не сдавался урядник. – Просто так людей в тайге держать будем? Да и, честно сказать, думаю, уже прознали, – закончил он, удрученно махнув рукой.

– У вас на складе какое старое ружье найдется? – подумав, спросил Мишка.

– Зачем тебе? – не понял урядник.

– Все равно туда идти. Так я обрез у того ящика навроде самострела насторожу. Если дернет кто, там и останется.

– А справишься? – задумчиво уточнил урядник.

– Там работы на полчаса, – отмахнулся Мишка. – Главное, обрез заранее приготовить.

– Будет, – хищно усмехнувшись, пообещал урядник. – Ты пока домой ступай. А мне еще с начальством решать, как всю эту историю генерал-губернатору расписать.

– А чего тут мудрить? – не понял Мишка. – Берем людей, идем в овраг, золото забираем, а динамит оставляем. Я самострел поставлю, а золото сюда принесем. А губернатору отписать, что банду отловили и отряд полиции по следам при помощи следопыта, – тут Мишка ткнул в себя пальцем, – добрался до места их стоянки. Там все обыскали, и схрон с золотишком нашли. А потому как люди у вас достойные служат, то золото они в поселок принесли и голове сдали. Ну, а бандитов судить собираетесь.

– Ловко, – рассмеялся урядник. – Неужто отведешь к золоту?

– Себе его точно не возьму. Кровь на нем, – заявил Мишка, решительно тряхнув головой.

– Молодец! – с довольным видом кивнул урядник, хлопнув его по плечу. – А раз так, готовься завтра по первому свету людей вести. Пятерых тебе выделю. Они и обрез принесут. И патронов к нему с ними пришлю.

– Готов буду, – кивнул Мишка.

Урядник скрылся за дверью участка, а Мишка, настороженно оглядевшись, зашагал домой. Нужно было подготовиться к очередному выходу в тайгу. Дома он успокоил всполошившуюся тетку, попросив приготовить на утро сухарей, соли и пару кусков вяленого мяса. Охотиться по пути – это заранее объявить о своем присутствии. Их задачей было тихо прийти, подготовить ловушку и так же тихо уйти.

Вспомнив, что утро вечера мудренее, Мишка умылся и завалился спать. Проснулся он с первым криком соседского петуха. Самая горластая сволочь во всей деревне. С этой мыслью он спихнул себя с теплой лежанки и поплелся умываться. Пока он плескался и пытался окончательно проснуться, Глафира успела подоить корову, и парень, вернувшись в дом, с удовольствием напился парного молока с очередным куском хлеба.

Быстро позавтракав, он достал из сундука пару своих новосделанных патронов и, проверив, все ли уложил в сумку, вышел на улицу, прихватив трофейную винтовку.

Четверых полицейских под командой седоусого десятника он увидел еще на подходе. Выйдя со двора, он вежливо поздоровался со всеми и, уточнив, что вещмешки есть у всех, быстро повел группу за деревню.

Теперь, когда в настороженности не было особой необходимости, Мишка шагал по знакомым уже местам быстро, не всматриваясь в тропу. Но не забывал внимательно поглядывать по сторонам. Хунхузы, хоть и бандиты, но тайгу хорошо знают, и засаду устроить им как два пальца о брусчатку. Именно это он и сообщил своим спутникам, едва только группа вошла в тайгу. Так что полицейские шли за ним след в след, зорко посматривая по сторонам.

Урядник не поскупился, выделив для этого дела самых молодых и крепких бойцов с десятником, имевшим серьезный авторитет. Сам десятник, очень впечатленный умениями Мишки в стрельбе, слушал парня внимательно, без всяких экивоков, молча признавая его главенство на этом выходе. Тайгу парень знал лучше всех них вместе взятых.

До места они добрались уже к вечеру. Остановившись на краю оврага, Мишка огляделся и, повернувшись к седоусому, тихо сказал:

– Одного по этой стороне, другого по той, на полсотни шагов вдоль оврага. Пусть по сторонам внимательно посматривают.

– Опасаешься чего? – насторожился десятник.

– Есть у меня мысль, что сюда еще раз прийти могут. Не могли они тот динамит сюда просто так принести. Так что береженого бог бережет. А небрежного конвой стережет, – закончил Мишка, и бойцы дружно заулыбались немудрящей шутке.

Одобрительно качнув головой, десятник тихо назвал две фамилии, и названные, сняв с плеча винтовки, поспешили в указанные места. Глядя, как полы их шинелей хлещут по ветвям кустарника, парень вздохнул и, не удержавшись, проворчал:

– Ну ведь знали, куда шли, нет чтобы нормально одеться. На кой хрен тут форму одежды соблюдать?

– Моя вина, Миша. Я не подумал, – смущенно проворчал десятник.

– Ладно, чего ж теперь, – отмахнулся Мишка. – Подбирайте свои шинели, и пошли за мной. Только осторожно. Камни скользкие, ногу сломать проще, чем стакан воды выпить.

Ободренные таким его напутствием, полицейские закинули винтовки за спины и, подбрав полы шинелей повыше, осторожно двинулись следом за ним. Мишка, помня свой прошлый спуск, двигался уверенно, но не спеша. Ледяная вода давно уже залилась в сапоги, и холод начал пробираться шедших до костей, но парень не останавливался. Только выбравшись на сухой участок, он позволил полицейским вылить воду из сапог и отжать штаны с портянками.

Доведя группу до схрона, Мишка сунул руку в дыру и, достав оттуда пару жердей, велел отодвинуть валун. Пока полицейские пытели, он достал из сумки переданный ему десятником обрез и, переломив его, достал из ствола патрон. Десяток таких же ему с десятником передал урядник, но у Мишки не было в них полной уверенности. Но это был обрез одноствольного куркового ружья шестнадцатого калибра, так что взятые с собой свои патроны к нему не подходили.

Подумав, Мишка вздохнул и, присев на ближайший камень, принялся разбирать два полученных патрона. Оба оказались картечными. Парня это порадовало. Оставалось сделать из этой пары настоящий запал. Увидев, что валун уже отодвинут, Мишка позвал к себе десятника и, кивая на провал, посоветовал:

– Верхний ящик скажи, чтобы снимали очень осторожно и тащили сюда. А второй, когда все переложите, камнями набейте.

– Зачем?

– Золото – оно тяжелое. Если полезут и сразу нижний ящик дернут, могут насторожиться. Так что пусть думают, что все лежит, как оставлено.

– Хитро, – одобрительно кивнул десятник и принялся командовать.

Разложив мешочки с золотом по вещмешкам, десятник проследил, как его подчиненные задвинули пустой ящик обратно и принялись набивать его камнями. Сам же он в это время, по указанию парня, достал из-за голенища нож и принялся сверлить боковую стенку ящика с динамитом.

Мишка, разобрав оба патрона, ссыпал из них картечь и, пересыпав порох в одну гильзу, принялся заталкивать в патрон плотный пыж. Потом, вложив в гильзу пять картечин, он утрамбовал их пальцем и, заткнув гильзу пыжом, достал из сумки огарок восковой свечи.

– А это зачем? – не сдержал любопытства десятник, ткнув пальцем в свечу.

– Пыж воском залить надо. Тут низина, ручей рядом. Место сырое. Так воск порох от сырости сохранит.

– Вона как?! – удивленно протянул седоусый. – Ну и ловок ты, Мишка.

– Охотой живу, потому и знаю, – усмехнулся парень, чиркая кресалом и поджигая огарок.

Быстро залив пыж воском, он вставил патрон в обрез и, убедившись, что десятник просверлил в ящике дырку, полез в провал. Вбив у дальней стены колышек, парень привязал к нему кожаный шнурок и выбрался наружу. Прикрутив обрез к боковой ручке ящика так, чтобы ствол вошел в просверленное отверстие, он с помощью парней затащил ящик в провал и, выгнав их, принялся прикручивать шнурок от колышка к спусковому крючку. Последним действием взведя курок обреза, он аккуратно выбрался из провала и, отдышавшись, махнул рукой:

– Заваливайте.

Полицейские жердями подвинули валун обратно, и Мишка, засунув жерди обратно в дыру, внимательно осмотрелся. С первого взгляда было заметно, что тут кто-то ковырялся. Отправив полицейских к выходу из оврага, он вытащил из брошенной бандитами подстилки еще не осыпавшуюся лапу и принялся заметать следы. Потом, подобрав у ручья несколько крупных камней, он разбросал их так, чтобы любому было понятно, что лежат они тут давно. Полюбовавшись на дело своих рук, Мишка поспешил за своими спутниками.

Собрав часовых, они зашагали обратно. Ночевать им придется в тайге, но делать это рядом с такой миной Мишка не хотел. Взрыв ящика динамита снесет стену оврага и наверняка перекроет ручей. Потом тот, конечно, пробьет себе новое русло, но перед этим в овраге появится новое небольшое озерцо.

К вечеру, едва начало смеркаться, Мишка выбрал подходящее для ночлега место и, не оглядываясь на попутчиков, принялся рубить лапник. Быстро приготовив шесть охапок, он вернулся к биваку и, заметив уже собранный хворост, одобрительно кивнул. Ножом вырезав дерн, он быстро выкопал ямку и развел костерок. Один из полицейских сбегал к ручью, и вскоре над огнем висел большой котелок. Готовить они не собирались. Бросив в закипевшую воду горсть чая, Мишка принялся выкладывать из сумки припасы, собранные ему теткой.

Полужинав, десятник распределил дежурства и, растянувшись на лапнике, достал из кармана кисет. Бросив на него быстрый взгляд, Мишка мысленно скривился, но промолчал. В тайге запахи разносятся далеко, но даже если в овраге появятся бандиты, заметить что-то им будет сложно. От схрона они ушли верст на десять. Напомнив полицейским при любой нештатной ситуации будить его, парень положил винтовку под бок и, поплотнее завернувшись в кожу, моментально уснул.

Спал Мишка по-волчьи. Откуда взялась такая способность, он так и не понял, но умение оказалось полезным. Его не беспокоил обычный таежный шум и шорох. Но стоило только кому-то из полицейских неосторожно брякнуть антабкой винтовки, как парень тут же поднимал голову и осматривался. Убедившись, что все в порядке и дежурный бдит, он снова так же легко засыпал. К своему собственному удивлению, проснулся он как следует отдохнувшим и выспавшимся.

Полицейские уже принялись собирать хворост, чтобы развести костер и попить чаю перед дорогой, когда со стороны оврага раздался тяжкий грохот. Земля содрогнулась, а над тайгой поднялся бурый земляной куст.

– Твою мать! – охнул Мишка, вскакивая на ноги и глядя в ту сторону.

– Это что, мина твоя так рванула? – растерянно спросил десятник.

– Больше нечему. За мной, – скомандовал Мишка и, подхватив вещи, рысью помчался к оврагу.

– Мишка, стой, – осадил его десятник. – Нельзя нам туда. Задерживаться нельзя. Начальство приказало золото первым делом в управу доставить.

- Давай мне одного из своих, и идите. Мы догоним, – подумав, кивнул Мишка.
- Семен, давай мешок сюда, а сам под команду Михаилу поступаешь. И смотри мне, как родную маму чтобы слушаться, – добавил десятник, показав тому жилистый кулак.
- Не извольте беспокоиться, господин десятник, – вытянулся молодой полицейский. – Все сделаю, как скажет.
- Пошли, сынуля, – фыркнул Мишка и, взяв винтовку в руку, легко побежал вперед.

* * *

– М-да, новое озеро нам теперь обеспечено, – протянул Мишка, осматривая место взрыва.

Ну как место... В овраг теперь было не спуститься. Небольшой, но быстрый ручей уже почти наполовину заполнил образовавшийся котлован. Стена, в которой была заложена мина, обрушилась и перекрыла русло высоким завалом. Случилось то, что парень и предполагал. Пройдя вдоль оврага по самому его краю, они добрались до места взрыва, и Мишка, рассмотрев на его дне пару тел, злорадно хмыкнул. Пришли.

– Зря урядник меня не послушал. Сейчас бы с очередным «языком» были, – усмехнулся парень, показывая полицейскому на тела бандитов, точнее на то, что от них осталось. – Похоже, пришли уже по темноте, и с ходу в схрон сунулись. Вот оно и рвануло, – пояснил он, медленное смещаясь в сторону, чтобы хотя бы примерно пересчитать бандитов. – Рыл пять было, не...

Договорить он не успел. За его спиной, в кустах, раздался еле слышный стон. Моментально сорвав с плеча винтовку, Мишка сделал шаг в сторону, опускаясь на одно колено. Не услышавший стопа полицейский, увидев маневр парня, ничего не понял, но за оружие схватился, то и дело удивленно поглядывая на то на тайгу, то на Мишку.

– Там, – указал парень стволом винтовки в нужную сторону. – Кусты лещины видишь? Держи их на прицеле, а я стороной обойду, – тихо приказал он и принялся осторожно обходить нужное место.

Его тело, словно вспомнив все наработанные умения, начало двигаться так, что ни одна ветка не шелухнулась. Такой прыти Мишка и сам от себя не ожидал, но отметил это только краем сознания, продолжая контролировать кусты. Заметив небольшую прогалину в зарослях, парень осторожно скользнул в нее и, чуть высунувшись из кустов, увидел лежащее на животе тело. Рядом с человеком валялась английская винтовка.

Чуть усмехнувшись, Мишка закинул свое оружие за спину и, подобрав винтовку неизвестного, откинул ее в сторону. Потом, достав из сумки очередной кусок кожаного шнура, принялся вязать бандиту руки. Сняв с него все, что только можно было, он выпрямился во весь рост и окликнул напарника. Полицейский, проломившись сквозь кусты, увидел пленника и, разведя руками, протянул:

- Ну, Миша, удивил. И как только нашел?
- Стонал он. Вот на звук и шел, – отмахнулся Мишка. – Давай вытащим его отсюда и в чувство приведем. Не на себе же это дерьмо тащить.
- Это верно. На себе не хочется, – усмехнулся полицейский, хватая тело подмышки и вздергивая его на ноги.

К удивлению Мишки, бандит хоть и покачивался, словно крепко пьяный, но на ногах устоял. Обойдя его, Мишка всмотрелся в лицо пойманного и задумчиво проворчал:

- Похоже, если сам не пойдет, тащить все-таки придется.
- Чего так? – не понял полицейский, пытаясь заглянуть пленнику в лицо.
- Он очень на одного из уже пойманных бандитов похож.
- Неужто тоже японец?! – сообразил парень.
- Угу. Похоже, – мрачно кивнул Мишка.

– Ну, значит, потащим, – решительно заявил полицейский и поволок пленника к краю оврага.

«Жилистый», – мелькнула у смотревшего на это действие Мишки мысль.

Подхватив все снятое с бандита, он поспешил следом, попутно извлекая патроны из винтовочного магазина и из снятой с него сумки. Выйдя к ручью, они быстро напоили арестованного и, пару раз плеснув ему физиономию ледяной водой, немного привели в чувство. Увидев перед собой славянские лица, пленник скривился и тихо зашипел сквозь сжатые зубы.

– Чего это он? Змею, что ли, изображает? – не понял полицейский.

– Нет. Выругаться хочет, да боится в языках запутаться, – усмехнулся Мишка. – Конитива, господин самурай.

Не ожидавший таких слов пленник невольно вздрогнул. Мишке этого оказалось достаточно. Понимаяще усмехнувшись, он достал из сумки очередной кусок кожного шнура и, обмотав его середину куском отхваченного от полы куртки, соорудил кляп.

– Зачем? – не понял полицейский.

– Если он и вправду самурай, может язык себе откусить. У них в плен попасть – позор, – пояснил Мишка и, подняв пленника, толчком направил его в нужную сторону.

– Это как же там твоя мина рванула, если его из оврага выбросило?! – вдруг спросил полицейский.

«Неужто тебя, дурака, не учили язык за зубами держать!» – раздраженно подумал Мишка, но, сдержавшись, ответил:

– Он не в овраге был. Простых бандитов отправил ящики из схрона достать, а сам по верху пошел. Специально. Знал, что динамит штука опасная, но не думал, что там такой сюрприз приготовлен.

– Чего приготовлено?

– Подарочек неожиданный.

– Это откуда ж у тебя такие словечки?

– Книжки всякие люблю. И слушать умею, – вывернулся Мишка.

– Ты ж вроде охотник. Откуда время на книжки? – не унимался полицейский.

– А чего еще зимой делать? Особенно если запуржит. Вот и занимал себя, чем придется.

– А книжки где брал?

– Да когда как. У кого что найду, то и читаю. Ты меньше языком молоти и по сторонам поглядывай. Если один поверху шел, может и второй найтись, – сместил он внимание полицейского.

– А чего ж раньше-то молчал?! – всполошился тот. – Нужно ж вернуться да поискать.

– Ага, найдешь ты его, как же! Если он на другом краю оврага стоял, то под взрыв не попал и давно уже пятки салом смазал. Да и двоих тащить опасно. Мало нас. А это звери такие, что чуть зазеваешься, тут же в глотку вцепятся.

– Это да. Хунхузы те еще звери, – мрачно протянул полицейский.

Дальше они шли молча. Выйдя к месту их ночевки, Мишка задумчиво покосился на темнеющее небо и, вздохнув, скомандовал:

– Тут заночуем. С первым светом дальше пойдем. Этому ноги спутай и глаз не спускай. А я пока хворосту соберу. Хоть чаю горячего попьем.

Быстро соорудив костерок, парень достал из вещмешка напарника котелок и, сходяв за водой, подвесил его на рогульку. Всыпав в закипевшую воду горсть чая, он поставил его настаиваться и принялся вынимать из сумки съестное. Быстро поужинав, он вынул изо рта пленника кляп и, сунув ему в зубы кусок сухаря, поднес кружку с чаем, негромко велел:

– Жуй и запивай. А начнешь ерепениться, руку сломаю. У меня к хунхузам свой счет.

– Ты же знаешь, что я не китаец, – ответил пленник, хрустя сухарем. – Сразу это понял. Я видел.

- Такого Мишка не ожидал. Говорил пленник по-русски очень чисто и почти правильно.
- Я предполагал, но не был уверен, – помолчав, нехотя ответил парень, вкладывая пленнику в рот очередной кусок сухаря.
 - Ты сам сказал, что у вас есть пленник, очень похожий на меня. Это правда?
 - Да. Это твой брат?
 - Да, – последовал неохотный ответ.
 - Вы оба офицеры японской разведки? – сделал Мишка очередное предположение, и внимательно слушавший их разговор полицейский тихо охнул.
 - Глупо отрицать, – кивнул пленник.
 - Задача была взорвать мост через реку, чтобы отсечь Дальний Восток от европейской части страны?
 - Ты слишком молод для разведки, а твой друг сказал, что ты охотник. Откуда знаешь? – вместо ответа спросил пленный.
 - Думать умею. Сколько еще таких групп и где должны произойти взрывы?
 - Не знаю, – качнул пленник головой. – Приказ мы получали по отдельности.
 - Может быть, может быть, – задумчиво протянул Мишка.
 - А чего это он такой откровенный? – вдруг спросил полицейский.
 - А чего он тебе сказал такого, что мы и сами не знаем? – повернулся к нему Мишка. – Да и понимает, что начнет упрямиться, может и до поселка не дойти. У них в стране порядки особые. В бою умереть честь. Позор кровью смыть, себя убив, честь сохранить. А бездумно сдохнуть и оказаться брошенным на съедение зверью – позор. Как-то так.
 - Что, и вправду себя убивают? – не поверил полицейский.
 - Да. У них это называется обряд сепукку. Опозоренный себе живот специальным кинжалом режет слева направо, а его лучший друг, или тот, кого он сам попросит, после того ему голову срубает.
 - Что, вправду сам себя режет? – охнул полицейский. – Это ж жуть, как больно.
 - Честь дороже, – пожал Мишка плечами. – Самураев этому с детства учат. Что ни говори, а они воины. Не солдаты, а воины. Службой живут, со службы кормятся.
 - Откуда ты знаешь наши обычаи? – спросил внимательно слушавший его пленник.
 - Нашлись добрые люди, рассказали, – усмехнулся Мишка. – И про сепукку, и про хакари. И про то, что перед главным действием истинный самурай должен провести чайную церемонию, написать последние стихи и только потом все закончить.
 - Слушая тебя, не удивлюсь, если ты скажешь, что знаешь нашу поэзию, – удивленно проворчал японец.
 - Только несколько переводов, – качнул Мишка головой. – На русском ваши танка звучат не так. Но про «Книгу пяти колец» слышал.
 - Поверить не могу, – покрутил пленник головой и невольно скривился.
 - Голова болит? – понимающе уточнил Мишка.
 - Угу, – отозвался японец.
 - Терпи. Тут я тебе ничем помочь не могу.
 - Знаю. Скажи, почему ты хунхузов не любишь? – спросил пленник, переждав приступ боли.
 - Они всю мою семью убили. В том налете один я выжил, и то случайно. С тех пор у тетки живу. Так что прихвостней ваших буду стрелять и резать до последнего. За родителей моих и сестру малую. Где только увижу, – жестко закончил Мишка.
 - Я всегда говорил, что использовать этих глупцов в серьезных делах нельзя, – скривился пленник. – Слишком плохая память о них у вас. Сразу настораживаетесь, как только банда где-то появляется. Как ты сделал взрыв?
 - А с чего ты решил, что это я?

– Он много говорит, а я умею слушать, – кивнул японец на полицейского.
– Самострел в ящике насторожил. Твои бандиты ящик дернули, он и сработал, – коротко пояснил Мишка, не вдаваясь в технические подробности.
– Ты непростой охотник, – помолчав, вдруг заявил японец. – Слишком умный.
– Ну да. Гайдзины все глупые и грязные, – не удержавшись, фыркнул Мишка.
– Откуда ты знаешь это слово? – тут же последовал вопрос.
– Оттуда же, откуда и все остальное, – пожал парень плечами. – Люди говорили, а я внимательно слушал.
– Какие люди? Чтобы знать такие вещи, человек должен был сам побывать в моей стране. А таких немного.

– На каторге разные люди встречаются, – напустил Мишка туману.
– Возможно, – подумав, осторожно кивнул пленник.
– Тебя как звать-то, красавец? – вдруг поинтересовался полицейский.
– Анукуто Уро.
– А брата твоего? – быстро спросил Мишка.
– Миямото Уро.
– Тезка со знаменитым автором, – бездумно проворчал Мишка, и пленник растерянно зашипел:
– Ты знаешь, кто написал «Книгу пяти колец»?!
– Миямото Мусаси. Человек, придумавший боккэн.
– Ты не человек! Ты лисица! – вдруг оскалившись, зашипел японец.
– С чего ты взял, что я оборотень? – растерялся парень, и тут же мысленно назвал себя последним идиотом.

Увлечшись, он умудрился раскрыться и перед японцем, и перед наострившим уши полицейским. Быстро прокрутив в памяти все вопросы и ответы, прозвучавшие в этом разговоре, Мишка немного успокоился. Про знающего каторжника он вовремя вернул. Заметив, что пленник смотрит на него с нескрываемым подозрением, он зевнул, перекрестил рот и, махнув рукой, скомандовал:

– Все, я спать ложусь. Ты его пока карауль, а как полночь минет, разбудишь, – скомандовал он полицейскому и, улегшись на лапник, моментально уснул.

* * *

В поселок они вернулись через сутки после основной группы. Урядник, едва услышав, что ловушка сработала и оставшиеся привели еще одного пленника, приказал закладывать пролетку и прямым ходом помчался к тому месту, где их появление заметили. Подкатив к окружившей следопытов толпе, толстяк командным рыком разогнал зевак и, приказав всем троим садиться, растерянно посмотрел на Мишку.

– Получилось, Николай Аристархович, – улыбнулся парень. – И ловушка сработала, и японца живым взять удалось.

– Откуда знаешь, что японец? – моментально сделал стойку урядник, явно не ожидавший услышать такое.

– Сам сказал, – пожал Мишка плечами. Молодой полицейский только утвердительно кивнул.

– С чего это он вдруг сознался? – не понял урядник. – Тот, первый, еще упирается.

– Контуженным попался, вот и разговорили, – усмехнулся Мишка. – Ничего. Первый, когда этого увидит, тоже сознается. Братья. Родная кровь не водица. Только с ним поосторожнее. По-нашему шпарит, от иного местного не отличишь.

– Понимают, значит, – мрачно кивнул урядник, расправляя усы. – Сейчас в участок. Нужно с вас полный допрос снять. Ну а потом уж своими делами зай метесь.

– Как прикажете, ваше благородие, – быстро закивал полицейский.

Мишка в ответ только кивнул. Да и чего тут было говорить. Дело это не личное и касается безопасности не только станции. Помня о приближающейся вой не, парень уже всю голову сломал, как донести до начальства известие о том, что должно случиться. Но любая попытка хоть как-то передать подобную информацию окажется для него фатальной. Хотя это не самое страшное. Самое неприятное, что все эти попытки будут обречены на провал. Никто не станет слушать простого деревенского мальчишку, да еще и контуженого. Это не древние времена, когда к любым видениям относились серьезно. Нынешние времена считались уже просвещенными, и в моде были другие предсказания. Что-то вроде столоверчения или чего подобного. В общем, куда не кинь, везде клин.

Вот и сейчас, сидя в пролетке, Мишка задумчиво оглядывал окрестности, прокручивая в уме самые разные варианты передачи информации. Но ничего умного в голову не приходило. Подкатив к участку, пролетка остановилась, и седоки принялись выгружаться, когда у станции задался паровозный гудок и урядник, глянув в ту сторону, вздохнул:

– Литерный. Без расписания идет.

Спрашивать, откуда он это знает, было глупо. Вся округа жила у железной дороги, с нее кормилась и, само собой, знала расписание движения поездов наизусть. Они вошли в здание и поднялись в кабинет урядника. Усевшись за стол, толстяк утер лицо платком и махнул остальным рукой:

– Садитесь, в ногах правды нет.

Пленного они еще на входе сдали дежурному, который со зверской миной поволок его в подвал. Мишка с напарником расселись, и урядник, устало вздохнув, негромко скомандовал:

– Рассказывай, Михаил, как оно все было.

Внимательно выслушав его рассказ, он покосился на своего подчиненного и, покачав головой, проворчал:

– И как только у тебя это получается? Ведь как знал, что придут. С того динамита как взбесился.

– Ничего я не знал, Николай Аристархович, – вздохнул Мишка. – Думал просто. Всякие пути просчитывал. Это ж как зверя скрадывать. Он даже к водопою без опаски не подойдет. Сначала понюхает все, послушает, а уж потом пить станет. Да и то в любой миг удрать готов.

– Слушаю тебя, Мишка, и все больше верю, – вздохнул урядник.

– Во что? – не понял Мишка.

– Что нужно всех моих подчиненных тебе в науку отдавать. И стрелять научатся, и головой думать.

– Шутить изволите, Николай Аристархович? – бледно усмехнулся парень.

– Да какие уж тут шутки? Всем нос утер. Как перед уходом разложил, так оно все и вышло.

– Так оно же все на поверхности лежало. Просто у вас думы другие были, вот и не разобрались, – развел Мишка рукам.

Урядник тряхнул головой, собираясь что-то ответить, но не успел. Дверь без стука распахнулась, и в кабинет ввалился майор в сопровождении трех человек в полумоенной одежде.

– Извольте, господа, – растерянно улыбаясь, сообщил майор. – Вот мой урядник, который непосредственно руководил полицией во время нападения. А вот это наш следопыт. Он-то золото и вернул.

– Благодарю вас, господин майор. Более не смеем задерживать, – кивнул старший из вошедших, и майор, растерянно кивнув, исчез за дверью.

«Твою ж маман! Это еще кого принесло? Военная разведка? Так ее вроде в это время у нас толком и не было. Жандармы? Так те обычно в форме ходили. Хотя чего это я? Тут не мой мир, и хрен его знает, как тут у них все устроено? Но мужички непростые. С первого взгляда видно, что волчары те еще. Движения плавные, точные, а руки жилистые. Сразу видно, что не только пером воюют. С такими лучше помолчать. Здравее будешь».

Между тем вошедшие молча расселись у стола, и старший, окинув собравшихся внимательным взглядом, тихо спросил, повернувшись к уряднику:

– Кто первым японца приметил?

– Он, – коротко кивнул урядник на Мишку.

– Почему решил, что он японец? – повернулся мужик к парню.

– Трудно объяснить, – вздохнул Мишка, судорожно ища выход из ситуации. – Другой он. На первый взгляд вроде такой, как все, а присмотришься, другой. И лицом, и смотрит по-другому, и одежда опрятнее, и чистый.

– Чистый? Это как? – тут же последовал вопрос.

– Ну, в тайге по этому времени особо не помоешься, потому хунхузы все пахнут. А от этого запаха, почитай, и не было. Я специально ближе подошел.

– Интересно, – задумчиво протянул старший, покосившись на своих сопровождающих. – А как решил по следу идти? Почему решил, что это не вся банда?

– Господин урядник еще седмицу назад говорил, что на станцию напасть собираются. По первому снегу. А я не поверил.

– Почему? – тут же, словно удар хлыста, прозвучал вопрос от одного из двух других мужчин.

– Хунхузы – они кто? – повернулся к нему Мишка. – Бандиты. Им налететь, ограбить и удрать. И зачем они станут на станцию нападать? Железо от провозов им без надобности. Тяжелое, и денег за него много не возьмешь. А самое главное, снег – это след. Тем более от банды. В поселке каждый второй охотник, и пройти за бандой по такому следу для них плевое дело. Вот и скажите мне, зачем бандитам так рисковать, и при этом без добычи? Что это за бандиты такие?

– И что надумал? – спросил старший из троицы, с интересом слушавший рассуждения парня.

– Отвлечь они нас хотели. Вот я и подумал, отчего? Что они хотят сделать такого, и главное, где? Когда банду взяли, я специально стал все их сумки обыскивать. Ничего. Выходит, нас отвлекали. Ну не пойдут хунхузы на глупый налет, который им жизни стоить будет, бесплатно. Не тот народ. Вот и получается, что пока одни головы под пули подставляли, другие где-то что-то делать должны. Осталось решить, кто и где. Вот я по следу и пошел.

– То, что нашли золото и динамит, мы знаем. Теперь расскажи, почему хотел там засаду устроить. И как до мины додумался?

– Так потому и додумался, что понял, не станция их целью была. А когда динамит увидел, сразу сообразил, что взорвать что-то серьезное хотят.

– А станция, значит, несерьезное, – иронично усмехнулся третий мужчина.

– Ну взорвали бы они рельсы, и чего? – пожал Мишка плечами. – Мужики за неделю бы все отремонтировали. Такой взрыв нужно делать там, где дело одной неделей не обойдется. Вот мы и решили, что они на мост нацелились. Ну, сами подумайте. Река от дождей вспухла. Погода такая, что не сегодня-завтра морозы ударят. А тут еще и моста нет. Так просто его уже не починишь.

– Логично, – одобрительно кивнул главный. – А что про мину скажешь?

– А чего про нее говорить? Господа землеустроители, когда под шахту место расчищали, много чего про динамит говорили. Я им свежую убоину продавал, вот и наслушался. Взял

у господина урядника обрез, патрон нужный сам снарядил, в ящике дырку просверлили, и самострел насторожили.

– Бумагу, карандаш, – потребовал старший, повернувшись к уряднику.

Тот суетливо достал все требуемое из стола и протянул мужчине. Кивнув, тот передал все это добро Мишке и, ткнув в бумагу пальцем, приказал:

– Рисуй, как обрез прилаживал и как сделал, чтобы выстрел был.

– Так я не художник, – развел Мишка руками.

– Тогда рассказывай, я сам рисовать стану, – не уступил мужчина.

– Ящик у динамита навроде патронного, только поменьше. С ручками по бокам. Вот мы сбоку дырку и просверлили. Потом обрез к ручке ремешком примотали, и от спуска шнурок к колышку. А колышек тот в землю покрепче. Потом курок взвел, и все. Бандиты ящик дернули, самострел выстрелил, и динамит взорвался.

Внимательно слушая его повествование, мужчина короткими, точными штрихами наносил рисунок на бумагу. Спустя минуту перед Мишкой лежала описанная им конструкция.

– Так сделал? – уточнил мужчина.

– Так, – кивнул парень.

– Самострел, значит? – многозначительно хмыкнул мужик.

– Так я ж охотник. На звериной тропе такие в голодное время часто ставить приходилось.

– Так то на тропе, а то в ящик с динамитом, – проворчал явно удивленный мужчина. –

Сколько во второй банде народу было?

– Я четверых насчитал. Это те, кто после взрыва на виду остались. А сколько их всего было... – Мишка только головой покачал. – Думаю, десяток.

– С чего так решил?

– Один поверху шел. Мы его живым притащили. – Мужчина только одобрительно кивнул. – Трое в стороне остались. Думаю, место у схрона осматривали. Дело-то на рассвете было. Ну а остальные в это время динамит доставали. Там схрон тяжелым валуном завален был. Трое валун откатывали, а четвертый ящик потянул. Ну, оно и рвануло, – закончил Мишка, злорадно усмехнувшись.

– Интересный ты паренек, – протянул мужчина, окидывая Мишку задумчивым взглядом. – И внимательный, и с динамитом обращаться умеешь, и думаешь так, словно в военному училище учился. Откуда такие знания?

– Книжки люблю, – отрезал парень. – Если вы решили, что я на хунхузов работал, так напрасно. Я по их милости сиротой стал, и резать этих тварей буду всегда и везде.

– Гм, – смущенно откашлялся старший. – Не знал, извини.

– Бог простит. Дозвольте идти, ваше благородие?

– Торопишься куда?

– Из тайги вышел. Устал. Помыться бы. Да и не жравши весь день.

– Ступай, – подумав, кивнул тот. – Только из поселка не отлучайся. У нас, возможно, еще к тебе вопросы будут.

– Так я завтра сюда на службу приду.

– Это кем же ты тут служишь? – удивился старший.

– Оружейник я, ваше благородие. Для господ полицейских патроны кручу.

– Что, для нарезного оружия?

– Для револьверов. Винтовочные мне не сделать. Там пули в медной рубашке.

– Что, вправду оружейник? – повернулся мужчина к уряднику.

– Еще какой, – истово кивнул тот. – Таких мастеров поискать.

– И стреляет так, что наш первый стрелок только рот от удивления разевал, – не утерпев, добавил полицейский.

– Нашел чему удивляться. Я ж охотник, – фыркнул Мишка, мысленно посылая его куда подальше.

– Ага, охотник. Это с ружьем да винтовкой охотник, а когда из револьвера стрелял?

– А какая разница, с чего стрелять? Правила-то одни, – вздохнул Мишка. – Мушка, целик, мишень. Проведи прямую линию и стреляй.

– Что, и вправду так хорошо из револьвера стрелял? – спросил у полицейского старший.

– С тридцати шагов все шесть пуль в центр мишени, – не промолчал тот.

– Интересный ты юноша. Очень интересный, – проворчал мужчина, рассматривая Мишку непонятым взглядом.

* * *

Два дня после памятного похода прошли нормально. Выпал первый снег, и Мишка с удовольствием занимался домашними делами. Колот дрова, расчищал двор и вообще тихо радовался жизни. Но чуйка, печень или еще какой ответственный за это орган не давали покоя. То и дело прокручивая в голове события предыдущих дней, он все больше приходил к выводу, что очень скоро что-то произойдет. И это что-то будет весьма неприятным. Во всяком случае, для него.

Оставалось понять, что это может быть. И каждый раз, вспоминая лица главных участников тех событий, он склонялся к мысли, что его попробуют разменять. Те трое волков из непонятной структуры даже не задумаются, если возникнет вопрос, что важнее, жизнь парня или нужные сведения. А в том, что японцы не те люди, которые забудут свой провал, он не сомневался. Так что, увидев у ворот знакомую пролетку, Мишка только мрачно хмыкнул и, поправив за спиной подаренный урядником револьвер, направился к калитке.

Все было как в том мультике. Предчувствия его не обманули. Мрачно рассматривая физиономии прибывших, парень испытывал только одно желание: открыть огонь. В сопровождении урядника прикатила вся троица. Стараясь держаться так, чтобы толстяк оказался между ним и странной троицей, Мишка жестом пригласил их в дом. Благо тетка недавно ставила самовар, так что долго возиться не пришлось.

Расставив чашки, Мишка заварил свежий чай и, поставив его настаиваться, вопросительно покосился на урядника. Заметив его взгляд, тот заметно стушевался и, расправив усы, негромко прогудел:

– В общем, дело такое, Михаил. Японцы те согласились показать все на месте. А господам... – Тут он запнулся, не зная, как представить приезжих. – В общем, господам проводник нужен.

– Зачем? – сделал вид, что не понял, парень. – Если они на месте все покажут, проводник зачем? Как пришли, так и вернуться не долго.

– А если он кружить начнет? – чуть усмехнувшись, спросил старший троицы.

– У вас? – иронично хмыкнул Мишка.

– А чем мы от обычных полицейских отличаемся?

– Чем волк от кошки отличается? – ответил Мишка вопросом на вопрос.

– И кто мы, на твой взгляд? Волки или коты? – усмехнулся старший.

– Волки. Матерые. И тайгу вы не хуже меня знаете.

– Это с чего ты так решил? – явно удивился старший.

– А с того, что вы даже сейчас одеты так, что хоть сей момент в тайгу. Ничего не тянет и мешает. Одежка подогнана, обувь специальная. И оружие под рукой. Мешки с продуктами на плечи, и ходу. Так зачем я вам?

Приезжие растерянно переглянулись, а урядник, только головой от удивления покачал. Потом, пытаясь разрядить ситуацию, с бледной усмешкой проворчал:

– Ну и глаз у тебя. Я и половины не заметил. Вот что значит лучший охотник.

– М-да, удивил, – нехотя протянул старший. – Не думал, что это все так заметно.

– Не особо, если не знаешь, на что смотреть.

– А ты, значит, знаешь.

– На то и охотник. Два года уже один по тайге хожу. А там люди всякие встречаются. На иного посмотришь, чистый варнак, а заговоришь, из политических и крови боится. А другой, хоть сейчас на ярмарку, а он только и смотрит, как тебя ножом в спину ткнуть.

– М-да, школа жизни, – задумчиво протянул старший. – Но даже если принять все, что ты сказал за правду, ты нам все равно нужен.

– Кто еще пойдет? – подумав, уточнил Мишка.

– Мы трое, пара полицейских, ты, ну и арестованный.

– Который из двух? Старший или младший?

– А как ты их отличаешь?

– Старший тот, которого при налете взяли. Младший – который под взрыв попал. Второй сам признал, что братья.

– Старший. Он майор японской армейской разведки. Младший еще в себя не пришел. Да и знает меньше.

– Значит, это он подсказал меня взять? Вроде как для контроля, – невинным голосом спросил Мишка.

– Угу, – автоматически кивнул старший и, тут же опомнившись, настороженно уставился на парня: – Как узнал?

– Японцы обид не прощают. А я его с головой выдал. Вот и взбесился. Нет. Не пойду, – качнул Мишка головой.

– погоди, ты что, думаешь, что он специально хочет тебя из поселка вытащить, чтобы в тайге порешить? – вскинулся старший.

– Да. Они голыми руками мастера драться. Так что без меня справитесь.

– А придется, – чуть скривившись, отрезал мужчина. – Не пойдешь, велю тебя из оружейников гнать.

– И кому хуже станет? – хмыкнул Мишка. – Я тайгой проживу и тетку прокормлю, а вот чем тогда они воевать станут? – спросил он, кивнув на урядника.

– А если в холодную? – тихо рыкнул один из молчавших до сих пор мужчин.

– Тетка молчать не станет. А вам шум в этом деле совсем ни к чему.

– Вот паршивец! – восхищенно покрутил головой старший. – Слово даю. Вместе уйдем и вместе придем. Да и не станет он на нас прыгать. Есть способы в узде его держать. У меня другая мысль. Бежать он хочет. А для этого нас нужно в засаду завести. И вот тут ты нам очень годишься. Урядник вон рассказывает, что ты из незнакомой винтовки умудряешься в мишень играючи бить. Такой стрелок нам очень пригодится.

– Прикажете ему нужные места на карту нанести. Он офицер, и карту читать должен, как мы святое писание, – мрачно предложил Мишка, обдумывая ситуацию.

«Не ходи!!! – вопила чуйка. – Слово только старший дал. Остальные молчат, как воды в рот набрали. Он сам сказал, что им эту идею японец подкинул. Значит, задумал что-то».

– Это уже сделано, – бросив на подчиненных быстрый взгляд, тихо ответил старший. – Но нам нужно все эти места на месте проверить. В общем, так. Завтра с первым светом ждем тебя возле участка. Не придешь, пеняй на себя. Дело важное, и шутить я не стану. Вместе с теткой на каторгу отправлю, – жестко закончил старший.

«Если доживешь», – прошипел про себя Мишка, но вместо этого только мрачно кивнул.

Заметив его взгляд, урядник только головой покачал. Один из троих, глядя на Мишку, осторожно подтолкнул приятеля, и тот моментально подобрался. Заметив их настороженность, парень сложил руки на груди и, обведя собравшихся долгим жестким взглядом, тихо ответил:

– Меня, господин хороший, пугать себе дороже. Как господин урядник говорит, я с любого этапа в тайгу уйду, никто и не почешется.

– А тетка? – зашипел в ответ старший.

– И ее уведу. А потребуется, и весь этап.

– Ты со мной мериться решил? – грохнул кулаком по столу мужчина. – Завтра чтоб был. Как штык.

– Сходи, Миша. Дело и вправду серьезное, – вздохнул урядник, которому вся сложившаяся ситуация явно не нравилась.

– Видит бог, Николай Аристархович, я этого не хотел, – ответил Мишка, вставая и всем своим видом показывая, что гости здесь больше не желательны.

Удивленно переглянувшись, гости поднялись и, одевшись, вышли. Проводив их до ворот, Мишка проводил пролетку долгим злым взглядом и, вздохнув, отправился готовиться к выходу. Достав из ларя в сених плотные шерстяные штаны, унты и короткий полушубок, он задумчиво покрутил в руках старую простыню из беленой холстины.

– Маскхалат, твою дивизию, – проворчал он, рассматривая грубо пришитые завязки.

Малахай, сшитый из кожи и отороченный лисьим хвостом, завершал костюм. К его удивлению, шапка оказалась удобной. Не закрывала уши, в то же время согревая их пушистым мехом. Разобравшись с одеждой, Мишка перешел в избу и, откинув крышку сундука, задумался. Какое оружие с собой брать? Старое ружье? Возникнет вопрос, почему так мало, если его предупредили о возможной засаде. Винтовку? Так он проводник, а не солдат. Да и перестрелка на дальних дистанциях в тайге, даже зимней, невозможна.

Достав подаренное ружье, Мишка собрал его, и, погладив вороненные стволы, отложил на лежанку. Набив в патронташ три десятка патронов, он опять задумался. Двадцать патронов с картечью и десяток пулевых. Плюс к тому два десятка мелкокалиберных. Для охотника в самый раз. Для того, кто готовится отбивать засаду, маловато. Уложив в сумку еще десяток патронов с крупной дробью, он выбрал пару подходящих ножей и, достав из-за спины револьвер, принялся вертеть его в руках.

Если урядник раскололся и приехавшие знают, что у него есть такой ствол, то его отберут раньше, чем они доберутся до края поселка. С другой стороны, раскрывать их маленький секрет толстяку нет никакого резона. За это можно и по ушам получить. Зачем вооружать не очень законопослушного охотника, да еще и подростка? Что задумал? Ладно. Будем исходить из того, что про револьвер они не знают. Пусть маленький, но шанс. Мишка не питал никаких иллюзий. Против этой троицы у него шансов не было.

Эти волки слепят его, как щенка. Возможность выкрутиться у него была только одна. Быть ко всему готовым в любой момент и действовать на опережение. Главное, не упустить момент. Так что револьвер берем. С этой мыслью он положил его рядом с ружьем и присовокупил небольшой патронташ с револьверными патронами.

Взяв полушубок, Мишка накинул его и, застегнув, сунул руку за отворот. «Нормально, дотягиваюсь, – усмехнулся он своим мыслям. – Теперь пришить изнутри пару петель, в которых револьвер и будет храниться».

Полчаса работы иглой, и дело сделано. Сунув в них оружие, Мишка снова надел полушубок и принялся махать руками, нагибаться и подпрыгивать. К его удивлению, револьвер не выпадал, даже если полушубок был полностью расстегнут.

Подумав, он выбрал из трофейных ножей тот, что покороче, и принялся пришивать его ножны сзади, на уровне пояса, поперек спины.

Правильнее было бы пришить его вдоль позвоночника, но в этом случае, нагнувшись, он сразу покажет, что там что-то есть. А так, даже если руки будут связаны за спиной, до ножа можно дотянуться.

Еще один нож он сунул за голенище унта, выбрав тот, у которого рукоять потоньше, попутно ругая себя за то, что не подготовился раньше. Подобные нововведения следовало сделать давно. Сразу после нападения беглых каторжников.

Разобравшись с оружием, он оделся и, сходя в сарай, принес в избу свои охотничьи лыжи. Внимательно осмотрев лосиную шкуру, которой те были подбиты, Мишка подумал, что подбивку пора менять, и, вынеся их на крыльцо, вернулся в дом. Вроде все. Сухари, соль, чай, вяленину, ложку, котелок, флягу с водкой и моток крепкой веревки собрать было делом пяти минут.

Дверь в сени хлопнула, и Мишка, увидев в руках у тетки корзину с пряжей, с усмешкой подумал: «Кумушки языками чесали. Заодно и пряли».

– Сынок, ты никак опять собрался куда? – запричитала Глафира, едва увидев его сборы.

– Начальство велит с приезжими проводником сходить, – вздохнул Мишка.

– Чего это? У них и свои проводники есть. Чего тебя-то дергают?

– Сам не хочу, но те лучшего захотели, – отмахнулся Мишка. – Мама Глаша, собери поесть. Со светом уйду.

– Так поел бы. У меня готово все, – ответила тетка, быстро собирая на стол.

– Ты хозяйка в доме. Чего я без тебя полезу, – пожал Мишка плечами.

– Ох, Мишенька, не нравится мне это, – вдруг вздохнула Глафира. – осторожен будь. Тем приезжим до нас и дела нет. А если сгинет кто в тайге, то их не касает.

– Знаю, мама Глаша, – кивнул Мишка. – Не бойся. Я тоже тот еще подарочек. Начнут наседать, там и останутся. Уж что-то, а тайгу я лучше них всех знаю. Прыгнул в кусты, и ищи ветра в поле. Ты лучше вот что... Если кто будет про меня спрашивать – ничего не знаешь. Пришли, велели сопровождать, и все. Куда, зачем, кого – знать не знаешь, ведать не ведаешь. А про меня так вообще ничего не понимаешь. Молча собрался и ушел. Сказал только, что урядник приказал.

– И этот бес толстый тут, – зашипела Глафира.

– Не шуми. Он хоть и хитер, но помогал нам хорошо. Сам видела, без него у нас и половины нужного не было бы. Даже работу мне подходящую нашел. Так что скажешь, что ничего не знаешь. Урядник власть. Он приказал, ты и спрашивать ничего не стала. На том и стой.

– А кто спрашивать-то станет? – подумав, уточнила женщина.

– Да кто б ни спрашивал. Плачь, вой, на сиротство напирай, а про дело ни словечка. Тогда от тебя быстро отстанут. Поняла?

– Сделаю, сынок, – помолчав, решительно кивнула Глафира. – Что с глупой бабы взять? Я крестьянка неграмотная. Людей не видела, начальства боюсь.

Произнося этот монолог, Глафира ехидно усмехалась, а в глазах ее плясали бесенята. Заметив это, Мишка только удивленно головой покачал.

* * *

Первый пушистый снег с едва слышным хрустом проминался под широкими лыжами. Двигаясь неспешной рысью, Мишка внимательно вслушивался в окружающую тайгу, отслеживая любое несоответствие. Это только кажется, что в лесу или тайге тихо. На самом деле они живут своей, только им понятной жизнью, полной суеты, движения и звуков. Вот снегирь вспорхнул с ветки, решив не рисковать и не оставаться рядом со странным двуногим.

Вот сорока с треском перелетела с дерева на дерево, а где-то в кроне старого кедра выдал свою барабанную дробь дятел.

Рассмотрев на карте главного контрразведчика (контрразведчиками Мишка решил называть про себя несвятую троицу приезжих) нужное место, он надел лыжи и решительно заскользил в нужную сторону. С ходу отставшие от него спутники двигались по проложенной лыжне,

даже не пытаюсь нагнать его. Выбрав место для ночевки, Мишка скинул лыжи и, воткнув их в снег, принялся собирать хворост. Потом, нарубив лапника на всех, парень развел костер и отправился к ручью.

Негромкий выстрел малокалиберной винтовки утих, едва добравшись до противоположного берега. Молодой самец кабарги вздрогнул и медленно завалился в снег. Пуля вошла ему в точку между ухом и глазом. Подойдя к тушке, парень одним движением перерезал животному горло, спуская кровь. Вода, моментально порозовев, быстро очистилась. Подвесив добычу на сук, Мишка привычными движениями ободрал шкурку и, вспоров брюшину, свалил внутренности все в тот же ручей.

Быстрое течение отнесет их подальше и выбросит где-нибудь в стороне. Любителей пожить за чужой счет в тайге хватает. Очень скоро от trebuхи и памяти не останется. Разделав тушу, Мишка омыл ее ледяной водой и, закинув на плечо, отправился обратно к устроенной стоянке. Там уже возились подошедшие попутчики. Увидев парня с добычей, все шестеро растерянно замерли, глядя на него удивленными глазами.

– Ну, Мишка, ну, бес! – восхищенно протянул один из полицейских. – Ты и вправду в тайге как дома.

– Тетка рассказывала, что мать меня в тайге родила, когда за мороженой клюквой пошла, – ответил Мишка, чуть усмехнувшись.

Глафира и вправду поведала ему эту историю. Внимательно слушавший его старший из троицы только многозначительно переглянулся со своими подчиненными. Делая вид, что ничего не замечает, Мишка быстро нарезал мяса с туши и, натерев его солью, принялся нанизывать на заранее срезанные прутья. Над биваком поплыл непередаваемый аромат жарящегося мяса. Аккуратно поворачивая свои импровизированные шампуры, парень довел шашлык до готовности и принялся раздавать прутья попутчикам.

Очень скоро от добычи остался голый скелет. Семеро крепко оголодавших мужиков обгрызли его не хуже волчьей стаи. Подвесив над костром котелок с водой, Мишка откинулся на куче лапника и, прикрыв глаза, замер. Следивший за каждым его движением японец чуть сдвинулся в сторону. Мишка, прикинув расположение его тела, зло усмехнулся про себя и, достав нож, принялся подравнивать ногти. Благо заточка это позволяла. Не булатная сталь, конечно, но и ушла недалеко.

Когда вода закипела, один из полицейских насыпал в кипяток заварку и отставил котелок настаиваться. Едва они покончили с ужином и напились чаю, как снова пошел снег. Глядя на пушистые снежинки, сыпавшие с неба так, что в двух шагах вековой сосны было не разглядеть, старший вздохнул и, покачав головой, проворчал:

– Я тебя отругать хотел, что ты рано на ночевку вставать решил, а оказалось, самое время.

– Так ежели что, вы только скажите, я домой уйду, – пожал Мишка плечами.

– Миша, я похож на дурака? – неожиданно спросил старший.

– Нет, – пожал парень плечами.

– Так с чего ты решил, что я такого охотника прогоню?

– Да уж, давно я свежатины не пробовал, – поддержал начальника один из пришлых.

– Вы только не вздумайте из своих винтовок палить, – неожиданно ответил Мишка. – У них выстрел резкий и звучный. Его далеко слышно. Это не охотничья грохоталка. Сразу всю тайгу насторожите.

– А если зверь? – с интересом спросил старший.

– Все равно не стреляйте. Зверь еще сытый, просто так не бросится. А если лось там или кабан, то вообще лучше затаитесь.

– И остаться без такой добычи? – не удержался второй.

– А вы тут ради охоты или ради дела? – повернулся Мишка к нему. – Да и не съедим мы столько мяса за раз. А на себе тащить – вообще до места не доберемся.

– И ведь не поспоришь, – удивленно покрутил старший головой.

– А тут и спорить не о чем. Спать устраивайтесь. Завтра на место придем. Если до ветру кому, то вон в ту сторону, ложбинка есть. Там и оправляйтесь.

– А почему именно там? – не унимался второй приезжий.

– Ну, если хотите собственное дерьмо нюхать, можете не ходить, – отмахнулся Мишка, убирая нож.

В ответ раздался хохот четырех луженых глоток. Не смеялись только Мишка, спросивший и японец. Услышав возмущенный стрекот белки, Мишка, насторожился и, подхватив приклоненное к дереву ружье, тихо сказал:

– Пойду пройдуся.

Такой шум белка поднимает, если рядом есть опасный для нее хищник. Отойдя от стоянки на три десятка шагов, он достал из мешка свой маскхалат и, накинув его на плечи, завязал тесемки на груди. Накинув кое-как сшитый на манер капюшона край на шапку, он переломил ружье и, проверив патроны, скользнул в темноту. Обойдя бивак по кругу, Мишка подобрался к указанной им ложбинке и, притаившись за деревом, осторожно выглянул, опустившись на колено.

Все эти маневры были проведены не просто так. Вскоре от лагеря отделились две фигуры и спустились в ложбину. Благодаря своим переходам Мишка оказался в нескольких шагах от тихо беседовавшей пары. Сопровождавший японца третий пришлый, горячась, то и дело повышал голос, на что японец тихо шипел на него сквозь зубы.

– Вы понимаете, что предлагаете мне?! – возмущался пришлый.

– Всего лишь обменять мои знания на голову одного грязного раба.

– Он не раб. Да, он простой крестьянин, но не раб.

– Хорошо. Пусть будет грязный крестьянин. Вы хотите получить повышение по службе и избавиться от своего начальника? Тогда подарите мне голову этого сопляка, и я помогу вам. Поверьте, я много знаю. Уберите его и уговорите своего начальника вернуться в город. Там мы заберем моего брата и поедem в вашу столицу. Даю вам слово. Сведения от меня будете получать только вы.

– Зачем вам это? – спросил пришлый, явно поддаваясь на уговоры.

– Он оскорбил меня и моего брата. Такие оскорбления смываются только кровью. Имейте в виду, или так, или я буду водить вас по этому лесу до следующего года.

– Почему я должен вам доверять?

– Потому что я дам слово самурая древнего рода и поклянусь именем Будды Амида. Это священная клятва.

– Хорошо, – тихо выдохнул пришлый. – Но мне нужно время на подготовку. Это нужно сделать так, чтобы все подумали, что это случайность.

– Его голова... – напомнил японец.

– Зачем она вам, если он умрет? В столице таким сувенирам не рады.

– Хорошо. Но я сам проверю, умер ли он, – отрезал самурай.

– Это пожалуйста, – пожал плечами пришлый. – Нам пора возвращаться.

«М-да, говорила мне чуйка, не ходи, так нет, не послушался, поперся», – мрачно подумал Мишка, осторожно отходя от дерева.

Сделав еще один круг, он встал в паре десятков шагов от бивака и, убедившись, что заговорщики вернулись, шагнул к своей куче лапника. Глаза японца при виде парня торжественно сверкнули, но физиономия сохранила каменное спокойствие. Держа ружье в руках на уровне пояса, Мишка чуть повернулся и, не целясь, спустил курок. Малокалиберная пуля вошла японцу в глаз. Уже готовившиеся укладываться спать растерянно замерли. Только заговорщик попытался схватиться за оружие, но застыл, увидев наведенные на него стволы.

– Не балуй, – рыкнул Мишка. – У меня картечь в стволах. С такого расстояния одним выстрелом троих положу.

– Ты что наделал?! – буквально клокоча от ярости, но оставаясь сидеть, спросил старший тройки. – Ты понимаешь, что сорвал дело государственной важности?

– Нет у вас никакого дела, – фыркнул Мишка. – Он вас как телков на веревочке соби-
рался по тайге водить. Все это он задумал, только чтобы до моей головы добраться. Не так ли, господин хороший? – повернулся Мишка к растерянному замершему заговорщику.

– Что это значит, Леонтий? – тут же спросил старший, повернувшись к своему подчиненному.

– Они в ложбинке договаривались. Этот японцу мою голову, а тот ему все, что сам знает. И все это мимо вас. А что до секретов, так он один. Война с ними скоро будет. В Корее начнут, а на границе с Китаем продолжат. Вот и весь секрет. А вы еще офицерское слово мне давали, – поддел старшего парень. – Да только мне моя голова дороже всех секретов. Не двигаться! – Последний приказ прозвучал как щелчок кнута. – Еще одно движение, и все тут останетесь. А уж что полиции рассказать, придумаю.

– Леонтий, неужели правда? – растерянному спросил старший.

– Он лжет, – прохрипел заговорщик.

– Да что ты говоришь? – делано удивился Мишка. – И про то, что он у тебя мою голову требовал, вру. И про то, что ты ему сказал, что все нужно как случайность обставить. И даже про то, что в столице гостя твоего с моей головой не примут, тоже вру.

– Как ты... Откуда... Этого не может быть, – растерянному залепетал пришлый.

– Я к оленю подкрасться могу, а уж к двум воякам, когда один другому обещает Буддой Амидой поклясться... – Мишка только презрительно скривился.

– Этого он придумать не мог, – еле слышно проговорил старший группы.

– В общем так. Я сейчас уйду, а вы сами решайте, что дальше делать станете. Не по пути нам более, – отрезал парень и, прихватив лыжи, принялся осторожно пятиться, удерживая сидящих на мушке одной рукой. Благо ремень был через плечо перекинут.

Отойдя за деревья, Мишка быстро вбил ноги в крепления лыж и заскользил обратно к поселку. В том, что сделал, он ни секунды не сомневался и угрызений совести не испытывал. Его хотели убить, он оказался хитрее. Вот и весь расклад. Отбежав примерно на пять верст, парень быстро нарубил лапника и устроил под разлапистой елью настоящую берлогу. Костер разводить не было острой необходимости. Хищники еще и вправду не успели оголодать, а долго разлеживаться он не собирался. Поспать несколько часов, и можно идти дальше.

Разбудил его возбужденный сорочий треск. Едва открыв глаза, Мишка с удовольствием потянулся и, умывшись снегом, встал на лыжи. Толком еще не рассвело, и сороки явно ругались не на человека. Но оставаться в берлоге смысла больше не было. Легко скользя по тайге, он отслеживал каждое движение вокруг и, приметив белку, плавно вскинул ружье. Эхо негромкого выстрела еще не заглохло, а парень уже подобрал добычу и, освежевав ее, понесся дальше.

Уже подходя к поселку, Мишка подумал, что кто-то наверху решил компенсировать ему потерянное время, выводя под выстрел пушного зверя. В мешке у него лежали одна шкурка кабарги, три беличьих и две куньих шкурки. Добравшись до окраины деревни, он снял лыжи и не спеша зашагал к дому. Глафира хлопотала по хозяйству и, увидев парня, охнула.

– Как тут у тебя, мама Глаша? – спросил Мишка, доставая добычу.

– Тихо все было, сынок, – улыбнулась женщина, восторженно любуясь игрой куньего меха. – Даже толстяк твой не заходил.

– Ну и слава богу. Правила где у нас остались?

– Так в сарае.

Сходя в сарай, Мишка принес плетенные из орешника правила для шкурок и, быстро натянув на них добычу, вынес рухлядь в сарай. На мороз. Заниматься выделкой ему не хоте-

лось. Нудное это дело и вонючее. Да еще и купцы начинали придирались к качеству выделки. А так сырье оно и есть сырье. Цену дадут. А вздумают кобениться, так купцов в округе много. С этими мыслями Мишка вернулся в избу, где тетка уже сутилась, накрывая на стол.

– В баньку бы сейчас, – мечтательно протянул Мишка.

– Так худая у нас баня, сынок, – вздохнула Глафира. – Крыша течет и печку перекаладывать на добно.

– Ничего. Если сложится, на будущий год поправим, – отмахнулся Мишка, запуская ложку в наваристые щи.

* * *

Собрав очередную дощечку с готовыми патронами, Мишка устало вздохнул и занялся уборкой. Прошла неделя с того памятного похода, а его так никто и не спросил, что случилось и почему, уйдя с группой, он через двое суток оказался в выделенной ему мастерской. Вернувшись домой, он сходил на торг и, продав добытые шкурки, приволок домой салазки, полные гостинцев. Как выяснилось, они с Глафирой оба оказались сладкоежками и потому предпочитали пить чай со всякими вкусами.

Полученные за шкурки рубль двадцать копеек он потратил почти все. Оставшийся полтинник Мишка отдал тетке. Скоро в участке должны были уплатить жалованье, так что деньги будут. Свое дело парень знал на «ять». Запасные патроны собраны, в мастерской полный порядок, а за каждую щепотку пороха он готов был отчитаться, благо было чем. От размышлений его отвлек звук тяжелых шагов на лестнице.

«Вот и наш толстячок пожаловал», – угрюмо подумал Мишка.

– Здрав будь, Михаил, – прогудел урядник, протиснувшись в двери.

– И вам здоровья, Николай Аристархович, – склонил голову парень. – Присаживайтесь. В ногах правды нет.

– Благодарствую, – кивнул толстяк, тяжело опускаясь на табурет.

Отставив веник, которым подметал пол, Мишка отступил к стене и, сложив руки на груди, вопросительно посмотрел на урядника. Что-то с ним было не так. Толстяк, знавший его с малых лет и по сути являвшийся в нынешней реальности благодетелем, явно был сильно смущен. То и дело расправляя усы, он мялся и не пытался смотреть в глаза.

– Случилось чего, дядя Николай? – тихо спросил Мишка, намеренно назвав его родственным словом.

– Так это, виноват я перед тобой, Миша, – вздохнув, решительно заявил урядник. – Ума не хватило понять, что басурман тот смерти твоей хочет.

– Нет тут твоей вины, дядя Николай, – сообразив, в чем дело, отмахнулся Мишка. – Его вон и волки столичные не сразу раскусили. Свой же их чуть не предал. А что настаивать стал, так служба у тебя такая. Лоб расшиби, а начальству потрафь. Лучше скажи, когда у нас жалованье будет?

– Так завтра обещают, – развел урядник руками, явно опешив от такого перехода.

– Вот и ладно. А со стрельбами что решил?

– Так тут начальство спрашивать надо, – снова вздохнул урядник.

– Да горькую пьет твое начальство, – презрительно усмехнулся парень. – Сам реши. У меня все готово. Заодно и новинку людям твоим покажу.

– Мишка, язык придержи, – шикнул на него урядник. – А что за новинка?

– Вот, смотрите, – не удержавшись, принялся хвалиться парень. – Берем винтовку, открываем затвор, стравляем вот эту штуку вот сюда и нажимаем пальцем на патроны. Ап! Пластины убираем, затвор закрываем. Все. Стреляй.

Сопровождая свои комментарии действиями, Мишка одним движением зарядил трофейную винтовку и, не закрывая затвора, протянул ее уряднику. С интересом покрутив оружие в руках, толстяк вернул винтовку парню и, ткнув в обойму пальцем, спросил:

– Только для себя сделал, или еще есть?

– Пять штук. Две себе, под английский патрон, и три в службу, под наш калибр.

– Ловко. Это что ж выходит, наши винтовки одним движением заряжать можно будет?

– Ну, вы ж сами все видели, – пожал Мишка плечами и, ловко орудуя затвором, разрядил винтовку.

Собрав патроны, он снова снарядил обойму и, убрав ее в подсумок, повесил оружие на стену. После нападения парень договорился с урядником, и тот разрешил ему оставить обе трофейных винтовки себе. Так что одна стояла дома, а вторая висела на стене мастерской. Теперь Мишке не было необходимости искать оружие, и в случае опасности он всегда мог поддержать полицию огнем.

– Ох, и умен ты, Мишка, – протянул урядник, вертя в руках обойму от российской винтовки, которую достал Мишка из шкафа. – Это ж надо такую штуку придумать!

– Погодите, дядя Николай. Я вам еще и скорозарядники к револьверам сделаю, – раздухарившись, пообещал Мишка.

– А это что за зверь? – заинтересовался толстяк.

– А это чтобы револьверы одним движением заряжать. Станочек такой махонький. Заранее в него патроны вставил, и как потребовалось, барабан откинул, гильзы вытряхнул, и в каморы сразу шесть патронов вставил.

– Неужто сможешь?! – не поверил урядник.

– Да там и мочь нечего, – отмахнулся Мишка. – Станки только толковые нужны. Да только меня скоро из цехов в депо гнать станут. Вечно, как приду, так все мастера вокруг толпятся. Интересно им на новенькое посмотреть.

– Не станут, – грозно встопорщил усы толстяк. – Сам туда с тобой схожу. Еще и звать станут.

– Не ссорься с ними, дядя Николай, – улыбнулся Мишка. – Там люди серьезные командуют, не нам, сиволапым, чета. Я лучше тихонько, осторожно, чтобы думали, что себе делаю. Так и тайну дольше сохраним, и для дела польза.

В придуманном им приборе и вправду не было ничего особенного. Латунный диск с завальцованным краем, в который и будут вставляться патроны. Главное, правильно разметить гнезда под каморы и выточить поворотный фиксатор. Мудрить с пружинными стальями Мишка не хотел. Качество их здесь еще низкое, и терять людей из-за сломанной пружины он не хотел. Времена тут царят патриархальные, и если твоя новинка не сработает, сразу виноватым назначат.

Так что вставляем патроны в скорозарядник, скорозарядник в барабан, поворачиваем головку фиксатора, и патроны сваливаются в каморы. Просто и со вкусом. По нынешним временам и это будет настоящей вундервафлей. На обойму, вон, урядник глаза вытарачил, а уж быстрая зарядка револьверов вообще верхом механики станет. Нужные детали в грубой обработке у парня уже были. Осталось только довести до нужной кондиции и собрать. Все эти мысли промелькнули у Мишки, пока урядник сам пробовал вставить обойму в магазин винтовки.

Убедившись, что все работает и винтовка заряжается гораздо быстрее, толстяк вернул оружие на место и, аккуратно положив обойму на стол, прогудел:

– Ну, Миша, удивил. Буду у начальства для тебя премии просить.

– Так сначала ему обойму показать надо, – удивился парень.

– Обойдется, – фыркнул урядник, небрежно отмахнувшись. – Господин майор и сюда-то ходить не желают. Им неинтересно. Для этого я есть. Вон, возьму твою штуковину с винтовкой и сам в кабинет снесу. Пусть любитесь.

– Тогда, может, я лучше обойму пустыми гильзами заряжу? – на всякий случай предложил парень. – Еще выстрелит спьяну, греха не оберемся. А станет спрашивать, скажете, что это специально так, для его безопасности, чай не на стрельбище.

– Так и сделай, – одобрительно закивал урядник. – Завтра зайду. А потом и премию тебе просить стану. Скажу, уйдешь, тогда армейцы переймут, и доброго мастера потеряем.

– Не поверит, – рассмеялся Мишка. – У нас тех армейцев полтора инвалида. Даже депо не они, а вы охраняете.

– Приказ есть, – понизив голос, ответил урядник. – Через месяц полк пехотный прибывает. Велено под них казармы строить.

– Среди зимы? Хватились, – скривился Мишка.

– Ну, сам понимаешь, начальству виднее, – кивнул урядник, соглашаясь. – Наше дело – выполнять.

– М-да, значит, кончилась тихая жизнь, – вздохнул парень. – Небось, всю дичь в округе распугают.

– Чего это? – не понял урядник.

– Так господа офицеры ж себя обычно великими охотниками мнят. Начнут палить по всему, что летает и ползает, вот и распугают.

– Я смотрю, ты совсем начальство не считаешь, – неодобрительно покачал головой толстяк.

– Да мне до него и дела нет, – пожал Мишка плечами. – Своим умом жить привык. Спросить хочу, где они раньше были, когда хунхузы деревню нашу жгли? Когда родителей моих убивали? Или я почитать их должен за то, что голову мою японцу продать хотели?

– Так то один задумал. Сам говорил, предатель, – растерянно протянул урядник.

– Угу. Да только предложи тот японец такое же их главному и дай какие нужные сведения, старший их сам бы мне голову снял и японцу на блюде принес. Мы ж для них не люди. Так, быдло, скотина рабочая, – зашипел Мишка, медленно закипая.

– Тихо ты, ирод! – рыкнул урядник.

– Да тут хоть тихо, хоть громко, а правда одна. Им не жизнь моя важна, а карьера. Где один, там и остальные.

– Уймись, Михаил, – снова рыкнул толстяк. – Уехали они. И старший их винился за случившееся сильно. Обидно ему стало, что его человек стал повинен, что он слово свое сдержать не смог.

– Баба с возу, кобыле легче, – отмахнулся Мишка, успокаиваясь.

– Ты вот чего, – сменил тему урядник, – снаряди одну обойму гильзами под наш патрон и с утра вместе с винтовкой ко мне занеси. Я дежурному сейчас скажу, чтоб выдал.

– Не надо. Вы ж сами мне полный допуск в оружейку дали. Вот и возьму, – напомнил Мишка.

– Добро. Утром ждать тебя стану, – кивнул урядник и, не прощаясь, протиснулся в дверь.

Закончив уборку, Мишка запер мастерскую и, попрощавшись с дежурным, вышел из здания участка. Легкий морозец пощипывал щеки, а снег под ногами тихо поскрипывал. Сойдя с крыльца, парень сделал глубокий вздох и, вскинув голову, засмотрелся. Небо было чернильно-бездонным, и только яркие звезды загадочно подмигивали обитателям планеты. Залюбовавшись, Мишка не заметил, как из-за угла вывернули сани, ехавшие от станции.

Опомнился он, когда лошадь, фыркнув, остановилась рядом с ним, и кучер, не удержавшись, из чистого озорства попытался огреть его кнутом. Одним движением подставив левое предплечье под кнут, парень дождался, когда веревка обовьется вокруг руки и, перехватив

ее, резко дернул на себя, одновременно выхватывая нож. Не ожидавший такой выходки кучер сунулся с козел, и клинок парня прижался к его шее.

– Прирезать тебя, скотина? – зашипел Мишка так, что даже лошадь притихла.

– Прости, бога ради, – испуганно захрипел кучер. – Бес попутал. Думал, пьяный ты. Стоишь, в небо пялишься. Прости. Не губи.

– Миша, что там у тебя? – раздался голос дежурного с крыльца.

– Да вот, вздумал дурень меня кнутом огреть, – ответил парень, жестко усмехнувшись. – Теперь думаю, то ли глотку ему перехватить, а то ли просто язык вырезать, чтоб ума прибавилось.

– Дай гляну, – потребовал полицейский, сбегая с крыльца. – Пантелей! Так и знал! Неймется тебе. Никак ухватки старые забыть не можешь? Говорил, нарвешься однажды, вот и выпросил. Теперь моли, чтоб отпустил он душу твою на покаяние. Я Мише не указ.

– Как так-то? Вы ж власть! – шепотом охнул кучер.

– Я рядовой полиции, а он оружейный мастер. Вот и думай.

В голосе дежурного явно слышалось злорадство. Удивленно покосившись на него, Мишка оскалился и, прижав клинок к жилистой шее покрепче, спросил:

– А может, ему уши обрезать? И не смертельно, и каждому дураку видно станет.

– Прости, выюнош! – завопил кучер, боясь пошевелиться. – Христом Богом молю, прости! Отслужу.

– Своим скажешь, узнаю, что кого кнутом огрели, порешу. Пшел отсюда, – прорычал Мишка, отшвыривая его.

– Однако и нравы у вас тут, – раздался мужской голос, и Мишка, убирая нож в ножны, развернулся, спокойно отвечая:

– Места каторжные. Станешь клювом щелкать, разом съедят.

– И давно вы научились людей резать? – не унимался голос.

– А как первого своего кабана взял, – не сумел промолчать парень и, вскинув взгляд, дерзко посмотрел в глаза стоящему перед ним мужчине. – Михаил, охотник местный, – представился он, разглядев на приехавшем мундир.

– Штабс-капитан инженерных войск Каретский Игорь Степанович, – улыбнулся в ответ мужчина. – Моя дочь Анна, – добавил он, указывая в сани.

Мишка повернулся и моментально утонул в огромных синих глазах. Из ступора его вывело нарочитое покашливание штабс-капитана. Тряхнув головой, парень усилием воли угомонил разбушевавшиеся гормоны и, взяв себя в руки, вежливо склонил голову, представившись:

– Михаил. Можно просто Миша.

– Откуда такие манеры, гусар? – раздался смех штабс-капитана, но в голосе его явно слышалось неодобрение.

* * *

«Блин, да уймись ты!» – мысленно рычал на самого себя Мишка, ворочаясь на своей лежанке.

Но стоило только закрыть глаза, как перед ним тут же всплывало гладкое личико сердечком, ровный разлет бровей, пушистые ресницы, в которых мерцали огромные глаза, ровный, чуть курносый носик, и нежные, слегка припухлые губы, которые так и хотелось поцеловать. Девчонка и вправду была красавицей. Даже удивительно, что у такого средненького папашки есть такая красавица дочь.

На постой господина военного инженера определили в чистой части поселка, у какого-то купца, имя которого Мишка, увлеченный девушкой, пропустил мимо ушей. Вздохнув в оче-

редной раз, парень перевернулся с боку на бок и, выругавшись себе под нос, сел. Сна не было ни в одном глазу. Из закутка, служившего тетке спальней, появилась тень в белой рубашке и платке, накинутом на плечи.

– Ты чего не спишь, сынок? – спросила Глафира, подойдя к нему.

– Извини, что разбудил, – вздохнул Мишка. – Не спится.

– С чего?

– В поселок военный инженер приехал с дочерью, вот и не сплю, – нехотя признался парень, припомнив, что пытаться обмануть женскую интуицию дело бессмысленное.

– Неужто влюбился? – ахнула Глафира.

– Не знаю, – растерянно признался Мишка. – Но лицо ее до сих пор перед глазами стоит.

– Видать, и вправду хороша, – вздохнула женщина. – Да только блажь это. Ну, сам подумай. Кто ж за сироту крестьянского офицерскую дочку отдаст? Оне ж благородия, а ты кто?

– Знаю, – мрачно кивнул Мишка.

При этом он уже мысленно принимал активное участие в революции, отменившей сословия. Усмехнувшись собственным мыслям, он поднялся и, достав из печи уголек, затеплил лучину. Разжигать керосиновую лампу не стал. Тетка, пересев к столу, оперлась о него локтем и, подперев натруженной ладошкой щеку, задумчиво наблюдала за ним.

– Женить тебя пора, сынок, – выдала она после недолгого молчания. – Вырос. Пора своим гнездом обзаводиться.

– Не к спеху, мама Глаша, – тряхнул головой Мишка, снова припомнив историю своего мира. – Пройдет. Вот после Рождества в тайгу пойду, и пройдет.

– Ох, Мишенька, не так это и просто – любимое лицо забыть, – горестно вздохнула тетка.

– Так-то оно, может, и так, да только времена нам предстоят трудные, – осторожно высказался Мишка.

– С чего это? – удивилась Глафира.

– Сама видишь, раньше просто хунхузы были, а теперь к ним еще и японцы прибавились.

К войне дело идет.

– Да бог с тобой, сынок! Откуда ж войне взяться? Да где они, те японцы?

– Да считай, уже рядом. Думаешь, даром сюда войска на постой переводят? А инженер тот? С чего вдруг офицеров в нашу глушь слать стали? Нет, мама Глаша, будет война. Да и начальство суетится чего-то.

– Сбереги Господь от таких ужасов, – охнула женщина, истово перекрестившись.

– Не до нас ему, – с досадой отмахнулся Мишка. – Да и сами люди во все виноваты.

– Это чем же мы с тобой провинились? – не поняла Глафира.

– Да не мы, не простые. Дворяне с чиновниками, вот на ком вина. Им власть дана, чтобы государство беречь, а они только и знают, что веселятся да жрут в три горла.

– Мишенька, Христом Богом тебя молю, не произноси ты таких речей! – вдруг взмолилась тетка. – Услышит кто, беды не оберемся. Я-то ладно, старая, пожила уже, а ты? Сошлют, и не посмотрят, что вынош еще совсем.

– Не голоси, мама Глаша. Это я так, с досады. Да и то только с тобой, – поспешил успокоить ее Мишка. – Забудь, что слышала.

«И вправду, чего-то разошелся не по делу, – подумал парень, беря себя в руки. – Делом займись, генацвале, делом», – усмехнулся он, припомнив фильм из своего прошлого.

– Пойду, самовар вздую, – проворчал он, одеваясь. – Все равно не усну. А ты спать ложись, мама Глаша. Вскочишь ни свет ни заря.

– Сама не хочу, – растерянно улыбнулась женщина. – А и вправду поставь. Чаю с медом попьем.

Накинув полушубок, Мишка вынес самовар на крыльцо и, уже привычно раскочегарив его, с удовольствием вдохнул ночной, морозный воздух. С неба, медленно кружась, плавно

опускались редкие снежинки, и тишина вокруг стояла такая, что в ушах звенело. Дождавшись, когда самовар вскипит, парень занес его в дом и, поставив на стол, удивленно хмыкнул. Глафира уже успела собрать все нужное для ночного чаепития. Залив кипятком заварку, Мишка присел к столу и, сам не зная зачем, достал из кобуры подарок урядника.

Кобуру к револьверу он шил сам, купив на торгу несколько кусков толстой кожи. Откинув барабан, парень вытряхнул на ладонь патроны и принялся внимательно рассматривать оружие. Глядя на его манипуляции, Глафира только головой покачала.

– Чего? – не понял Мишка.

– Смотрю на тебя, и диву даюсь, – вздохнула женщина. – И откуда у тебя такие хитрые мысли берутся?

– Какие такие? – снова не понял парень.

– А то я не вижу. То патроны делаешь такие, что урядник речи лишился, то сам приклад к ружью вырезал. А потом так вообще удумал, как винтовку ловчее заряжать.

– А про это-то ты откуда знаешь? – удивился Мишка.

– Я, Мишенька, хоть и неграмотная, но не дура.

– Вот уж кем тебя никогда не считал, так это душой, – открестился Мишка.

– Я ж видела, как ты тут затвором своей винтовки щелкал. И как одним пальцем ее заряжал.

– Вон оно чего, а я уж подумал, – рассмеялся парень.

– А ты не смейся, сынок. Такую штуку придумать не так и просто. Господа ученые вон в городе винтовку придумали, а как сделать, чтоб заряжать быстро, не додумались. А ты сумел.

– Так те господа сами и не воевали никогда, – отмахнулся Мишка, но, припомнив, что изобретатель Мосин был офицером, замолчал.

– Нет, Мишенька, – не уступила тетка. – Есть у тебя дар штуки всякие придумывать. Я давно это заметила. Да только понять не смогла.

– А и поняла бы, то что? Денег на учебу у нас все одно не было никогда, – отмахнулся Мишка, заряжая револьвер.

Ответить Глафира не успела. На улице звучно хлопнул выстрел, а следом раздался чей-то отчаянный крик. Одним движением оказавшись рядом с женщиной, Мишка задвинул ее за печку и, сунув туда же свое старое ружье, скомандовал:

– Дверь на прицеле держи. Я гляну, что там. И высовываться не вздумай.

Зная, что спорить с ним бесполезно, Глафира молча подхватила оружие и, привычно переломив его в шарнире, осмотрела патроны. Одобрительно кивнув, парень накинул полушубок и, прихватив ремень с кобурой и подсумком, в котором носил патроны к револьверу, выскользнул в сени. Второй выстрел прозвучал рядом с их воротами, когда Мишка, приоткрыв дверь, осторожно выглянул на улицу.

На фоне выпавшего снега человек с винтовкой казался вырезанной из черной бумаги фигуркой. Рассмотрев всклокоченную бороду и ватник, в которых частенько разгуливали ссыльные, парень поднял револьвер и взял непонятого стрелка на прицел. Стрелять просто так было опасно. В кого неизвестный целился, было непонятно. В конце улицы слышались команды, и неизвестный, дернувшись, выстрелил. В ответ загрохотало.

– Так. Похоже, соседшки бузу учинили, – понимающе хмыкнул про себя парень и, чуть поведя стволом, плавно нажал на спуск.

Этого оказалось достаточно. Пуля ударила неизвестного в висок, и тот, выронив винтовку, рухнул на снег. Выскользнув из-за двери, Мишка перебежал к воротам и, осторожно высунувшись, осмотрелся. По улице, оскальзываясь и путаясь в полах шинелей, бежали трое. Открыв калитку, Мишка вышел на улицу и, подойдя к труп, ногой отодвинул оружие в сторону. Опасаться больше было некого. Бежавшие к нему были из конвойной роты.

– Это ты его так? – удивленно спросил подбежавший первым унтер.

– Ну не вы же, – фыркнул Мишка. – Вы спереди стреляли.

– Чем это ты его так? – не унимался тот.

– Вот. – Парень показал револьвер, не давая его в руки.

– Это откуда у тебя такая вещь? – вдруг завелся урядник, перехватывая винтовку поудобнее.

– Не балуй, – пригрозил Мишка, делая быстрый шаг в сторону и беря их на мушку.

– погоди. Это ж ты у урядника оружейным мастером служишь? – присмотревшись, уточнил один из солдат.

– Верно, – кивнул Мишка, не опуская оружия.

– Прости, не признал, – повинулся унтер, закидывая винтовку на плечо. – Ловко ты его.

– Еще б неловко. Лучший охотник в поселке, да еще и полицейских стрельбе учит, – проворчал узнавший его солдат. – Нам бы такого.

– Так кто мешает? – пожал Мишка плечами убирая револьвер в кобуру.

– Да кто ж нам разрешит? – развел унтер руками.

– А ты доложи начальству, что солдат стрельбе учить надо, а то палят в белый свет. Пусть оно с полицейским начальством договорится. Ну, и мне какую копеечку за работу положат. Вот и будет вам обучение.

– Станут они тратиться да еще и патроны на учебу жечь, – вздохнул унтер. – Ладно, берите его и потащили, – добавил он, кивая подчиненным на труп.

– А чего у вас случилось-то? С чего стрельба? – поинтересовался Мишка.

– Да эти вон, бражки перепились и бузу учинили. Часового зарезали и разбежаться попытались. Теперь вот ловим.

– И много сбежало? – мрачно поинтересовался парень.

– Десятка не досчитались, – обреченно махнул унтер рукой. – Трех уже положили, пятерых взяли. Твой, девятый. Еще одного ищут.

– Ну, бог в помощь, – вздохнул Мишка и, развернувшись, вернулся во двор.

Пройдя в сени, он приоткрыл дверь в дом и, не высываясь, позвал:

– Мама Глаша, это я. Все успокоилось.

– А что было-то, Мишенька? – спросила тетка, выходя из своего укрытия с оружием в руках.

– Ссылные бузу учинили. Часового зарезали. Десяток сбежать успел, да недалеко. Девятерых отловили, одного еще ищут. Так что я на всякий случай дверь запер.

– И правильно, – кивнула Глафира, отставляя оружие и оглядываясь на накрытый стол.

– Верно думаешь. Сейчас самое время чаю попить, – улыбнулся Мишка.

– И верно, все одно не усну, – улыбнулась в ответ женщина.

Чай успел настояться, и Мишка, налив в чашку свежего, ароматного напитка, с удовольствием отдал должное меду и пряникам. Попутно он не спеша пересказывал тетке все услышанное от унтера. Слушая его рассказ, Глафира только охала и головой качала. Покончив то ли с поздним ужином, а то ли с ранним завтраком, они в четыре руки прибрали со стола, и Мишка, от души зевнув, неожиданно понял, что образ случайно увиденной девочки померк.

«М-да, как там говорится, у мужика всего три желания? Поспать, поесть и потрахаться? Похоже, близко к теме», – иронично подумал он, раздеваясь.

Глафира вернулась в свой закуток и давно уже притихла, а он, перезарядив оружие, задумчиво постоял у окна, после чего, погасив лучину, отправился на боковую. На этот раз уснул парень, едва только успев накрыться одеялом.

* * *

К собственному удивлению, выпался Мишка отлично. Умывшись и попив свежего молочка с краюшкой хлеба, он оделся и, повесив на пояс кобуру и револьвером, направился к дверям.

– Мишенька, а десятого варнака так и не поймали. Ты там поосторожнее, – невинным голосом произнесла ему вслед тетка.

– Мама Глаша, ты это к чему? – удивился он и, сняв полушубок с гвоздя, развернулся к ней всем телом.

– К тому, чтоб не рисковал без нужды, перед девками рисуясь, – с улыбкой ответила тетка и, подойдя вплотную, взяла его лицо в ладони.

– Думай прежде чем сделать чего, – вздохнула она и, чмокнув его в лоб, быстро перекрестила.

«Блин, или я дурак, или жопа с двумя “пэ” пишется, – проворчал про себя Мишка, выходя на улицу. – Вот к чему это сейчас было?»

Так и не придумав ничего умного, он решительно зашагал к участку. Сегодня у него был волнующий день. Предстояло запустить в дело очередное свое изобретение – скорозарядник. Всего он сделал их три штуки. Один под калибр своего револьвера, и два, под калибр револьверов для полиции, из которых один, естественно, тоже для себя. Для снаряжения оружия, оставшегося после попытки его убить.

Помня, что вот-вот начнется война, Мишка делал все, чтобы иметь под рукой достаточное количество оружия и боеприпасов. А также примерный план действий, если хунхузы, японцы или еще какие маньчжуры решат уничтожить их поселок. Единственный близкий ему человек – это Глафира. А значит, ее придется вытаскивать любыми силами. Уходить придется груженым, имея при себе только то, что сам унести сможешь. И в этом случае главными будут оружие и бое припасы. Имея то и другое, в тайге не пропадешь. Жаль, что бывшему владельцу его тела не под силу было сложить толковую заимку где-нибудь в глуши. Пользовался соседской. Тот охотник по юности лет помогал пареньку, обучая его премудростям охоты, но уже два года как решил, что Мишка и сам неплохо справляется. Делить свои охотничьи угодья на две семьи никто не желал. Обучили, подсказали, и живи дальше своим умом. Что Мишка и делал со всем старанием.

За раздумьями и воспоминаниями он добрался до участка и, поздоровавшись с дежурным, легко сбежал в подвал. Открыв дверь в мастерскую, парень быстро скинул полушубок и, вздохнув, мрачно покосился на стоящую в углу буржуйку. Это железное убожество ему соорудили в депо, труба была выведена в окошко, а сама печка покоилась на листе жести. Вопиющее нарушение правил безопасности, но кто про них в эти времена вспоминает?

Хорошо еще, что топить ее приходилось только углем, а не дровами. Да и то только потому, что Мишка на пальцах объяснил уряднику, что будет, если из печки не вовремя вылетит кусочек раскаленного угля. Впечатлившись, тот приказал доставить от станции две подводы угля, пообещав привезти еще, если потребуются. Раскочегарив печку, Мишка зачерпнул из ведра воды большой медной кружкой и, поставив ее на печку, достал из сумки скорозарядник, приготовленный для демонстрации уряднику. Ну и в подарок, конечно. Куда ж без этого.

Он успел заварить чай и достать из шкафчика чашку и сахарницу, когда на улице стукнул выстрел и послышались заполошные крики. Мимо окна гулко протопали солдатские сапоги. Прихлебывая чай, Мишка подошел к окошку и, выглянув на улицу, тихо поинтересовался:

– Ну и че это еще за фигня?

Мимо окна снова пронестись ноги в сапогах, на крыльце затопали, потом в коридоре послышались возбужденные голоса. Приоткрыв дверь, Мишка попытался понять, что проис-

ходит, но, убедившись, что голосащих слишком много, вернулся к окну. Из участка начали выскакивать полицейские с винтовками в руках. Следом тяжело протопали знакомые колонноподобные конечности урядника.

– О как?! – удивился Мишка. – Похоже, каша серьезная заваривается. Пойти, посмотреть что ли? А оно мне надо?

В ответ на его тихий вопрос снова раздался выстрел.

– Гм, это кто там так развоевался-то? – буркнул парень, надевая полушубок.

Выйдя на улицу, Мишка сдвинул кобуру на бок и, не застегиваясь, зашагал туда, куда бежали до этого все увиденные из окна ноги. Обойдя участок, он вышел в чистую часть поселка и тут же увидел кучу вооруженного народа у ворот солидного имения. Двух этажный дом, хозяйственные постройки, пара флигелей. Денег хозяин явно не жалел. Полиция оцепила имение по периметру, отсекая любопытных от попыток заглянуть через забор. У ворот кучковалось начальство, явно растерянное.

Рассмотрев с самого края мрачную физиономию урядника, Мишка протолкался к нему и, тронув его за рукав, тихо спросил:

– Что случилось, Николай Аристархович?

– Ночью десять ссыльных бежать пытались, – так же тихо поведал тот, обреченно вздохнув. – Девятерых взяли. Кого побили, кого живым догнали, а десятый всю ночь где-то прятался, а под утро на подворье купца Липатова пробрался. И не куда-нибудь, а во флигель, который приезшему штабс-капитану сдали. Тот было за оружие схватился, да варнак его подстрелил, а когда шум поднялся, дочкой его прикрылся. Теперь грозит, что обоих пристрелит, если ему уйти не дадут.

– А ссыльный-то из каких? Уголовник или политический? – помолчав, уточнил Мишка.

– Да какая разница, – с досадой отмахнулся урядник.

– Не скажите, Николай Аристархович, – покачал Мишка головой. – Если угол, то ему можно зубы заговорить, отвлечь, а потом и просто прибить. А если политика, то эти сами кого хочешь до полного изумления заговорят.

– Сейчас узнаю, – моментально сообразив, о чем речь, кивнул урядник и, оглядевшись, покатился к какому-то офицеру, о чем-то горячо спорившему с важного вида чиновником.

Ухватив офицера за рукав, урядник отвел его в сторону и что-то быстро спросил. Выслушав ответ, он задумчиво расправил усы и, кивнув офицеру, отошел в сторону, жестом подзывая к себе Мишку. Парень быстро переместился, стараясь держаться так, чтобы на него не обратили внимания, и, подобравшись к толстяку, тихо спросил:

– Ну что?

– Уголовник, но говорят, в ссылке с политическими терся.

– Теперь понятно, с чего он решил заложника брать, – мрачно хмыкнул Мишка. – Научили, сволочи.

– Ты это про что? – потребовал урядник объяснений.

– Уголовники гражданскими не прикрываются. Им этого не надо. У них задача другая. Налетел, ограбил, убил, если сопротивляется, и ушел. А вот невинные жертвы – это только у политических. Это им вечно крови мало.

– Неужто убьет? – охнул урядник. – У того штабс-капитана она единственный ребенок. Жену три года как похоронил. Сам растил-лелеял. Чего делать-то, Миша? Ежели убьют их, мне тогда точно беды не миновать.

– Ну, вы тут вообще краем, – задумчиво проворчал Мишка, разглядывая флигель. – Конвойная рота вам не подчиняется. Беглых они сами ловили. Одного я из вашего подарка сам ночью у собственных ворот пристрелил.

– Не сказали, сволочи, – прошипел урядник, слушавший его словно отца родного.

– Если надо, ищите того, у которого в левом виске дырочка маленькая. Далеко было, так что пуля в башке осталась. Из винтовки это как по горшку с борщом было бы, одни осколки, – пояснил Мишка и, тряхнув головой, продолжил:

– А что он умудрился сюда забраться, так надо было сразу в полицию о побеге сообщать, чтобы ваши люди могли чистые дворы под охрану взять. А они промолчали. Решили своими силами справиться. Вот и получилось, что получилось.

– Умный ты, Миша, – уважительно протянул урядник. – Ишь, как все извернул! Да только проку от этого мало. Все равно вцепятся, только перья полетят. Нам бы этого варнака самим взять.

– Людей погубим, – покачал Мишка головой. – Он, небось, с ними в одной комнате закрылся и на мушке держит. Хоть раз, но шмальнуть успеет. Его класть надо. Наглухо, – прошипел парень, проигрывая в голове варианты.

– Да хоть бы и так, – решительно кивнул урядник. – Только как сделать?

– Прицел бы мне, оптический, – мечтательно протянул парень. – Сел бы в окне напротив, и как мелькнул, так и все.

– Что еще за прицел? – не понял толстяк.

– Наверде тех, что на пушки ставят. Одним глазом в него смотришь, и все как на ладони. Ну, вроде бинокля, но для винтовки, – принялся пояснять Мишка но, сообразив, что разговор свернул не туда, досадливо скривился: – Не о том сейчас речь, Николай Аристархович. Нет у нас такого прибора. Так что за неимением гербовой придется на простой писать.

– Что-то ты, Мишка, заговариваться начал, – крикнул урядник, расправляя усы.

– Думаю я, дядя Николай. Думаю, – вздохнул Мишка. – Он требовал чего? Ну там, еды, может, водки?

– Нет. Кричал только, что уйти хочет.

– И все?

– Все.

– Так. Тогда держи, – скомандовал парень, снимая с себя ремень и доставая из кобуры револьвер.

– Ты чего задумал? – растерялся урядник.

– Схожу, поговорю с ним, – ответил парень, хищно усмехнувшись и аккуратно укладывая револьвер в пришитые к полушубку ремешки под мышкой.

– Что, сам? – окончательно обалдел урядник.

– А что с меня взять? – хитро усмехнулся парень. – Пацан – он и есть пацан. А когда поймет, что тот пацан стреляет лучше десятка таких, как он, поздно будет.

– Миша, всю жизнь буду за тебя бога молить, – истово пообещал толстяк.

– Во двор проведите, чтобы не помешали, – потребовал Мишка, и урядник, выпрямившись, решительно зашагал к негромко гомонящей толпе.

Раздвигая ее, словно ледокол, он подвел Мишку к калитке, у которой стояли двое полицейских с винтовками, и, пройдя с ним во двор, остановился, ожидая дальнейших инструкций.

– Тут меня ждите. Остальные пусть там остаются, – тихо сказал Мишка и, перекрестившись, не спеша зашагал к флигелю, держа руки полусогнутыми на уровне плеч. Он почти подошел к крыльцу, когда в одном из окон слегка отодвинулась занавеска и, на парня уставилось дуло револьвера.

– Не стреляйте, дяденька, – быстро сказал Мишка. – Мне урядник полиции велел узнать, чего вы хотите и что нужно, чтобы вы господина штабс-капитана с дочерью живыми отпустили.

– Я ж им сказал, чтобы ушли, – возмущенно зашипел беглый.

– Так не могут оне. Говорят, уйдут, а вы людей порешите. Вот и прислали, чтоб я у вас ваши... это, как его, условия узнал.

Мишка старательно играл недалекого деревенского паренька. Судя по всему, ссыльный тоже великим умом не отличался. Хитрый, опасный, но недалекий. Сумел воспользоваться моментом, но реализовать его полностью ума не хватило.

– Заходи, – проворчал он, явно растерявшись.

Мишка поднялся на крыльцо и, пройдя коридором, вошел в небольшую гостиную. Господин штабс-капитан сидел на полу с перевязанным животом. Пуля вошла в левую часть, и, похоже, не нанесла серьезных повреждений, но если не оказать ему срочную помощь, может развиться сепсис. Девушка сидела рядом с ним, испуганная, но целая. Оценив обстановку, Мишка показательно распахнул полушубок, на всякий случай сообщив:

– Оне с меня даже ремень сняли. Так что вам принести?

– Еды в дорогу, возок с парой коней, и пусть отойдут подальше. Я в возок сяду и уеду, – задумчиво проговорил ссыльный.

– Зима, дяденька. По тайге тракт еще чистый, а в полях переметы. Встанете, и все. Считай, замерз. Или волки заедят.

– И чего делать? – опешил от такого ответа варнак.

– Расписание поездов просите. Как литерный пойдет, так на него и прыгнете, а их тут оставите. У станции он все равно скорость сбросит. Запрыгнуть легко. И догонять трудно. Литерный только по особым случаям останавливается.

– Умно. Сам придумал?

– Ага. Уехать хотел. А из еды чего хотите?

– А ты б чего взял? – нашелся каторжник.

– Ну, тут кто чего больше любит. Я бы хлеба, сала, колбасы, яичек вареных взял. И не тяжело, и вкусно. А консерва – она тяжелая. А как банку вскрыл, так обратно уже не положишь.

– Я тоже консерву не люблю, – кивнул варнак. – Так и передай, что сказал. И пусть еще флягу с водкой положат и лука с солью. Запомнил?

– Ага. Расписание на бумажке, хлеба, сала, колбасы, лука, водки, соли, яичек вареных. Может, еще чего? – уточнил Мишка, не спеша разворачиваясь к нему левым боком и запуская правую руку подмышку.

– А чего еще? – окончательно забывшись, спросил варнак, опуская руку с револьвером.

– Ну, исподнее свежее, одежду другую, – принялся перечислять Мишка, делая вид, что почесывается.

– Некогда. Ты еще баню предложи, – рассмеялся варнак, отмахнувшись.

– Тоже верно. В морге переоденут, – рыкнул Мишка и, выхватив револьвер, плавно нажал на спусковой крючок.

* * *

Сидя в сугробе возле участка, он не замечал, как по лицу стекают капельки подтаявшего снега, которым он умылся, пытаясь успокоиться, и смотрел, как дрожат пальцы. Про освобождение заложников он только слышал и видел в кино, так что теперь хорошо понимал, почему главные герои тех фильмов после завершения операции надирались в лоскуты. Сейчас ему хотелось именно этого. Надраться так, чтобы «му» не сказать было.

Спина побаливала от переизбытка адреналина, а в ушах кровь была барабанным боем. Зачерпнув еще горсть пушистого чистого снега, Мишка приложил ее к лицу, чувствуя, как невесомые снежинки моментально превращаются в холодную воду. Рядом с ним кто-то остановился, и парень, чуть повернув голову, увидел громадные сапоги урядника. За ним был еще кто-то, но за шарообразной фигурой было не разобрать, кто именно.

– Ты бы это, Миша, в участок шел, – откашлявшись, посоветовал урядник с неожиданной робостью в голосе.

– Угу, – кивнул Мишка и, тяжело поднявшись, поплелся в указанном направлении, попутно отряхивая одежду от снега.

Войдя в участок, он свернул было к лестнице в свою мастерскую, но громадная лапа урядника, мягко опустившись ему на плечо, перенаправила движение.

– Ко мне пойдем, Миша, – негромко сказал толстяк, и Мишка, даже не пытаясь сопротивляться, зашагал дальше, словно механическая кукла.

У двери в свой кабинет урядник осторожно отодвинул парня в сторону и, погремя ключами, отомкнул замок. Распахнув дверь, он сделал шаг в сторону и, широким жестом указывая на кабинет, велел:

– Проходи, усаживайся.

– Еще чего случилось, Николай Аристархович? – взяв себя в руки, устало спросил Мишка.

– Тьфу-тьфу, – застучал урядник по ножке стола. – Слава богу, нет. Ты мне скажи, с чего вдруг разволновался так? Вроде не в первый раз по беглым стреляешь.

– За девочку испугался, – вздохнул Мишка. – Этот урод револьвером размахивал так, что в любой момент мог курок спустить. А револьвер на боевом взводе. Хорошо, получилось на себя его отвлечь и зубы заговорить. Иначе все бы там легли.

– А как ты умудрился оружие пронести? – слышался вопрос, и только теперь Мишка заметил, что у входа в кабинет топчется целая делегация.

– Револьвер в рукав, подмышку сунул и сделал вид, что почесаться решил, – пожал Мишка плечами, не желая выдавать свои маленькие секреты.

– А оружие у вас откуда? – не унимался какой-то офицер. – Револьверы не так часто гражданские покупают. Да еще и крестьяне. Не по карману.

– Михаил числится в нашей службе оружейным мастером, так что револьвер тот ему я подарил, – грозно выпрямившись во весь рост, припечатал урядник. – Уж чем-чем, а оружием он пользоваться умеет лучше всех моих подчиненных, вместе взятых. Кстати, ваши подчиненные вам, господин ротмистр, не все докладывают. Один из ваших беглых был убит именно им.

– Это кто же? – насупившись, спросил офицер.

– Выстрел в левый висок. Выходного отверстия нет, – коротко ответил Мишка.

– Есть такой, – помолчав, кивнул ротмистр. – Я еще удивился, как так получилось.

– Я стрелял. Из-за ворот, когда понял, что он от ваших людей отстреливается.

– Погоди, так это ты пластину для быстрого заряжания магазина придумал? – вдруг заинтересовался офицер.

– Я, – кивнул Мишка. – Вот, к слову, – добавил он, протягивая уряднику скорозарядник, уже снаряженный патронами. – Вставляете патроны в барабан, в середине пимпочку поворачиваете, и все.

– Сделал все-таки, – расцвел улыбкой урядник и, достав из кобуры свой служебный револьвер, откинул барабан.

Ссыпав патроны из него в ладонь, он положил их на стол и, демонстративно вставив патроны скорозарядника в каморы, осторожно повернул рифленый барашек. Патроны тихо брякнули закраинами о барабан, и толстяк, защелкнув его в рамку, с довольным видом, хмыкнул:

– Цены тебе, Миша, нет. Шесть патронов одним махом вставить, это ж удумать надо было.

Убрав револьвер в кобуру, он принялся вставлять лежавшие на столе патроны в скорозарядник. Снарядив его, он покрутил необычное приспособление в руке и, не обращая внимания на наблюдавших за его действиями зрителей, спросил:

– В мастерской такие на всех долго делать будут? нужно будет всех обеспечить.

– Сложного там нет ничего. Главное, латунь листовую найти, – пожал парень плечами, не понимая смысла всего этого действия.

– Дозвольте полюбопытствовать, – решился ротмистр конвойной роты и, получив приспособление в руки, принялся внимательно его рассматривать. – Остроумно. Просто и удобно, – кивнул он, передавая скорозарядник кому-то из зрителей. – И много у вас, юноша, еще таких придумок? – повернулся он к Мишке.

– Так я этим делом не промышляю. Надо, придумываю и делаю, – ответил Мишка, небрежно отмахнувшись.

– Сами делаете?

– Так вроде не безрукий, – усмехнулся парень.

– А тебя не учили, что в присутствии офицера вставать положено?! – вдруг выверился ротмистр.

– Господин ротмистр... – пьяным медведем взревел урядник, но Мишка, жестом остановив его, начал медленно подниматься, глядя офицеру в глаза.

«Если я встану, ты у меня, падла, ляжешь», – билась в голове мысль.

– Думаю, молодому человеку лучше пока отдохнуть, – раздался властный голос, и все собравшиеся дружно повернулись к дверям.

Недвижимы остались только ротмистр, замерший, словно кролик перед удавом, и Мишка, кулаки которого уже сжались до побелевших костяшек.

– Господин ротмистр, покиньте нас, – раздался приказ, и Мишка, чуть расслабившись, повернулся к дверям.

– Слушаюсь, господин полковник, – проблеял офицер и, вздрогнув, вышел.

– Эх его передернуло, – негромко проворчал вошедший, проводив ротмистра взглядом. – Однако и взгляд у вас, юноша, – добавил он, останавливаясь напротив Мишки и отодвигая стул. – Присаживайтесь. Побеседуем.

Парень так же медленно уселся на место, рассматривая неизвестного полковника. Благородная седина, несколько орденов на груди, отлично сидящий мундир. И внимательные, цепкие голубые глаза на породистом лице. Это был действительно офицер. Такой, какими их показывали в фильмах. Белая кость. Окинув Мишку внимательным взглядом, полковник чуть усмехнулся и, движением кисти указав на дверь, сказал:

– Не обращайте внимания на этого дурака. Просрал службу, а теперь виноватых ищет. На этот раз не отвертится. Но давайте начнем сначала. Полковник Белецкий, Александр Ефимович.

– Михаил, местный охотник и оружейный мастер в полицейской службе, – кивнул парень.

– Просто Михаил, и все?

– До отчества не дорос еще, а фамилия моя Халзанов.

– Это откуда ж такая? – удивился полковник.

– Ястреб степной. То ли монголы, то ли маньчжуры эту породу так называли. Оттуда и пошло, – ответил Мишка, припомнив рассказ тетки.

– Ястреб, значит, – протянул полковник, рассматривая скорозарядник. – Сильно. Впрочем, характер в вас чувствуется. Эту штуку действительно вы придумали?

– Я. Другой такой не найдете.

– И пластины для винтовок тоже вы?

– Я их обоями назвал.

– Интересное название. Урядник, в мастерских депо такие приборы заказать можно?

– Так точно, ваше благородие, – закивал толстяк, начиная подниматься со своего стула.

– Это радует, – кивнул полковник, жестом усаживая его обратно. – Скажите, молодой человек, почему вы рискнули? Ведь это не ваше дело.

– Господин урядник сказал, что штабс-капитан дочку один растит. Я сам сирота, – коротко пояснил Мишка.

– Я могу взглянуть на ваше оружие? – неожиданно спросил полковник.

– Прошу, – ответил Мишка, уже немного очухавшись.

Одним плавным движением вытащив из кобуры револьвер, он привычно разжал ладонь, удерживая оружие указательным пальцем за скобу, и, когда револьвер повис рукоятью вверх, одним движением взял его в горсть. В итоге оружие оказалось развернутым рукоятью к полковнику.

– Заряжен, – коротко сообщил Мишка, протягивая оружие ему.

– Ловко, – улыбнулся тот, осторожно забирая оружие. – Интересная модель.

– Без спицы курка. Для скрытого ношения. Разработан в САСШ, – все так же коротко сообщил парень.

– Изрядно, – покачал головой полковник, удивленно посмотрев на него. – Откуда такие познания?

– На торгу журнал в оружейной лавке видел. В нашей глуши это как изобретение господина Цеппелина увидеть.

– Вы и про воздухоплавание знаете?!

– Меня всегда техника интересовала.

– Заметно, – кивнул полковник, вертя в пальцах скорозарядник. – А у вас, урядник, откуда такое оружие?

– С контрабандистов взял, – невозмутимо ответил толстяк. – В службу его не возьмешь, и калибр не наш, и не по руке он мне, а для оружейника в самый раз.

– Да уж. Благослови бог вашу предусмотрительность, – вздохнул полковник, возвращая Мишке револьвер. – Штабс-капитан Каретский муж моей сестры. Выходит, Аннушка мне родная племянница. Я их сюда специально выписал, чтобы поближе были. Думал, глушь, тишина, а оно вон как вышло.

– Сильно его ранили? – осторожно спросил Мишка.

– Доктор в сомнении, хоть и признает, что времени немного прошло. Операция еще идет. Дальше как Господь решит, – тихо вздохнул полковник.

– Его в среднюю левую часть живота ранило. Там особо важных органов нет. Если только кишечник не порвало, – задумчиво проворчал Мишка.

– Ну да. Охотник, – понимающе кивнул полковник. – В общем, так. Указом его императорского величества я назначен организовать тут опорный гарнизон, с правом приобретать все необходимое для улучшения несения службы и противления разбойничьим нападкам. Сколько ваши обоймы стоят, юноша?

– Делать их не я стану. Не на чем. Материал тоже не мой. А за изобретение много не платят, – растерялся Мишка от такого поворота.

– Думаю, по две копейки с каждой штуки в самый раз будет, – моментально нашелся урядник.

– По сколько штук на ствол вы заказывали? – повернулся к нему полковник.

– По пять. Но пришлось подсумки новые шить.

– Это ерунда, – отмахнулся офицер. – По пять штук на ствол, десять копеек с головы. В гарнизоне по штату тысяча штыков. Сто рублей. Разом не получится, – покачал он головой, почему-то удрученно.

– Так зачем же сразу? – усмехнулся Мишка.

– Поверите моей расписке? – заинтересовался полковник.

– Я и слову вашему поверю, – кивнул парень, отвечая ему твердым спокойным взглядом. – Пяти рублей в месяц хватит. И для гарнизонной казны не накладно, и у меня не будет соблазна на ерунду деньги спустить.

– Что ж, признаться, не ожидал, – удивился полковник. – Но должен сказать, что вы меня порадовали. Господа, прошу вас свидетельствовать. Я, командир гарнизона, полковник Белецкий, даю слово офицера, что этот молодой человек станет получать из гарнизонной казны по

пять рублей каждый месяц за свое изобретение. Общая сумма выплаты сто рублей на ассигнации. За что он обязуется не противиться закупке мной придуманных им обоем. Все слышали?

– Так точно, – слышалась разноголосица свидетелей.

– Вот и прекрасно, – усмехнулся полковник. – Извольте получить, молодой человек, – с этими словами он достал роскошный портмоне из тисненой кожи и выложил перед Мишкой пятерку.

– Господин урядник, засвидетельствуйте, пять рублей ассигнациями за свое изобретение на будущий месяц получил, – ровным голосом ответил Мишка, забирая деньги.

– Вот и хорошо, – улыбнулся полковник, выслушав его слова. – А про ваши...

– Скорозарядники, – подсказал Мишка.

– ...Скорозарядники мы чуть позже поговорим, – кивнул полковник и, поднявшись, добавил: – Честь имею.

– Всего наилучшего, – склонил голову Мишка, поднявшись вместе с ним.

* * *

Дождавшись, когда все интересовавшиеся покинут кабинет, урядник устало вздохнул и, тяжело оперевшись локтями о стол, еле слышно проворчал:

– Вот что, Миша. С этого дня проси чего хочешь. Спас ты меня. Как есть спас.

– Сочтемся, дядя Николай, – кивнул Мишка и, вздохнув, добавил: – Пойду я. Устал. Не думал, что все так сложно будет.

– А я вообще решил, что это тебя порешили, когда выстрел услышал. Ступай, Миша. И знай, с этого дня я за тебя и в огонь и в воду.

Кивнув, Мишка вышел из кабинета и зашагал к выходу. Дежурный, увидев парня, молча встал. Не ожидавший такого Мишка только растерянно улыбнулся в ответ. Выбравшись на улицу, он медленно спустился с крыльца и зашагал к дому. Мыслей не было. Хотя разговор с полковником и помог немного скинуть напряжение, но разгулявшиеся эмоции все равно будоражили кровь.

Хотелось отчебучить чего-нибудь такого эдакого, чтобы разом вымело из головы все дурацкие мысли. В своем мире он уже ввалился бы в какой-нибудь клуб и, приняв на грудь, ввязался бы в драку с какой-нибудь гопотой. Хорошая драка помогла бы быстро разрядиться. Увлечшись своими мыслями, Мишка не услышал, как его догнали роскошные сани, запряженные парой сытых каурых коней. Только услышав фыркание над ухом, парень сделал длинный шаг в сторону, и мимо плеча свистнула сыромятная плеть.

Промажнувшись, кучер натянул поводья, осаживая пару. Сделав еще один шаг назад, Мишка быстро развернулся, одним долгим взглядом оценивая обстановку. В санях сидел мужик с бородищей до пояса, одетый в шелковую рубашку навыпуск, штаны из какого-то дорогого материала, название которого Мишка не помнил, и соболью шубу, подбитую волчьим мехом. На ногах у него были отличные пимы из лосиной шкуры. На облучке саней сидела пара мужиков, один из которых и правил лошадьми.

Эти были одеты просто, но добротно. Присмотревшись внимательнее, Мишка понял, что эта парочка бывшие сидельцы.

«Понятно. Соратники по решению особо мерзких задач», – усмехнулся про себя парень.

Купец, огладив бороду, поправил бобровую шапку и, сложив руки в перстнях на пузе, презрительно усмехнулся, вальяжно спросив:

– Ты, что ли, Мишка-охотник будешь?

– Кому Мишка, а кому и Михаил Григорьевич, – жестко отозвался парень.

– Значит, варнака, что офицера стрелил, ты убил? – спросил купец, не обращая внимания на его ответ.

– Я.

– Ну, так ты мне должен, – вдруг заявил купец.

– Шутить изволишь? – фыркнул Мишка, намеренно обращаясь к нему как к равному. – С чего это вдруг я тебе задолжал?

– Во флигеле моем стрелял? Стрелял. Кровь на полу, пуля варнаку голову пробилла, вазу дорогую разбила и стену попортила. Так что должок за тобой, Мишка.

– Нет у меня долгов. А ежели что не нравится, к уряднику ступай. Он все объяснит.

– Урядника твоего есть кому приструнить. Так что он тебе не помощник. А вот с тобой, за дерзость твою, особый разговор будет. Учить тебя станем. Айда, мужики. Только не перестарайтесь. Ему еще долг отрабатывать, – усмехнулся купец, снова огладив бородищу.

– А силенок хватит? – рыкнул в ответ Мишка, скидывая полушубок.

Сидевшие на облучке мужики принялись сползать на дорогу, и парень, не дожидаясь, когда они закончат, ринулся в атаку. Стоявшие на дороге сани проехали чуть вперед, так что им предстояло не только слезть, но еще и сделать пару шагов назад. При этом прямо к парню мог подойти только один. Второму нужно было обойти сани сзади. Перелезть обоим на одну сторону, означало встать друг за другом. Этим Мишка и воспользовался.

Подскочив к бывшему сидельцу, он с ходу пнул его сапогом в колено так, что кость хрустнула, и от всей своей широкой души всадил кулак чуть выше уха противника. Охнув от удара по колену, мужик скособочился, подставив рожу. От удара по роже мужик потерял ориентацию в пространстве и попросту рухнул мордой в снег. Стремительно развернувшись, Мишка прыгнул ко второму противнику и, не раздумывая, нанес прямой удар в кончик носа. Переносица хрустнула, кровь из носа и разбитых губ залила ему бороду, а из глаз хлынули слезы.

Не давая ему опомниться, Мишка нанес футбольный удар по щиколотке. Не ожидавший этого мужик грохнулся ничком на дорогу, с размаху приложившись лицом об укатанный снег. Выхватив из ножен нож, Мишка запрыгнул в сани и его рукоятью со всей дури приложил купца по морде. Потом сгреб в горсть его бородищу и дернул так, что тот едва не вылетел из саней. Провернув в руке нож, Мишка поднес кончик к глазу купца и, глядя ему в перепуганные глаза, еле слышно прошипел:

– Запомни, сука, это был первый и последний раз, когда ты от меня живым ушел. Еще раз на пути встанешь, я тебя в твоей же избе пристрелю, как собаку бешеную. А это чтобы запомнил, – с этими словами парень одним резким взмахом косо обрезал ему бороду у самого подбородка.

Соскочив на землю, Мишка презрительно швырнул обрезки бороды купцу в лицо. Заметив, что оба прислужника делают слабые попытки встать, он не раздумывая ударил каблуком по предплечью одного, ломая кость и, развернувшись, вторым ударом сломал его поделнику челюсть.

– Это чтобы лучше запомнили, – прорычал Мишка и, подобрав полушубок, зашагал к дому, на ходу одеваясь.

На душе полегчало, а настроение сразу улучшилось. Шагая по чуть поскрипывающему снегу, парень вспоминал всю драку буквально покадрово. Все было сделано правильно. Но возможно, нужно было довести купца. Такие просто так не останавливаются и, получив отпор, начинают гадить исподтишка. Значит, нужно принять меры. Осталось придумать, какие именно. Ну, озадачить урядника – это раз. Тот настойчиво посоветует купцу оставить все как есть и не делать глупостей. Но купец не уймется и попробует нанять кого-то из ссыльных.

А вот как поступить тут? Ротмистр из конвойной команды и сам, похоже, не прочь свести с ним счеты за то, что Мишка посмел язык распустить. Да еще и прилюдно. А это значит, что даже если урядник решит привлечь его, тот просто умоет руки. Все это означает, что в ближайшее время придется встречать незваных гостей. Ссыльные ради доброго к себе отно-

шения сделают что угодно. Достаточно вспомнить ту парочку политических, готовых зарезать его ради продуктов.

Ссылные. Что-то это слово навевало. Еще раз прокрутив в памяти ту историю, Мишка резко остановился и, зло усмехнувшись, кивнул. Есть, есть человек, который обещал помочь в случае, если возникнут терки с этой братией. Запахнув полушубок, парень прибавил шаг и решительно зашагал в сторону торговой площади. Савва, вот кто ему нужен. Нельзя быть сильным везде, а значит, пришло время заключить сделку. С остальным будем разбираться потом.

Добравшись до нужной лавки, Мишка подозвал крутившегося неподалеку пацана и, показав ему медную полушку, спросил:

– Савву знаешь? Сторожем в этой лавке служит.

– Грека-то? Знаю, – кивнул мальчишка.

– Найди его, скажи, охотник поговорить хочет. Пусть выйдет. Сделаешь, получишь это, – Мишка подбросил монетку.

– А не врешь?

– Истинный крест, – пряча улыбку, перекрестился Мишка.

– Ладно, – кивнул пацан и, развернувшись, исчез в лавке.

Спустя несколько минут он выскочил обратно и, подбежав к Мишке, доложил:

– Сказал, сейчас будет. Давай. – И мальчишка требовательно протянул ладошку.

– Жди. Как выйдет, так и отдам, – отрезал Мишка, глядя на дверь лавки.

Мальчишка обиженно засопел.

– Не хнычь. Сказал заплачу, значит заплачу. Но я должен твердо знать, что ты мои слова ему передал, а не другому кому.

– Обижаешь, – возмутился мальчишка. – Сам сказал – греку передать. Я его и позвал. Да вон, смотри. Сам идет.

Из лавки, накидывая тулуп, вышел Савва и, оглядевшись, не спеша направился к парню.

– Благодарствую, – улыбнулся Мишка, отдавая пацану монетку.

– Может, еще чего надо? – спросил тот, пряча ее за щеку.

– Далеко не убегай, может и понадобится. Как дела пойдут, – пожал Мишка плечами и зашагал к греку.

– Здравствуй, Михаил, – улыбнулся Савва, протягивая руку.

– И тебе здоровья, Савва, – кивнул парень, пожимая сухую, словно деревяшка, ладонь. – Дело к тебе есть.

– И я даже догадываюсь, какое, – понимающе хмыкнул грек.

– Думаю, нет, – качнул Мишка головой.

– А ты не думай. Беглого в деревне ты пристрелил?

– Было дело. Палить начал у самых ворот. Хорошо не в окно мне пулю вогнал. Пришлось угомонить.

– Вон оно как, – задумчиво протянул Савва и, огладив бороду, кивнул, – добро. Решим. Думать надо, где шум поднимаешь. А что еще?

– Купец один есть. В его флигеле офицера ранили и дочку того офицера заложницей взяли. Я того варнака порешил...

– Забудь. Стылый всегда дураком был и помер как дурак, – отмахнулся Савва.

– Да ты дослушай, – вздохнул Мишка. – В общем, купец этот решил из-за той стрельбы меня в должники записать. Я двух его подручных помял, а самому бороду обрезаю. Думаю, он теперь станет искать, кого ко мне с пером подослать. Вот тут мне твоя помощь и надобна. Не хочу лишней крови. Сам понимаешь, просто так меня не взять. А если сунутся и тетку зацепят, я всех ссыльных по ветру пушу. Про мою засаду на хунхузов слышал?

– Две недели языками мололи, – усмехнулся грек. – Удумал ведь.

– А теперь представь, что будет, если кто мою родню зацепит, – веско проговорил Мишка, останавливаясь и разворачиваясь к нему всем телом.

– А ты ведь не шутишь, – качнул Савва головой после минутного молчания.

– Совсем не шучу. Мне тогда терять нечего станет. Умою их кровью и в тайгу уйду.

– Значит, вспомнил, как по тайге ходить? – быстро спросил Савва, намекая на их прежний разговор.

– Вспомнил, – кивнул Мишка. – Осталось место подходящее найти. Те, что знаю, слабые. За лето набрать с фунт может и получится, но это не для твоих планов.

– Верно. Ладно. Есть у меня пара человечков. Пьют много и болтают без удержу. Но за сезон до пуда намывают. Поговорю с ними, – подумав, заявил грек.

– Место узнай. А дальше сами справимся. Не нужно лишних глаз в таком деле, – ответил Мишка, успевший все продумать. – Ты рыжем займешься, а я займку поставлю и по хозяйству. А дальше ты в свою сторону, а я в свою.

– Что, и себе ничего не возьмешь? – насторожился грек.

– Мне место останется, – усмехнулся Мишка. – Это ты уйти рвешься, а мне идти некуда. Если только из дому, совсем.

– А ты ведь, похоже, задумал что-то, – задумчиво протянул Савва, рассматривая парня.

– Задумал, – не стал таиться Мишка. – Мне еще возраста подходящего нет. И если я к купцам с золотом сунусь, они все сделают, чтобы про место узнать и меня от дела оттереть. А так, ты уйдешь, а я затаюсь на пару лет. Буду добывать понемногу, и там же, на займке, прятать. А придет время, стану золотишко сдавать, и если получится, заявку в гильдию подам. Не хочу всю жизнь одной охотой жить. Да и не будет здесь скоро никакой охоты.

– Почему? – снова насторожился Савва.

– Война будет. Не знаю, как скоро, но будет. Точно. Среди тех хунхузов два японца было. Офицеры разведки. По их души аж из Екатеринбурга люди приезжали.

– Правду говорили, – тихо проворчал Савва, кивнув своим мыслям.

– Правду. Так что, договорились про лето? Тебе золото, мне место, и разойдемся краями. По рукам?

– По рукам, – решительно кивнул грек, протягивая ему руку ладонью вверх.

– А с купцом как решим? – спросил Мишка, хлопнув его по ладони.

– Пущу слух, что купчина сам неправ. А кто не услышит, твоя добыча, – помолчав, ответил Савва.

– Кто не услышит, пусть сразу себе панихиду заказывает, – зло фыркнул Мишка и, попрощавшись, отправился домой.

* * *

– Да, Миша, сделал ты себе имя, – с усмешкой проворчал урядник, прихлебывая горячий чай. – Вся белая часть поселка шумит. Меня уже до белого каленья довели, требуя объяснить, где я такого зверя взял.

– А вы чего? – с интересом спросил Мишка, прожевывая очередной пряник.

– А что я? Сказал, что сироте помогал, а он потом толковым охотником стал. Ну, и помогает мне, убогому, по дружбе да по старости моей, – ответил толстяк, хитро усмехнувшись.

– Это вы-то убогий?! – вытаращился Мишка и, не удержавшись, расхохотался. – Ой, дядя Николай, уморил! – простонал он, утирая набежавшие слезы. – Да мне твоего ума и знаний хоть половину, я бы уже купцом стал.

– По возрасту в гильдию не возьмут, – добродушно усмехнулся урядник. – А если правду сказать, так ты и вправду спас меня, Миша. Пока мы там чесались да рядились, кому в бороду вцепиться, пошел да дело решил. Да так лихо, что даже военные поверить не могут.

– А эти-то чего? – насторожился Мишка.

– Так дело одного из них коснулось, – развел урядник руками.

– Это да. Но ведь там вроде тот полковник рулит. В смысле правит, – быстро поправился парень.

– Полковник – это у них тут высшая власть. А делами в гарнизоне будут другие заправлять, ему только докладывая.

– Хотите сказать, что денег за обоймы нам не видать?

– Нет, тут все честно, – качнул толстяк головой. – Но ведь помимо обойм еще и другие дела будут. – Тут урядник лукаво покосился на парня.

– И чего те господа офицеры желать изволят? – иронично поинтересовался Мишка, моментально сообразив, что разговор пошел о каком-то гешефте.

– Да пока ничего особого. Оне еще и сами толком не поняли, куда встряли, – усмехнулся толстяк. – А вот когда поймут... – Он вздохнул и, покачав головой, продолжил: – Скучно у нас, Миша. Нам с тобой этого не понять, а им скучно станет. А со скуки какой только глупости не удумаешь. А это, позволю себе напомнить, офицеры. Белая кость. Дворяне. Не нам с тобой чета.

– Так пусть балы устраивают. По очереди, – пожал Мишка плечами. – Мы с вами, дядя Николай, им в скоморохи не нанимались.

– Но ведь на охоту ты их сводить можешь?

– Да сводить-то можно, но как им добычу обеспечить? Им же зверя вынь да положь. А это не имения ихние. Тут тайга, а не лес подмосковный. Ты сначала того зверя вытропи, догони, а потом еще выстрели так, чтобы подранком не ушел. Это не по полю верхом скакать, с собаками да рогами.

– Это да, – нехотя кивнул урядник.

– В общем, так, дядя Николай. Если к тебе с этим делом придут, ты им сразу так и объясняй. Что, мол, здесь охотиться так, как они привыкли, не получится. Тут охота другая. И если они готовы по несколько суток по нашим буеракам ноги бить, то милости просим. А ежели нет, так на нет и суда нет. А главное, сразу говорите, что добычи им никто не обещал и гарантий никаких тут быть не может. Думаю, после такого ответа половина сама отвалится.

– Умно, – подумав, кивнул урядник. – Но тут еще одно. Тому же полковнику и его ближним неплохо бы свежей дичи регулярно подкидывать. Особенно тем, которые в его штабе сидят. Сам понимаешь, свежати́на, она всегда в цене.

– Подумаю, но обещать ничего не стану, – вздохнул Мишка. – Мне под это дело тогда придется все дела бросить и неделями в тайге сидеть. А как тогда с учебой людей ваших быть? Да и в мастерской всегда найдется, чего делать. По вашему же оружию.

– Тоже верно, – скривился урядник.

– А вы мужиков подрядите. Пусть кто свежую убоину приносит, к вам заходит. Думаю, копеек по десять с клюва им не помешает, а вы уж дальше сами, – осторожно предложил Мишка.

– Негоция, выходит?

– Так не с офицерами, а прислугой ихней.

– Ну, подумаем. Посмотрим, – задумчиво кивнул толстяк. – А с купцом я сегодня же поговорю. Жаден он больно стал. Увидел, что полковник тебе серьезные деньги платить собрался, вот и решил их себе забрать. А ты его вона как жестко осадил. Серьезная обида-то получилась.

– Сам виноват. А будет гадить, так я его вообще шлепну, – зашипел Мишка, моментально ошетинившись.

– Миша!

– А что Миша? Я его не трогал и обиды терпеть ни от кого не стану. Тайга большая, и места в ней мне всегда хватит.

– Уймись, бешеный, – примирительно проворчал урядник. – Давай допивай, и пошли. Провожу тебя до булочной, заодно и к мироеду этому зайду. А ты теперь чаще за спину поглядывай. Он хоть и жаден, но среди ссыльных личность известная. Наймет кого, беды не оберешься.

– Думал об этом, – кивнул Мишка, быстро допивая чай и вскакивая.

Прибираться со стола он оставил тетке, которая, быстро справившись с домашними делами, ушла на посиделки к соседке. Семья у них была маленькая, и дел у нее было немного. Так что, перепоясавшись ремнем с кобурой и ножнами, Мишка накинул полушубок и, схватив с полки шапку, быстро осмотрелся. Печка закрыта, огня он не зажигал, а самовар стоит на специальном подносе. Можно уходить.

Пропустив урядника, парень подпер дверь рейкой, чтобы избу не выстужать, и, прикрыв за собой калитку, пристроился рядом с не спеша шагавшим толстяком. Пройдя мимо участка, они свернули в чистую часть поселка, и уже почти дошли до булочной, когда им навстречу из лавки букиниста выскочила Анна, дочка раненого штабс-капитана. Увидев Мишку рядом с урядником, она резко остановилась и, глядя на парня, как на привидение, тихо произнесла:

– Здравствуйте.

– И вам здоровья, барышня, – пробасил урядник, расправляя усы. Мишка отделался коротким поклоном, не зная, как вести себя с ней. – Как папенька ваш себя чувствует? – участливо спросил толстяк.

– Слава богу, господин урядник. Доктор сказал, очень вовремя операцию сделали. Еще б немного, и не спасли.

– Вот и славно. Рад, что все обошлось.

– Вас ведь Михаил зовут? – повернулась девочка к парню.

– Он самый. Михаил-охотник, – справившись с собой, кивнул Мишка.

– Это ведь вы папеньку спасли.

– Узнали, значит, – усмехнулся парень.

– Я только потом поняла. Испугалась очень, – чуть покраснев, призналась девочка. – Папенька сказали отблагодарить вас при встрече. Вот, извольте, – быстро добавила она, доставая из сумочки ассигнацию в десять рублей и протягивая ее Мишке.

– Не нуждаюсь, сударыня, – чувствуя, как кровь застучала в висках, глухо ответил парень. – Я в участке оружейным мастером служу, и мне там жалованье платят исправно. Желаю здравствовать, – отрезал он и, круто развернувшись, зашагал к булочной.

– Я сделала что-то не так? – растерянно спросила Анна у урядника.

– Вы, барышня, деньги спрячьте и по своим делам ступайте, – вздохнул толстяк, глядя вслед парню. – А потом при случае поинтересуйтесь у папеньки, что он под благодарностью подразумевал. Вы уж поверьте, Мишка, он не за деньги вас спасал.

– И что я, по-вашему, должна была сделать? – с вызовом спросила Анна.

– Думаю, просто спасибо сказать. От сердца, – устало вздохнул толстяк и, развернувшись, медленно зашагал в сторону дома купца.

Мишка, получивший в участке свое жалованье, отдал тетке полученную от полковника пятерку и теперь тратил свои честно заработанные деньги. Уложив свертки с булочками, пряниками, рогаликами и сушками по сумкам, парень расплатился и, навесив сумки на себя, прикрыл их полый полушубок. Теперь нужно было поспешить, пока все это добро не замерзло.

Выскачив на улицу, он запахнул полушубок и широким шагом зашагал к дому, попутно обдумывая, из чего бы сделать толковую торбу, чтобы носить по морозу свежую выпечку. Как выяснилось, Глафира умела печь пироги и пирожки со всякими начинками, но пряники и рога-

лики ей были недоступны, как и требуемые туда приправы. Однажды глянув на цену, за которую продавали корицу, Мишка чуть у прилавка инфаркт не получил.

Он уже почти дошел до дома, когда за спиной зазвучали чьи-то шаги. Уже стемнело, и над деревней повисла почти полная луна. На снегу тень быстро шагнувшего парня была совершенно четкой. Чуть повернув голову, Мишка нашел взглядом тень догонявшего его человека и внутренне подобрался. Невысокий, весь какой-то дерганный, тот спешил следом, держа правую руку так, словно прятал в ней что-то.

Хищно усмехнувшись, парень переместил сумки ближе к спине и пару раз сжал кулаки, разминая кисти рук. Дождавшись момента, когда неизвестный окажется в полушаге за спиной, он сделал один широкий шаг вправо, одновременно разворачиваясь к нему и перехватывая уже наносимый удар.

Перехват, проводка вооруженной руки дальше, удар ребром ладони по горлу, удар ногой в колено, шаг за спину, и руки ложатся на подбородок и затылок противника ближе к макушке. Один резкий рывок руками в разные стороны и негромкий хруст.

– Кровавые деньги легкими не бывают, – наставительно прошипел парень, наклоняясь над упавшим и скривившись от запаха.

Человек, которому ломают шею, непроизвольно опорожняет кишечник. К тому же из полураскрытого рта вываливается язык. В общем, подобное зрелище способно надолго испортить аппетит человеку со слабым желудком. Приложив пальцы к шее лежащего, парень убедился, что все кончено, и, обойдя труп, мрачно подтолкнул выпавший из его руки предмет. Кусок круглой деревяшки, в которую был вбит толстый длинный гвоздь. Примерно миллиметров на сто пятьдесят.

– М-да, если знаешь, куда бить, внутреннее кровоизлияние гарантировано, – мрачно проворчал парень и, быстро оглядевшись, рысью поскакал дальше.

К его везению, на улице никого не было. Похоже, нападавший и сам не желал наличия зрителей, так что выбрал для нападения самый глухой участок дороги. Этим Мишка и решил воспользоваться. Установить личность погибшего и подать ссыльным весточку он решил через грека. Добравшись до дома, он застал Глафиру блаженствующей за чаем и, выложив перед ней свои покупки, снова вышел на улицу.

Добравшись до торговой площади, он подозвал уже знакомого пацана и, велев ему позвать Савву, отошел в промежутки между лавками. Грек появился вместе с мальчишкой. Увидев парня, он с усмешкой протянул ему руку и, дождавшись, когда посыльный отойдет, тихо спросил:

– Что случилось?

– Рост мне под ухо, борода клочками, движения дерганные, лет за тридцать. Любит орудовать деревяшкой с длинным гвоздем. Знаешь такого?

– Хорек, – скривился грек. – Подлая душонка. Но гвоздем своим орудует так, что кровь стынет.

– Больше не будет, – жестко усмехнулся Мишка.

– Неужто столкнулись?

– Лежит на дороге между поселком и деревней, шея свернута. Передай, это была моя добыча. В следующий раз быстро убивать не стану.

– Передам, – помолчав, уважительно кивнул Савва. – Не ожидал от тебя. Думал, стрелять станешь или за нож схватишься. А ты руками. Я про такое только у казаков слыхал.

– Считаю, что я у пластунов учился, – ответил Мишка, глядя ему в глаза. – И это было только для начала.

– Не переживай. Я с людьми говорил. Решили, что такой заказ брать – себя не уважать, – усмехнулся грек. – Но, как предупреждал, если кто решит, тот сам по себе. Таких немного. А теперь еще меньше будет.

– Их счастье. Ладно, Савва. Я весточку передал, а дальше будь, как будет, – усмехнулся Мишка, пожимая ему руку.

Уже на подходе к дому он увидел спешащий навстречу патруль из конвойной роты. Узнав унтера, который участвовал в ночной перестрелке, Мишка остановился и, вежливо поздоровавшись, вопросительно посмотрел на мрачного служаку средних лет.

– Ты это, парень, откель шагаешь? – спросил тот, вздохнув.

– Так с торговой площади. Случилось чего?

– Поднадзорного нашего убили, – скривился унтер. – Дряннь человек, но нам за него отчитаться надо. Так видел кого?

– Нет. Один шел. Да и не слышал я стрельбы. Или ножом взяли?

– В том-то и дело. Шею как куренку свернули, – снова вздохнул унтер.

– Это ж какой силищей обладать надо?! – охнул Мишка, потешаясь про себя.

– Вот и я думаю, что здоровый мужик орудовал, – кивнул унтер и, сделав своим знак, поспешил дальше.

* * *

Настало Крещение, и зима разгулялась вовсю. Морозы стояли такие, что по ночам за стенами избы слышался треск. Деревья трескались. Но спустя две недели мороз сменился пургой. Метель засыпала поселок. За ночь снегу наметало по колено, и останавливаться эта круговерть не собиралась. Однажды, кое-как добравшись до участка, Мишка выяснил у дежурного, что в такую погоду можно и не появляться и, вернувшись домой, занялся своими делами.

После разговора с Саввой он задумал сделать водяной насос. Намывать золото лотком долго и непродуктивно. Следовательно, этот процесс нужно как-то механизировать. Добравшись до депо, он порылся в кучах брошенного железа и, подобрав небольшой блок с двумя цилиндрами, удивленно почесал в затылке. По сути, это было именно то, что нужно. Требовалось подобрать шкив, корпус для насоса и то, из чего будет состоять крыльчатка.

Еще нужно было придумать, из чего сделать сальники, но это уже был второй этап. В общем, из того похода он вернулся груженный всяким железом, словно верблюд. Свалив все добытое в сених, парень принялся проводить блок цилиндров в порядок. Провозившись три дня, он довел его до нужной кондиции и занялся самим насосом. Крыльчатку пришлось делать из латуни. Благо кусков ее за цехами нашлось много. Помня, что закрытых подшипников здесь не найти, Мишка решил ограничиться втулками.

Спустя еще неделю возни и мата получился корпус, в котором легко вращалась крыльчатка, приводимая в действие парой цилиндров. Теперь нужно было придумать, как обеспечить плотность потока воды. Но прежде предстояло решить еще одну проблему. Шланги и форсунка.

Выглянув на улицу, Мишка в очередной раз выругался и, одевшись, поплелся снова в депо. Недолгий разговор с мастером, быстрая передача бутылки первача, и спустя полтора часа он стал обладателем пары кусков настоящего пожарного рукава с насадкой.

По идее, насадку можно было и не брать, обойдясь куском просверленной медяшки, но раз уж принесли, не отдавать же обратно. Принеся домой все честно добытое, Мишка подогнал горловины насоса под диаметр рукава и, собрав всю конструкцию в кучу, выставил ее на стол, задумчиво осматривая со всех сторон.

– Это что ж такое будет, сынок? – не сдержала любопытства Глафира.

– Насос водяной.

– А зачем он тебе?

– При крепком напоре он запросто может землю размывать, – задумчиво протянул Мишка, продолжая вспоминать, все ли сделал правильно.

– Да ты, никак, решил в старатели податься?! – охнула женщина.

– А если и так, что плохого? – повернулся к ней парень.

– Тяжелое это дело. И опасное, – грустно вздохнула Глафира.

– Зато прибыльное. Сезон отработал, и всю зиму сыт, пьян и нос в табаке. А потому как я не пью и табака не потребляю, то сыты мы с тобой будем долго.

– Так мы и теперь не голодаем, – вдруг заупрямилась женщина. – Мишенька, Богом молю, откажись. Опасно это. То и дело слышишь, того хунхузы зарезали, да того убили.

– Да погоди ты голосить, мама Глаша, – рассмеялся Мишка, обнимая ее и прижимая к себе. – Я ж еще даже не уверен, что механика моя работать будет. Да и мыть я думаю не со стороны границы, а наоборот, к горам пойду.

– А чего так? – от удивления Глафира даже перестала плакать. – Наши все ниже по реке в сторону границы идут. Говорят, там и течение тише, и всяких речных излучин и ручьев больше.

– Это верно. Да только золото у нас тут самородное, и его, годами из гор вымывая, реки тянут по течению. Вот его-то все и собирают. А я хочу до жилы добраться.

– До жилы?! Да ты в своем уме ли, сынок? – охнула женщина. – Да тебя за ту жилу самого на жилы распустят. Это ж мечта всех старателей и купцов, которые золотом промышляют.

– Знаю, потому и хочу все тихо сделать. Вроде как на промысел уйду. Буду иногда домой возвращаться, рыбу да дичину приносить. А сам там делом займусь. Вот, кстати, по весне нужно мешок соли купить. Да свечей не забыть, тоже пригодятся.

– Да куда ж тебе столько? Мы еще из того, что взяли, едва на пару горстей наели.

– А рыбу солить чем станешь? Пусть лучше в запасе будет.

– Ты б лучше, чем с железками возиться, сети проверил, – вздохнув, проворчала тетка, погладив его по щеке. – Раньше все виршами ловил, да это все баловство. Ты теперь мужик, и снасть тебе серьезная нужна.

– А бечева на сети у нас осталась? – задумчиво поинтересовался Мишка.

– Катушка, еще от Трифона, в сарае лежит. И челноки там же, – кивнула тетка.

– Катушка – это мало. Пойду на торг схожу.

– Сейчас денег принесу, – засуетилась Глафира.

– Оставь. Есть у меня пока.

Накинув тулуп, Мишка выскочил из дома и, добежав до сарая и откинув полено, которым были подперты двери, зашел вовнутрь. Быстро осмотревшись, парень заметил полуразвалившийся ларь и, разобрав барахло, нашел початую катушку тонкой бечевки. Там же обнаружили четыре костяных челнока. Притащив все это добро в дом, он оделся и, прихватив шапку, отправился на торговую площадь.

Спустя полчаса парень стал обладателем сразу трех катушек бечевы и мотка отличной веревки длиной в пятьдесят аршин. Дома, разложив все собранное, Мишка задумался. Он умел вязать сети двумя способами. На дощечку и на рейку. В первом случае ячея вывязывалась при помощи короткой дощечки, ширина которой определяла размер ячеи по диагонали. Во втором в рейке просверливались отверстия на равном расстоянии, равном размеру ячеи, и сеть вязалась уже на ней.

Но для второго способа ему не хватало разных мелочей. Решив не мудрить, Мишка выстругал и отполировал дощечку и уселся за работу. Высота два метра, а ширина метров десять. Размер ячеи примерно сантиметров пять на сторону. И тащить не тяжело, и вязать не долго. Глядя, как ловко его пальцы затягивают узелки, Глафира только головой покачала, расстерянно проворчав:

– И где только научиться успел?

Увлечшись, Мишка связал новую сеть за две недели и, продернув в верхний край веревку, принялся выстругивать поплавки. Восемь обрезков лиственницы он притащил с лесопилки. На грузила парень собирался пустить набранные в депо старые гайки. В общем, спустя три

недели у него была новая снасть. Помяв край сети в пальцах, Глафира удивленно хмыкнула и, повернувшись к Мишке, спросила:

– Сынок, а ты на заказ такую связать можешь?

– Могу, – удивленно пожал Мишка плечами. – А кому?

– Марфа, подружка моя вдовая. Шестеро деток без отца растут. Я ей помогаю, как могу, да только все одно тяжело. А с такой сетью мальчишки ее и сами рыбы наловят да насолят. Так что, можно? – с непонятной робостью спросила женщина.

– Сделаю, – вздохнув, решительно кивнул Мишка. – Это, выходит, ты ей втихаря всеносишь? Даже от меня тайлась? – спросил он, задумчиво рассматривая тетку.

Та в ответ только виновато кивнула.

– А чего тайлась-то? – не сдавался Мишка.

– Так ты кормилец. Вон, головой своей да руками зарабатываешь. Машины всякие придумываешь. Получается, ты во двор, а я со двора.

– Так ты ж не на пропой, а детям, – проворчал Мишка и, махнув рукой, принялся наматывать бечеву на челнок.

Теперь, когда процесс был отработан до мелочей и руки вспомнили каждое движение, Мишка работал еще быстрее. Через полторы недели Глафира унесла уже готовую сеть. Вернулась она часа через полтора, и не одна, а с подругой. Женщина, приблизительно ее ровесница, вытолкнула вперед двух мальчишек-погодков, и вдруг, повалившись на колени, заплакала:

– Мишенька, спаси тебя Христос! Не даешь сиротам пропасть. От себя отдаешь...

– А ну тихо! – удивленный до безобразия, рявкнул Мишка, обрывая это завывание. – Ты чего, Марфа, белены объелась? Забыла, что я сам сирота и ежели б не мама Глаша, так под забором и помер бы? Так, пацаны, сюда идите. Как зовут?

– Гришка, Тишка, – представились мальчишки, шмыгнув носами и слитным движением утерев их руками.

– Так. А лет по сколько?

– Мне одиннадцать, а ему десять, – бойко отрапортовал старший.

– Ну, считай, уже почти мужики, – усмехнулся парень. – А теперь рассказывайте, как сеть ставить собираетесь.

– А чего там ставить? На палку натянем и по реке пройдем, а потом край на берег выведем.

– Это бреднем так ловят, – покрутил Мишка головой. – А сеть на ночь ставить надо. С лодки. Лодка есть?

– От батки старая осталась. Да только рассохлась, наверно.

Старший из мальчишек вздохнул так, что парню сразу стало ясно, про лодку можно смело забыть. Почесав в затылке, Мишка оглядел пацанов и, махнув рукой, проворчал:

– Ловите как бреднем. Для лодки вас мало. Да и силенок еще не хватит.

– А как надо с лодки ловить? – осторожно поинтересовался младший брат.

– На речку выплываешь и начинаешь сеть с одного края в воду опускать, чтобы она расправлялась и стенкой в воде становилась. И ставить ее надо не поперек движения, а как бы наискосок. Потому как ежели поперек, то ее течением снесет.

– А зимой ее ставить можно? – вдруг озадачил Мишку старший мальчишка.

– Что, совсем голодно? – сообразив, с чего такой вопрос, уточнил парень.

– Тяжко, – нехотя признался старший. – Мы-то еще ничего, а вот младшие все время плачут.

– И дров нет, – еле слышно добавил младший.

– Твою ж дивизию, – выдохнул Мишка, растерянно посмотрев на тетку.

Сообразив, что он хочет знать, та только коротко кивнула. Сама Марфа, продолжая стоять на коленях, уткнулась лицом в ладони, тихо всхлипывая и дрожа плечами.

– Мама Глаша, ты пока пацанов покорми и подругу свою. А я самовар поставлю, – вздохнул Мишка, накидывая полушубок и шапку.

Порыв ветра едва не смахнул его с крыльца. Кое-как растопив самовар, Мишка запахнул поплотнее полушубок и, подкидывая в топку полешки, задумался. Тащить всю эту ораву в дом, так это будет не просто коммуналка, а настоящий барак. Но и бросить маленьких детей помирать от холода и голода Мишка тоже не мог. Но прежде чем принимать окончательное решение, нужно было обговорить все с теткой.

Дождавшись, когда самовар вскипит, Мишка ухватил его за ручки и, в очередной раз напомнив себе обязательно сделать чайник, потащил тару в дом. Гости уже успели уничтожить по миске каши с кусочками мяса. Одним быстрым движением поставив самовар на стол, Мишка повернулся к тетке и, кивнув ей на шкафчик, велел:

– Доставай там все, что к чаю.

Радостно полыхнув взглядом, Глафира моментально накрыла на стол. Не ожидавшие такой роскоши мальчишки притихли, рассматривая угощения квадратными от восторга глазами.

– Налетай, пацаны, – скомандовал Мишка, налив им чаю.

Пока парень угощал мальчишек, Глафира увела немного успокоившуюся подругу за печь, что-то тихо ей втолковывая. Заметив, как тетка сунула в сумку ковригу домашнего хлеба, он жестом позвал ее к себе и, указывая на пряники, велел:

– Все, что там у нас осталось, собери и им отдай. А проводишь, поговорим.

Быстро кивнув, Глафира метнулась в свой закуток и, что-то приговаривая, принялась шуршать, словно электровеник. Вскоре большая корзина была набита до краев. Мальчишки, осоловевшие от еды, отвалились от стола, глядя на Мишку почти влюбленными глазами. Чуть усмехнувшись, он выдал каждому из них по прянику с собой и велел собираться. Марфа попыталась еще пару раз грохнуться на колени и все порывалась поцеловать ему руку, на что Мишка вынужден был отреагировать, как пес на кота.

Тетка кое-как вытолкала подругу за порог, избавив его от всех этих излияний, и Мишка, облегченно вздохнув, вернулся к столу. Налив себе еще чашку чаю, он дождался возвращения тетки и, усадив ее напротив, прямо спросил:

– Что у нас с солониной? До весны дотянем?

– Еще и останется, – решительно кивнула та. – А рыба соленая еще с той зимы осталась.

– А с деньгами как?

– Я без малого восемь рублей уже собрала. Чего надо будет, всегда купим.

– Хорошо. В общем, отбери там им солонины, рыбы соленой, соли, овощей каких. Ну, сама разберешься. И скажи, пусть пацаны к нам за дровами и углем прибегают. Я глянул, до весны нам хватит. Только с санками. А то половину по дороге рассыпят.

– Спаси тебя Христос, Мишенька, – вдруг всхлипнула Глафира. – Марфа баба добрая. Меня сколько раз от Трифона укрывала. Да только не свезло ей. В прошлом годе муж простыл да через два месяца помер. Вот теперь с детьми и мыкается.

– Ну, чем можем, поможем, – устало кивнул Мишка.

* * *

Весенняя капель вывела Мишку из мрачной созерцательной задумчивости. Осознав, что скоро будет год, как он оказался в этом странном, удивительном мире, парень отложил все дела и, выбравшись из дома, замер посреди двора, с удовольствием подставив лицо теплему солнышку и вдыхая чистый воздух, наполненный запахами просыпающейся тайги и талой воды.

– Твою ж маман! Почти год прошел, – проворчал Мишка себе под нос, складывая руки на груди. – Сколько мне сейчас, по местным меркам? Вроде пятнадцать, тетка говорила. Выходит,

еще как минимум три года буду дурыю маяться, пока получится хоть что-то самостоятельно делать. Ну, и чем займемся, кроме хозяйства?

– Сынок, ты чего там? – окликнула его тетка, сбивая с мыслительного процесса.

– Да так, смотрю, чего нам за лето сделать надо, – нашелся парень.

– Так а чего надо-то? Баню поправить да огород вскопать. Ну, сена потом накосить, – принялась перечислять Глафира.

– Угу, воды наносить, тесто замесить, печку затопить, блин, я тут с ума сойду в таком режиме, – буркнул про себя парень. – Карусель. Бег по кругу. Нет, надо срочно в тайгу уходить. Заимку ставить.

– Ты чего задумал, Мишенька? – подойдя поближе, осторожно спросила тетка.

– В тайгу идти надо. Заимку свою ставить, – вздохнул Мишка. – Пока время есть.

– По весне?!

– А когда? Зимой надо было? Осенью самая охота начнется.

– Неужто один ставить будешь?

– Вот думаю, кого в помощь брать.

– Так, может, мальчишек Марфиных возьмешь? Заодно и промыслу их обучишь.

– Им учиться надо. Грамоте. А то так и будут всю жизнь или по тайге шастать, или на копи спину ломать. Да и какие из них помощники? Дети еще. Не приведи Бог, бревном привалит, – скривился Мишка, которому совсем не хотелось становиться вожатым в детском саду. – Нет. Сначала надо заимку поставить, обжить ее, а потом уж учеников брать.

– Ну, может, оно и верно, – вздохнула Глафира.

– Ладно. Пойду, в участок схожу. Может, дело какое появилось, – вздохнул Мишка и, вернувшись в дом, быстро оделся.

Шагая по журчащим уличным ручьям, он дошлепал до станции и, уже входя в здание, вдруг услышал, как его кто-то окликнул:

– Михаил!

Развернувшись, Мишка с удивлением узнал инженера, у которого взорвался сарай. Спустившись с крыльца, Мишка вежливо поздоровался и вопросительно посмотрел на него. Смущенно затоптавшись под его внимательным взглядом, инженер откашлялся и, вздохнув, сказал:

– Мне сказали, что вы тут оружейным мастером служите. Выходит, нашли свою стезю в механике?

– Ну, не совсем, но близко, – кивнул Мишка. – А что, вы еще один двигатель собрали?

– Верно. Собрал, – решительно кивнув, заявил инженер.

– Опять дизельный?

– Да. Если вы что-то знаете об этих моторах, то согласитесь, что у них огромный потенциал, – горячо принялся доказывать инженер, явно сев на любимого конька.

– Так тут ведь без испытаний ничего и не скажешь, сударь, – остановил его Мишка. – И потом, куда вы собираетесь его применить? Ежели в телегу самобеглую, это одно, а ежели в лодку, совсем другое.

– В телегу? А, в смысле в автомобиль? – сообразил инженер. – Ну да, я именно так и планировал.

– Напрасно, – качнул Мишка головой.

– Почему?

– А сами подумайте. Ну куда тут у нас ездить? От деревни до речки? Вам топлива даже до следующей станции не хватит. А если и хватит, то обратно придется лошадей нанимать.

– И что вы предлагаете? – растерянно спросил инженер.

– На лодку его ставить, – категорично отрезал Мишка, уже прикинувший выгоду от такого агрегата. – Река у нас широкая, длинная. А в верховья подняться тяжело. Поворотов много, под парусом не пойдешь. А на моторе запросто.

– Пожалуй, вы правы, – задумчиво кивнул инженер. – А как тогда я смогу его контролировать? А если ремонт какой потребуется?

– Ну, тут все просто, – улыбнулся парень, расставляя ловушку. – Вы ставите его на старый катер. Ну, или на вельбот. А я, как лед сойдет, сам на нем вверх по реке пойду. Хочу там заимку поставить. Вот заодно и проверю, на что ваш мотор способен.

– А что на той заимке будет? – не понял инженер.

– Так рыбу ловить да солить стану, зверя на мясо бить. А потом все вашим катером сюда перевозить. Заодно и отчет вам про мотор давать. А главное, ежели сломается, я всегда смогу на том катере по течению сплавиться. Вот и получится, вы будете знать, как он лодку вверх по течению потянет, и как вниз.

– Ну да, ну да. Разность нагрузок – это важно, – задумчиво закивал инженер. – Но где нам катер взять? – вдруг спросил он, задумчиво разглядывая Мишку.

– Пошли, сейчас узнаем, – усмехаясь про себя, позвал парень и, развернувшись, нырнул в участок.

Узнав у дежурного, что урядник уже на месте, он уверенно повел изобретателя на второй этаж. Из вежливости постучав в створку, он толкнул дверь, не дожидаясь ответа, и, переступив порог, поздоровался:

– День добрый, Николай Аристархович. Мы к вам с господином инженером по делу.

– Угу, – мрачно кивнул урядник, не отрываясь от каких-то бумаг. – Чего случилось? – спросил он, поднимая голову и с явным удовольствием отодвигая бумаги.

– Вот, господину инженеру катер нужен или вельбот какой. Вы у нас власть, все про всех знаете, подскажите человеку, где такую штуку купить, – быстро перевел Мишка стрелки.

– Так, где купить, – проворчал урядник, расправляя усы. – Тут с купцами говорить надо, которые в дальние фактории ходят. Или с теми, кто лес сплавляет. Но цена тут от мотора зависеть будет.

– Тогда лучше вельбот, – нашелся Мишка. – А винт и мотор господин инженер сам поставит.

– Да, да. Именно так. Главное, чтобы корпус крепким был, – быстро закивал изобретатель.

– Да вы никак опять мотор собрали? – сообразил урядник и возмущенно засверкал глазами.

– Николай Аристархович, кто старое помянет, тому глаз вон, – быстро притушил Мишка разгорающиеся страсти. – А мотор его дело нужное.

– А тебе-то в том какая выгода? – насторожился толстяк.

– Заимку хочу ставить. Выше по реке. Наши все ниже ходят. А я к горам хочу, – пожал Мишка плечами.

– А чего там? – не понял урядник.

– Сказал же, наши все ниже по течению ходят. Выходит, выше там места нехоженные и дичь непуганая. Да и от хунхузов подальше.

– Там река промеж высоких берегов идет. Быстрина, – напомнил урядник.

– Знаю. Потому и хочу его мотор попробовать. А не получится, придется коня покупать. Да и поделено все давно внизу, – добавил парень, махнув рукой.

– Ну, тоже верно, – вздохнул урядник. – Ладно. Есть у меня пара знакомых. Схожу сегодня. Все равно на площадь идти. Что узнаю, сам к вам зайду, – добавил он, повернувшись к инженеру.

– Буду премного благодарен, голубчик, – рассыпался изобретатель, вскакивая.

– Рассказывай, Миша, чего задумал? – спросил урядник, дождавшись, когда инженер выскочит из кабинета.

– Правда заимку ставить буду, – вздохнул Мишка, решив помолчать пока про золото. – Пора уже свои угоды искать. Мне и тетку кормить, да еще и подругу ее, Марфу, а у той шестеро по лавкам.

– А ее-то с чего? – растерялся толстяк.

– А что, детей на голодную смерть бросить? – возмутился Мишка.

– Что, Глафира разжалобила? – понимающе вдохнул урядник.

– Так ведь я и сам сирота. Коли б не тетка, так бы сдох под забором. Или уже на этапе кандалами гремел.

– Тоже верно, – снова вздохнул толстяк. – Это выходит, на все лето уйдешь? А служба как же?

– А что служба? – не понял Мишка. – Патроны к револьверам я вам накрутил. Ежели надо, пусть начальство еще гильз закупает. Наделаю. А к винтовкам не с моей мастерской. Там серьезный цех ставить надо.

– Вроде так, – задумчиво кивнул урядник.

– Да вы не думайте, дядя Николай. Я и себе рыбы насолю, и про вас не забуду, – подмигнул ему Мишка. – Хочу еще там коптильню поставить.

– Решил на месте все делать? – понимающе усмехнулся толстяк.

– А чего сырое сюда тащить? Коли у инженера с катером получится, так я все уже готовым смогу привозить. Так что, поможете ему вельбот купить?

– Да найду я ему лодку, – отмахнулся толстяк. – Уже три штуки знаю. Но ему ж, точнее тебе, получше надобен.

– Желательно, – усмехнулся Мишка.

– Найдем, – усмехнулся в ответ урядник, подвигая к себе бумаги.

– Что, начальство отчет потребовало? – понимающе усмехнулся парень, кивая на бумаги.

– Не то слово, – скривился толстяк. – Дел нет, а отчет давай. Им, видишь ли, из столицы виднее, как надо в нашей глуши дела вести. И чего я им тут написать должен?

– А так и напишите. Мужик такой-то мужику такому-то по пьяному делу рыло начистил. А приказчик такой-то у купца такого-то полюбовницу увел. Пусть почитают. Разика три-четыре с такой мурой повозятся, сами откажутся, – рассмеялся Мишка. – А станут возмущаться, так и говорите: у нас глушь такая, что медведя чаще встретить можно, нежели бандита. А если кто бузу и может учинить, так только ссыльные.

– Ну, Мишка! – расхохотался толстяк. – Вот умеешь ведь на пустом месте мозги заплести.

– А чего? – невинно захлопав глазами, пожал плечами парень. – У вас служба в чем? Охранение благочиния и недопущение его нарушения. А охрана ссыльных да сторожа станции – это конвойная рота да военные. Вот пусть они и отдуваются.

– Только не говори, что ты наш устав читал, – растерялся урядник.

– Читал, – кивнул Мишка. – Должен же я знать, где служу и кому помогаю.

– Что, и все понял? – не поверил толстяк.

– Да чего там понимать, – отмахнулся Мишка. Слова умные, а смысл один.

– И какой же?

– Надзирать и пресекать, – коротко ответил парень. – Надзирать за благочинием и пресекать попытки его нарушить. А что такое это самое благочиние, они и сами не знают.

Внимательно выслушавший его урядник, помолчав, вдруг громко, от души расхохотался.

– Ну, Мишка, уморил, – простонал он, утирая слезы. – Люди старались, писали, а он весь их труд к двум словам свел.

– А чего дурью маяться? – развел парень руками. – В писании десять заповедей для чего даны? Вот они и есть, то самое благочиние. А остальное от лукавого.

– Гм, а ведь верно, – покачал толстяк головой, успокаиваясь. – Так оно и есть.
– Ладно, пойду я, дядя Николай, – улыбнулся Мишка, поднимаясь.
– Ступай, Миша, ступай. Ежели чего, где искать тебя?
– Так сейчас мастерскую проверю и в оружейку загляну. А потом дома буду, – пожал парень плечами и, аккуратно прикрыв за собой дверь, вышел.

* * *

Вельбот плавно развернулся и по дуге направился к причалу. Небольшой примитивный дизель, звонко тарахтя, уверенно тянул его и по течению, и против. Мишка, после того как урядник нашел подходящую посудину, не удержался и, напросившись в мастерскую инженера, ненавязчиво подсказал ему конструкцию винта. Большая скорость им была не нужна, а вот тяговитость весьма желательна, так что грузовой винт очень скоро занял свое место на валу.

Пропитать льняную веревку моторным маслом и зажать ее в металлическом корпусе вместо сальника тоже была его идея. Само собой, полностью избежать протечки воды таким способом не удалось, но и серьезной течи не было, так что результат был признан удовлетворительным. Сам Мишка в работы по установке и креплению двигателя в лодку не влезал – так светиться перед грамотным инженером было бы верхом глупости, – но несколько вроде как случайных советов подкинул.

Подогнав вельбот к причалу, Мишка заглушил мотор и, перебросив стоящему на причале изобретателю конец, весело усмехнулся:

– Толковый катер получился, господин инженер.
– Миша, ну сколько тебя просить, Александр Степанович я, – скривился тот.
– Да как скажете, – рассмеялся парень. – Но катер и вправду толковый. И руля слушается, и против течения тянет хорошо. В общем, осталось на дальнем расстоянии его проверить.
– Когда отправишься? – быстро спросил инженер.
– А вот как только весь лед с верховьев сойдет, так и отправлюсь. Не хочу, чтобы вельбот льдиной раздавило.

– Думаешь, еще не все? – удивленно спросил Александр Степанович, с недоумением оглядываясь на вздувшуюся реку.

– Нет. Это пока только здесь, на широком месте лед сошел. А ближе к горам холоднее. Оттуда лед позже пойдет. Где-то к маю. Да вы сами все увидите, как глыбы поплывут.

– Хорошо. Как раз мне заказанное топливо подвезут, – кивнул изобретатель.

Бросив сторожу у причала полтину, он с довольным видом обернулся и, окинув вельбот взглядом гордого мастера, проворчал:

– Теперь главное, чтобы ты его не разбил.
– Еще чего, – фыркнул Мишка. – Мне этот катер даже нужнее, чем вам.
– Как это?
– А вот так. Для вас это доказательство вашей правоты, а для меня возможность семью на всю зиму обеспечить. Особенно сейчас, когда я только собираюсь заимку ставить.
– Ах да, – поспешно кивнул инженер. – Но я тебя очень попрошу, Михаил. Любое, слышишь, любое изменение в работе мотора обязательно запомни, а еще лучше запиши. Это очень важно.

– Не беспокойтесь. Вы только тетрадку, какую и карандаши мне с собой дайте, – кивнул Мишка, улыбаясь про себя.

– Конечно, конечно. Обязательно приготовлю, – суетливо закивал инженер.

– Вот и славно. Тогда прощаюсь с вами, Александр Степанович. Пойду, нужно еще собрать многое, – улыбнулся парень и, чуть поклонившись, отправился домой.

Ему и вправду нужно было сделать еще очень многое до того момента, когда настанет время отхода. И прежде всего приобрести еще одну лодку. На этот раз весельную. Гонять вельбот ради постановки сетей было глупо. И топлива не много, и ресурс мотора крошечный. Дай бог, на сезон хватит. Так что первым делом Мишка отправился к рыбакам. Рыбачья артель располагалась у моста, за станцией. Там же рядом полдюжины мастеров тесали лодки на продажу.

Добравшись до места, Мишка прошелся вдоль лодочных сараев и, присмотрев пожилого, но еще крепкого мастера, прошел во двор. Приметив парня, мастер окинул его настороженным взглядом и, еле слышно хмыкнув, спросил:

– Ищешь кого, паря?

– Мастера ищу, дяденька.

– Это ж какой мастер тебе надобен? – поинтересовался тот, усмехаясь в усы.

– А тот, который лодки делает.

– Лодки? А зачем тебе лодка?

– Заимку хочу ставить. Вот для того лодка и нужна. До места добраться, добычу привезти, сети поставить.

– И какая лодка тебе нужна? – спросил мастер, продолжая улыбаться.

«Ну-ну. Я сейчас тоже посмеюсь», – хмыкнул про себя Мишка и, разровняв подошвой песок, достал нож.

– Вот, смотрите. Днище полукруглое, с килевой балкой, для устойчивости. Банки две. Одна посередине, вторая на корме. Она же рундук, в котором всякую мелочь хранить можно. Нос чуть задранный, чтобы на волне не зарывался. Уключины под весла. Точнее, только отверстия под них. Сами уключины и оси на веслах я металлические хочу. Сам в депо закажу.

– Вот, значит, как, – удивленно протянул мастер, растерянно оглаживая аккуратную бородку. – Это где ж ты такого нахватался?

– Книжки люблю, – выдал Мишка ответ, уже набивший оскомину. – Так что, сможете? И сколько мне такая встанет?

– А лодочка-то непростая. Не для реки. Такими морские рыбаки пользуются. Сам вон нос ей нарисовал высокий, для мореходности лучшей. А ведь такие и вправду в книжках пописывают, – покачал мастер головой. – Ладно. Раз уж пошел такой разговор, пойдем, – позвал он и, развернувшись, решительно зашагал куда-то вглубь лодочного сарая.

Уже войдя внутрь, Мишка понял, что сараем это сооружение только называется. Длинное здание, в котором лодки и хранились, и изготавливались. Только смолить их вытаскивали на берег. Ловко проскользнув мимо нескольких лодок, стоявших на козлах, мастер добрался до задней стены сарая и, откинув кусок брезента, спросил:

– Таковую хотел?

– Ух ты! – невольно вырвалось у Мишки.

Перед ним было именно то, чего он хотел. Заглянув через борт, он с удивлением отметил металлический стакан на килевой балке для установки мачты. Погладив борт ладонью, парень повернулся к мастеру и, покрутив головой, спросил:

– Неужто еще и парусное оснащение сделали?

– Есть, – коротко кивнул мастер с довольным видом. – Сам-то под парусом ходишь?

– Да где тут? – развел Мишка руками. – Так, общие понятия только и выучил.

– Вот и я. Сначала сделал ее, а только потом понял, что ветра от устья к истоку тут только зимой, – вздохнул мастер.

– Охотников надо было спрашивать, – улыбнулся Мишка. – Они про это все знают.

– Я сюда приехал, когда и станции-то еще не было. Только чугунку проложили, – грустно усмехнулся мастер. – Все мечтал всю реку от истока пройти. Не судьба.

– Это с чего? – не понял Мишка. – Вот заимку выше по течению поставлю, и милости просим. Все равно до самого истока на лодке не дойти. Там предгорья, а дальше только каскады

да водопады. Только на парусе все одно не дотянете. На реке поворотов много, а там ветер не поймать.

– А сам как собираешься? Неужто на веслах? – удивился мастер.

– Нет. Инженер тут один мотор маленький собрал и на вельбот поставил. Вот на нем и пойду. А лодка мне для рыбалки нужна. Да и вельбот тот потом инженеру вернуть придется. Так что один сезон попользуюсь, а потом уже на такой красавице, – Мишка снова огладил борт лодки.

– С мотором, значит, – вздохнул мастер, заметно помрачнев.

– Так мне ж, дяденька, не кататься. Мне семью кормить, – понимающе кивнул Мишка.

– А на нее мотор ставить будешь? – вдруг спросил мастер.

– Зачем? – сделал вид, что удивился, парень, который уже прикидывал, как бы соорудить небольшой лодочный мотор. – Хотел бы под мотор, не стал бы уключины в железо забирать. Да и рундук тогда разбирать придется. Только я никак не пойму, к чему разговор этот?

– Найдешь за нее пять рублей? – помолчав, спросил мастер. – Сразу скажу. Без торга. Из лиственницы тесал. Только вчера смолить закончил. Считаю, вечная лодочка.

Мишка снова перегнулся через борт и присмотрелся более внимательно, особое внимание уделив стакану под мачту. Прикинув примерную высоту мачты, он мысленно наметил точки, к которым не мешало бы провести дополнительные упоры, и, медленно подойдя к корме, откинул сиденье. Рундук под ним оказался вместительным. Кивнув, Мишка вернул все на место и, задумчиво побарабанив пальцами по борту, спросил:

– Весла тоже из лиственницы?

– Обязательно, – кивнул мастер.

– Добро. Тогда так. Завтра уключины железные принесу, поставите. И лодка тут до выхода постоит. Как приду забирать, так и деньги принесу. По рукам?

– Не доверяешь? – понимающе усмехнулся мастер.

– Тут не столько недоверие, сколько желание быть уверенным, что все сложится, – ответил Мишка, задумчиво почесывая в затылке.

– А что, сомнения есть, или проблема какая? – нейтрально уточнил мастер.

– Инструмента много с собой везти придется. А его прежде собрать надо. Потому и не знаю, когда точно уйду.

– Ну, бывает, – задумчиво кивнул мастер. – Добро. Уговорились, – чуть запнувшись, кивнул он, протягивая парню руку ладонью вверх.

– Уговор, – решительно кивнул Мишка, хлопнув его по ладони. – Приду за лодкой, уже с деньгами.

– Завтра велю в отдельный сарай ее перетащить, – пообещал мастер.

Мишка вышел на берег и зашагал в депо, попутно обдумывая свою сделку. Пять рублей деньги весьма серьезные, и отдать такую сумму за лодку, даже очень хорошую, шаг серьезный. Впрочем, лодка ему действительно была нужна. Что ни говори, а иметь возможность в любой момент уйти из поселка, пусть даже на веслах, дело нужное. Особенно в свете всех предстоящих разборок.

Добравшись до депо, Мишка быстро нашел уже знакомого мастера и, пользуясь его расположением, быстро соорудил пару уключин и посадочных гнезд под весла. Сложного там ничего не было, так что справился он чуть больше чем за час. Рабочие, уже привыкшие, что у парня вечно появляются полезные в жизни хитрости, быстренько разобрались, что куда вставляется и для чего оно нужно, и дружно одобрили очередную новинку. Мишка же, попрощавшись, отправился домой.

Там, облазив сени, сарай и даже овин для скотины, он собрал весь имевшийся в доме инструмент и, разложив его на крыльце, пригорюнился. Кроме пары стамесок, топора, тесла и молотка ничего не было. Похоже, запойный дядюшка умудрился пропить все, до чего сумел

дотянуться. За этими размышлениями его и застала тетка. Едва зайдя во двор, она охнула и поспешила к крыльцу.

– Ты чего, Мишенька? – спросила она, плюхаясь рядом и быстро щупая ему лоб. – Ничего приболел?

– Нет, мама Глаша. Все нормально. Вон, инструмент собирать начал, а у нас и половины нет. И как тут заимку ставить? Где его сейчас купишь?

– А тебе какой инструмент надобен? – подумав, уточнила Глафира.

– Так плотницкий, столярный. Пила двуручная, лучковая. А тут даже ножовки нет, – вздохнул Мишка.

– погоди горевать, – вскинулась тетка и, подхватив подол, вихрем унеслась.

– Во дает! – покрутил Мишка головой, глядя ей вслед.

Собрав все найденное, он перетащил инструмент в сени и отправился ставить самовар, попутно обдумывая возникшую проблему. Но спустя примерно сорок минут необычная процессия заставила его растерянно замереть у закипающего самовара. Тетка и три пацана Марфы чинно шагали по улице, таща на себе кучу всякого инструмента. Пройдя во двор, мальчишки аккуратно разложили все на крыльце.

– Вот, сынок. Марфа собрала все, что от мужа осталось. Смотри, что надо. Мы с ней уговорились, пользуйся, пока не построишь, – с улыбкой сказала Глафира, указывая на ящики.

– А инструмент-то добрый, – похвалил Мишка, быстро осмотрев все принесенное. – Сразу видно, батка у вас знатным мастером был, – добавил он, улыбнувшись мальчишкам.

– Мамка сказала, и рада бы совсем отдать, да потом нам такого самим не купить будет, – тихо ответил старший пацаненок.

– Ничего. Мне совсем и не надо. Вот заимку построю и верну, – пообещал Мишка. – А себе потом сам справлю.

– А чего раньше не справил? – мрачно уточнил мальчишка, и Мишка понял, что он явно боится, что инструмент больше не вернется.

– Так не до того было, – ответил парень, пряча улыбку. – Я ж все больше по оружию. А вот припекло, хватился, и нету. Дядька пропил.

– А ты сам не пьешь? – не унимался пацан.

– Нет. Не люблю, – скривился Мишка. – Пива если только. Да и то после бани.

– Батя тоже после бани любил, – помолчав, шмыгнул мальчишка носом.

– Не грусти. Вот заимку поставлю, и на следующий год с собой вас возьму. Помогать станете.

– Что, на охоту? – вскинулась вся троица.

– И на охоту, и на рыбалку. Пока в силу для мастерства какого войдете, сможете сами мамке помогать, – усмехнулся Мишка, хлопнув старшего по плечу.

* * *

Последний лед сошел через неделю. Провожая серые ноздреватые глыбы взглядом, Мишка кутался в старенький колушок, давно уже ставший тесным в плечах, и неторопливо прокручивал в памяти список того, что нужно было взять с собой. По всему выходило, что приготовить он успел все, уже через пару дней можно отправляться в дорогу. Вельбот и купленная лодка стояли на берегу у лодочного сарая, как и было оговорено с мастером. Негромкий хруст песка заставил Мишку насторожиться и шагнуть в сторону:

– Думал, не услышишь, – хрипло рассмеялся Савва, здороваясь.

– Помню, что на меня заказ есть, – скривился парень.

– Это правильно, – кивнул бывший каторжник. – А что по нашему делу скажешь?

– А что тут говорить? – пожал Мишка плечами. – Через пару дней уйдем.

- Вверх? – на всякий случай уточнил Савва.
- Угу. Понизу все поделено давно. Народ скоро на путину выйдет. К нересту. Так что ловить там нечего. Да и глаз лишних много будет. Так что да. Вверх.
- Говорят, там у хантов места запретные. Да и удалось мне про парочку толковых мест разузнать.
- Хочешь с их хозяевами повоевать? – скривился Мишка. – А про запретные места знаю. Было время, часто у хантов ночевал.
- Чего так? – удивился Савва.
- Из дома уходил. Дядька пил да на мне зло срывал. Вот и искал место, где пересидеть можно, – вздохнул парень.
- И что, пускали? – с интересом спросил Савва.
- Конечно. Они народ добрый. Если не задираться и обычаи их не хаять, и слова плохого не скажут. И помогут всегда. Я у них даже щенка выкупил. Не поверишь, за десяток патронов.
- И где он?
- Дядька обеих собак пропил, – ответил Мишка, скрипнув зубами от злости.
- М-да, – крикнул Савва. – Ладно. Тогда скажи, как пойдём и как там все делать станем?
- Как погружу все, к тебе в лавку пацана пришлю. На следующий день буду тебя с утра на излучине ждать. Туда пешком дойдешь. Не надо, чтобы нас вместе видели.
- А если я лодку возьму? – подумав, спросил бывший сиделец.
- Так еще и проще. Я ее к вельботу прицеплю, и уйдем, – пожал Мишка плечами. – Только зачем тебе лодка?
- Да оброс кое-каким барахлом, кто там знает, что пригодиться может, – загадочно усмехнулся Савва. – Да и бросать не хочется то, что самому может потребоваться.
- Сам решай, – равнодушно кивнул парень. – В любом случае на излучине утром. Час ждать стану. Не придешь, один уйду. А уж как, пешком или лодкой, тебе решать.
- Добро. А на месте как? – не унимался ссыльный.
- Место для заимки выберу, разгрузимся и станем жилу искать.
- Жилу?! – не поверил Савва собственным ушам. – Да ты хоть представляешь, что такое настоящую жилу найти?
- Представляю, – коротко усмехнулся Мишка. – Я ведь про хантов не просто так сказал. Вспомнил кое-что. Не знаю, насколько правда и есть ли там жила, но про самородки они не раз говорили.
- А чего тогда сами не моют? – засомневался Савва.
- А то ты не знаешь, что с ними купцы сделают, если про место прознают? – зашипел парень. – Или споят всех, или вообще поубивают. Потому и молчат.
- А тебе, значит, сказали.
- Не мне. Промеж себя говорили. Решали, как добытое в факторию сдать и что на полученное брать. А я запомнил.
- Так они ж нас там и порешат, если увидят, – растерялся Савва.
- Не увидят. Мы себе свое место найдем. А они свое золото берут там, где земли запретные. Так мы туда и не пойдём.
- Ладно, нашли мы место. И дальше как? Разойдемся, и каждый за себя, или еще чего предложишь?
- А дальше, если будешь делать, как я говорю, с прибытком уйдешь, – жестко ответил парень. – Есть у меня механизм, которым грунт можно будет быстро промывать. Как место найдем, к заимке вернемся. Поможешь мне бревен на сруб навалить. А потом я тебе и лоток соберу, и механизм поставлю. Ты моешь, а я заимку ставлю.
- Вот так просто? – хмыкнул Савва.

– Говорили уже про то, – отмахнулся Мишка. – Ты с добычей уйдешь, а место мне останется. А станешь меня слушать, еще и подскажу, как лучше добраться.

– А чего тут думать? – не понял Савва. – Путь-то у меня немного. Или по тракту, или по чугунке.

– Все так думают, потому и попадают, – усмехнулся Мишка.

– М-да, сказал бы мне это кто другой, рассмеялся бы. А тебе верю, – помолчав, вздохнул Савва.

– С чего бы?

– Я многое в своей жизни повидал, но чтобы пятнадцатилетний парень один умудрялся семью кормить, в полиции оружейным мастером служить, да еще и с хунхузами воевать так, что от них только пух летит, не видал. Как ты все это делаешь, не спрашиваю. Твои секреты. Но слову твоему верю.

– Ну, если и дальше так пойдет, то сладим дело, – усмехнулся Мишка, хлопнув его по плечу так, что жилистый мужик заметно покачнулся. – Жди мальчишку.

Они разошлись, и парень, вернувшись в деревню, отправился к соседу, договариваться насчет телеги с лошадью. Тащить на себе все, что он собрался везти, никаких сил не хватит. Вручную перекатив телегу во двор, он принялся укладывать все, что готовил. Инструмент, пустые бочонки для рыбы. Полдюжины новых кадушек для всякого, что может найтись, от ягоды и грибов до соленой убоины. Мотопомпа, собранная из хлама, но при этом работавшая. Сменная одежда.

В общем, телега оказалась загруженной так, что оси трещали. Убедившись, что осталось погрузить только оружие и боеприпасы, Мишка перевел дух и устало облокотился о борт своего транспорта.

«Теперь накрыть все это добро брезентовым пологом, и готово», – подумал он, бросая внимательный взгляд в небо.

Вышедшая из дома тетка позвала его обедать, и парень, увязав брезент, отправился к колодцу, мыться. Отдав должное наваристым щам и пшенной каше с кусочками мяса, он откинулся на стену и, сыто отдуваясь, проворчал:

– Вот чего мне там точно хватать не будет, так это твоей готовки. Вкусно, сил нет.

– Так давай я с тобой поеду, – с ходу предложила Глафира.

– Куда?! – Мишка аж подпрыгнул. – А дом? А огород? А корова? Я уже с артелью договорился, на следующей неделе придут баню править. Это все куда? Да и не дело это, женщине на голой земле ночевать. Нет, мама Глаша. Пока заимку не поставлю, делать тебе там нечего.

– Так я бы и сготовила, и постирала, – робко добавила тетка.

– Так я же не на все лето ухажу. Вот как вернусь с добычей, так и будет тебе и стирка, и готовка, и все остальное веселье. Только успевай.

– Нашел чем напугать, – рассмеялась Глафира. – Да любая баба с этим за день управится. А вообще, тебя и вправду женить пора, – вдруг подытожила она.

– Ты чего, мама Глаша? – растерянно пролепетал Мишка, не ожидавший такого захода от слова совсем. – Куда мне жениться? Молоко еще на губах не обсохло. Да и хозяйство у нас порушено крепко. Всех богатств – одна корова да оружие мое.

– Ой, не гневи Бога, Мишенька, – осуждающе качнула женщина головой. – Ты у меня и охотник, и добытчик, и полиция тебя уважает. И даже, вон, господа офицеры здороваются.

– Ну, с их здоровканья шапку не сошьешь, – отмахнулся Мишка, припомнив удивление, с которым тетка смотрела на него в их очередную поездку на торг.

Отдав вдове полмешка муки, в довесок к трем бочонкам соленой рыбы, Мишка был вынужден слегка потратиться. Так что, в очередной раз заняв телегу, они отправились по лавкам. За мукой, чаем и солью. Хлеб Глафира пекла сама, и в обычном режиме одного каравая им хватало на два дня. То, что не съедалось, было нарезано и превращено в сухари, которые

Мишка регулярно брал с собой в тайгу. Подсолненные сухари отлично заменяли соль, если она заканчивалась.

Прикупил Мишка и перец. В прошлой жизни он был большим любителем кавказской кухни, и острые блюда мог поедать в любом количестве. Оказавшись в новом теле, он решил придержать свои прежние порывы, но старые привычки регулярно брали свое. Так что мешочек красного и мешочек черного перца пробили в его бюджете серьезную брешь. Но Мишка не жалел. Купив в аптеке бутылочку с притертой пробкой, он смешал приправы и, отсыпав часть тетке для готовки, уложил остальное в свой багаж.

Вообще на эту поездку у него были большие планы. Места, в которые он собирался, изобиловали непуганой дичью и были способны легко обеспечить его и семью вдовы. После того как Марфа без единого слова отдала ему весь инструмент покойного мужа, пусть и во временное пользование, не помочь ей было бы подло.

В общем, на том торгу господа офицеры, зная о том, как парень спас их штабс-капитана с дочерью, не чурались поздороваться с парнем первыми, чем ввергли тетку в настоящий шок. Новость эта моментально разлетелась по всему поселку, заставив его обитателей взглянуть на Мишку по-новому. Сам парень, всегда старавшийся держаться от подобного внимания подальше, только мысленно кривился и делал вид, что ничего особенного не происходит. Так и жили. Мишка регулярно ходил на службу, наводя лоск в оружейке полиции, а господа военные регулярно заходили в его мастерскую, чтобы узнать, как правильно обращаться со скорозарядниками.

За всей этой суетой он и забыл про все свои бдения в воспоминаниях о юной красавице Анне. Права была тетка. Это были всего лишь разгулявшиеся гормоны, которые легко можно было укротить, оказавшись женатым. Но именно этого Мишка и не хотел. Почему? Он и сам толком не мог ответить на этот вопрос. Но твердо был уверен только в одном: пока не будут решены все жилищно-организационные вопросы и проблема возможной войны, ни о какой семье не может быть и речи.

Он потому и торопился с постройкой заимки, чтобы в любой момент иметь возможность увести близких ему людей подальше от опасности. Что будут творить бандиты на всем протяжении этой дороги, он читал в самых разных воспоминаниях и исторических романах. Понятно, что многое там было выдумкой, но если вспомнить, как сам Мишка стал сиротой, то верить им стоило.

– ...а я тебе говорю, что такое внимание дорогого стоит, – пробилося сквозь череду мыслей.

– Что, прости? – встрепенулся парень.

– Ты чего, сынок? Я тут битый час распинаюсь, а он и не слушает! – всплеснула руками Глафира.

– Задумался, мама Глаша, – сделал вид, что смутился, парень.

– И о чем, позволь спросить? – сварливо поинтересовалась женщина.

– Так ехать скоро, вот и вспоминаю, все ли собрал да уложил. Потом суетиться поздно будет, – усмехнулся Мишка, принимая у нее чашку с чаем.

– Да уж, затеял ты, – вздохнула Глафира. – Где ж это видано, одному за лето заимку поставить, да еще и успеть припасов на зиму заготовить?

– Есть способы, мама Глаша, – усмехнулся парень. – Ленишься поменьше да шевелиться побыстрее. В наших местах день неделю кормит.

– Это верно, – грустно улыбнулась женщина. – Ты уж постарайся там хоть что-то Марфе отложить, – вдруг робко попросила она. – Сам понимаешь, шестеро деток у нее, а кормить некому.

– Помню, мама Глаша. Да и признаться, я ей теперь за инструмент должен, – кивнул Мишка.

– Инструмент, – фыркнула Глафира. – Да она как услышала, что он тебе нужен, сама кинулась все выносить, еще и прощения просила, что отдать не может. Трое сынов растут.

– Я бы и не взял. У вдовы отнимать – себя не уважать. Зимой сам себе все сделаю, – отмахнулся Мишка.

– Оно и правильно, – одобрительно кивнула Глафира.

* * *

Монотонное тархтение мотора навевало дремоту, и Мишка, в очередной раз зачерпнув ладонью ледяной воды, умылся и, тряхнув головой, тихо проворчал:

– Блин, мы так неделю ползти будем.

– Чего ворчишь? – повернулся к нему Савва.

– Медленно идем, – отмахнулся парень.

– Не гневи Бога, – покачал грек головой. – Пешком или на веслах мы бы едва от чугулки отошли.

Это было верным замечанием. Нехоженая тайга – это не прогулка по парку. Густой подлесок, овраги и буреломы – все это вынуждало любого пешехода внимательно смотреть под ноги и старательно выбирать дорогу. Особенно если еще и лошадей с грузом ведешь. Тут осторожность важна вдвойне. Не дай Всевышний, коняшка ногу сломает. Или обратно иди, или бросай часть груза.

Припомнив, сколько всего нужного погружено в лодки, Мишка только вздохнул и оглянулся через плечо. Савва, уходя в тайгу, явно не поскупился и загрузил свою посудину так, что борта трещали, возвышаясь едва на ладонь от поверхности воды. Не удержавшись, Мишка с интересом покосился на попутчика и, подправив руль, спросил:

– Савва, ты чем лодку-то загрузил? Только не говори, что продуктов набрал. Не поверю.

– И не верь, – рассмеялся грек. – Да всякого по мелочи собралось. Что-то нам здесь пригодится, что-то обменяем, если ханты объявятся, а что-то с собой возьму.

– Не тяжело будет? Добыча, да еще и барахла столько.

– Своя ноша не тянет, – загадочно усмехнулся Савва.

– Ну, как знаешь. Тебе тащить, – отмахнулся Мишка, которого сейчас больше интересовало совсем другое.

Он не просто так решил идти именно в эту сторону. В одну из зимних ночей он, уже засыпая, вдруг каким-то образом выхватил из воспоминаний прежнего хозяина тела несколько пейзажей. Именно в этих местах и был выход рудного золота, или как оно там называется. И нашел парень его в один из своих походов по тайге. Теперь перед нынешним Мишкой стояла нетривиальная задача: отыскать увиденное в своем видении место.

В том, что это была не вспышка разыгравшейся фантазии, он почему-то был совершенно уверен. Как был уверен и в том, что сумеет узнать его. А также в том, что там золото точно есть. Но было с этим местом связано что-то еще, что он никак не мог вспомнить. Впрочем, говоря греку о том, что в запретные для хантов места им лезть не придется, он тоже был уверен в своей правоте. В общем, куча непонятностей и почти загадок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.